

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
под общей редакцией Г. Г. Бережного

ВЫПУСК VIII

СБОРНИК
СТАТЕЙ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
МОСКВА 1938

Отв. редактор А. Я. БРЮСОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Государственный Исторический Музей ежегодно организует раскопки археологических памятников и систематический сбор историко-бытовых материалов в различных местах СССР. Вместе с тем в планы научных сотрудников включается разработка исторических проблем, исследование которых необходимо в текущей работе музея. Часть научных отчетов о раскопках, организованных Государственным Историческим Музеем, и научных статей, написанных его сотрудниками в плане работ музея, напечатаны или печатаются в различных периодических изданиях и сборниках; другая часть их остается неопубликованной, хотя многие из этих работ представляют значительный интерес.

Поэтому Государственный Исторический Музей считает нужным выпустить как этот, так и несколько других сборников «Трудов Государственного Исторического Музея» и отдельных монографий, содержащих эти работы. В настоящем томе объединены археологические статьи по истории доклассового общества. В других томах будут помещены статьи по раннему феодализму, по истории СССР в XVIII—XIX веках; научные описания коллекций Государственного Исторического Музея и отчеты об экспедициях. Отдельными томами намечены к печати справочные труды по истории набойного дела, клеймения серебряных изделий и т. п.

Разоблаченные вредители на фронте археологии усиленно старались задержать или сократить опубликование нового вещественного материала и подменить конкретные исследования, основанные на изучении подлинников, голыми социологизаторскими схемами. Это было своего рода попыткой омертвить научные ценности, полученные в результате археологических экспедиционных работ, на которые наше государство затрачивает большие средства. Для ликвидации последствий этого вредительства необходимо опубликовать оставшиеся неизданными отчеты о раскопках и статьи, содержащие научные описания хранящихся в советских музеях вещей. Надо сделать этот материал доступным для всех историков, изучающих далекое прошлое.

Опубликование работ в виде отчетов об экспедициях, научного описания коллекций, справочных и обобщающих статей, написанных сотрудниками Государственного Исторического Музея на основе изучения огромных хранящихся в нем коллекций и архивных фондов, несомненно может помочь в деле изучения истории народов СССР.

В помещенной в этом сборнике статье А. П. Смирнова сделана попытка обобщения известных к настоящему времени фактов из жизни древнейших племен Приуралья в 1-м тысячелетии до н. эры. Статья эта основана на изучении большого вещественного материала, частью находящегося в фондах Государственного Исторического Музея, и данных из отчетов экспедиций, некоторые из которых были проведены автором. Мы имеем в этой статье интересную попытку исследования конкретного исторического варианта начала разложения родового строя в одной из областей нашей родины.

В одной из статей О. А. Граковой «Генетическая связь ямной и катакомбной культур» приведены основания, позволяющие исправить существующее до сих пор неверное деление на две почти не зависящие друг от друга стадии одного из периодов древнейшей истории на юго-востоке Восточной Европы. Автор доказывает глубокую генетическую связь между ямной и катакомбной культурами и неправильность резкого их разграничения во времени. Значение этого заключается, помимо прочего, в том, что эти культуры и сменяющая их срубная культура являются по степени изученности основными при датировках других степных культур в 4—2-м тысячелетиях до нашей эры.

Большая редкость в практике археологических раскопок находок погребений на площади неолитических стоянок делает особенно ценной статью М. Е. Фосс, описывающей открытые ею подобные погребения на стоянке Кубенино в Архангельской области. Привлечение для сравнения значительного аналогичного археологического и этнографического материала позволило автору дать характеристику древнейших религиозных верований, связанных с такими погребениями. Для нас особенно интересны здесь детали, позволяющие в конкретных формах установить для северной части Восточной Европы вариант обрядовых погребений у охотничьих племен, связанный с верованиями в загробную жизнь.

Тема статьи Д. А. Крайнова относится к значительно более древнему времени перехода от палеолита к неолиту. Автор дает сводный обзор данных по раскопкам в пещере «Замиль-Коба» в Крыму. Эти раскопки составляют часть ведущегося Д. А. Крайновым по поручению Государственного Исторического Музея исследования эппалеолитических стоянок на юге СССР. Раскопки в «Замиль-Коба» дают в этом отношении очень ценный материал и в частности позволяют лучше других известных нам археологических исследований установить генетику форм кремневых (в том числе и топоров) орудий неолитической эпохи. Это первый случай находки на эппалеолитической стоянке Крыма каменного топора, а довольно значительное количество больших кремневых скребков наряду с микролитическими формами кремневых орудий имеют своих предшественников в более ранних культурах юга, но, с другой стороны, заставляют сомневаться в правильности применения к этим крымским культурам названия «Тарденуаз» и «Азиль». Автор следует в этом случае, — правда с оговорками, — традиции других исследователей крымского каменного века; однако было бы лучше дать этим культурам иное название, поскольку в них отсутствуют типичные для западноевропейского Тарденуаза и Азиля формы орудий и, наоборот, существуют такие типы

орудий, которые в западноевропейском Тарденуазе и Азиле никогда не встречаются.

Описание О. А. Граковой Горкинского фатьяновского могильника, раскопанного ею, статья Л. А. Евтюховой с описанием енисейских курганов с каменными насыпями, анализ состава хранящейся в Государственном Историческом Музее коллекции с Юхновского городища, данный Н. В. Трубниковой и позволяющий связывать это городище со скифским населением причерноморских степей, и сводка данных по раскопкам Андреевской стоянки на Среднем Урале, составленная автором этих раскопок П. А. Дмитриевым, дают новые материалы для историков, изучающих далекое прошлое нашей страны.

В этом сборнике помещена также статья Е. С. Видоной, содержащая описание результатов реставрационных работ над найденным В. В. Радловым в 1865 г. в кургане у с. Катанда (в Берельской степи на Алтае) одежды, относящейся к последним векам до н. эры. Тщательная реставрация этой одежды обнаружила исключительно интересные подробности техники изготовления так называемого «катандинского халата», чрезвычайную сложность этой работы и следы подновления этой одежды еще при жизни ее владельца.

Только на базе тщательного изучения как новых, так и старых, десятилетиями хранившихся в музеях археологических материалов, только на базе сводок этих материалов и правильного марксистского анализа их возможно построение конкретной истории далекого прошлого тех племен, из которых впоследствии сложились народы, населяющие СССР. Нам нужны не социологизаторские схемы, рекламировавшиеся вредителями на фронте археологии, не штампованные серии квази-ученых «трудов», в которых авторы их, не тратя времени на изучение первоисточников, извращали марксово понимание жизни, используя его, «как рычаг конструкции на манер гегелианства»¹, и брали на себя труд только заменять одни имена и даты другими. Для создания подлинной гражданской истории «надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований»², а для этого прежде всего необходим фактический материал.

Глубокий интерес к прошлому нашей великой родины характерен для граждан СССР, строящих новое лучшее будущее и по-новому, по-марксистски восстанавливающих подлинную картину прошлого всех народов, населяющих страну Советов. Потому мы считаем своим долгом делать достоянием широких масс не только те общие выводы по истории народов СССР, которые посетитель видит в экспозиции открытых зал Государственного Исторического Музея и его филиалов, но и те научные работы его сотрудников, которые частично лежат в основе этих выводов.

А. Я. БРЮСОВ

¹ Письмо Ф. Энгельса к К. Шмидту, от 5/VIII 1890 г. Сборник избранных писем К. Маркса и Ф. Энгельса. Соцэкгиз 1931, стр. 372

² Там же.

Д. А. КРАЙНОВ

ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА „ЗАМИЛЬ-КОБА № 1“

В 1935 г. Государственный Исторический Музей организовал свою первую разведочную экспедицию по изучению крымских палеолитических и ранне-неолитических стоянок.

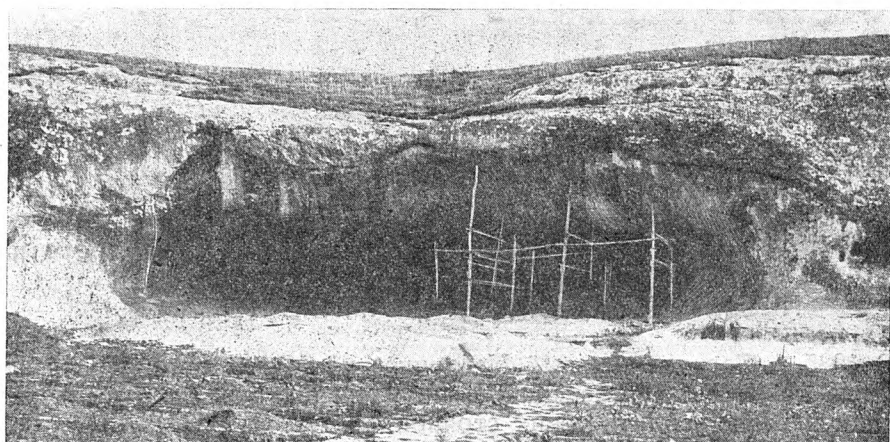
Разведками в окрестностях дер. Черкез-Кермен, Бахчисарайского района, была открыта пещерная стоянка «Замиль-Коба № 1». Разведочный шурф, заложенный в центре пещеры, позволил установить здесь наличие двух культурных наслоений: тарденуазского и азийского. Раскопки пещеры в 1936—37 гг. подтвердили данные разведочного шурфа. Добытый материал дает возможность восстановить жизнь древних обитателей этой пещеры.

«Земиль-Коба № 1» (см. сн. I) находится в $\frac{1}{4}$ км к сев.-зап. от деревни Черкез-Кермен. Расположена она в северной скалистой стене балки «Замиль». Представляет собой широкую пещеру, устьем выходящую на юг. Длина пещеры от ее наружных краев достигает 37 м. Наибольшая глубина — 16 м. Высота у устья пещеры 8 м 55 см, в середине — 4 м 80 см и в конце 1 м 85 см. Внутри пещеры имеется площадка, заполненная почвой. Длина этой площадки у устья 25 м, ширина 8 м 60 см. Современный уровень площадки ровный и наклона не имеет.

Форма площадки представляет собой полукруг, заключенный между стенами пещеры. За площадкой идет скалистый приступок, расположенный полукругом по стенкам пещеры. Приступок имеет форму полумесяца, узкого по краям и более широкого в глубине пещеры. Наибольшая ширина его 7 м. Высота, в центре, над площадкой 2 м 75 см. Потолок пещеры, у устья, почти соприкасается с поверхностью плато-поля. Перед пещерой имеется большая сравнительно ровная площадка, спускающаяся небольшим и постепенным наклоном к противоположному берегу балки. Длина площадки от устья пещеры до берега ручья Чокра 50 м. В ширину эта площадка идет по всей балке и является продолжением всей долины «Замиль» (долина, в настоящий момент, обработана под огородные культуры и парники). За площадкой начинается крутой спуск берега ручья Чокра, берущего начало из источника, расположенного недалеко от пещеры. За ручьем начинается подъем и склоны южной стены балки.

В 1936—37 гг. мною была раскопана вся площадка, заключенная внутри пещеры, и прошурфована площадка перед пещерой. Площадь

раскопа была разбита на шесть траншей с наименованием I, II, III, IV, V, VI. Траншеи в свою очередь были разделены на участки 2×2 м с наименованием их буквами латинского алфавита — a, b, c,

Снимок 1—Вид пещеры Замиль-Коба № 1

d, e, f, g, h, i, k, l, m, — счет от восточной стенки пещеры (см. план раскопа). Благодаря полукруглой форме площадки, траншеи не имели одинакового количества участков; чем дальше внутрь пещеры, тем их было меньше. Таким образом вся площадь стоянки была почти полностью раскопана, за исключением площадки перед пещерой. Здесь была произведена только шурфовка. Всего вскрыто 132 кв. метра. Раскопками площадки, заключенной внутри пещеры, и шурфовкой площадки перед пещерой установлено полное различие в их напла-

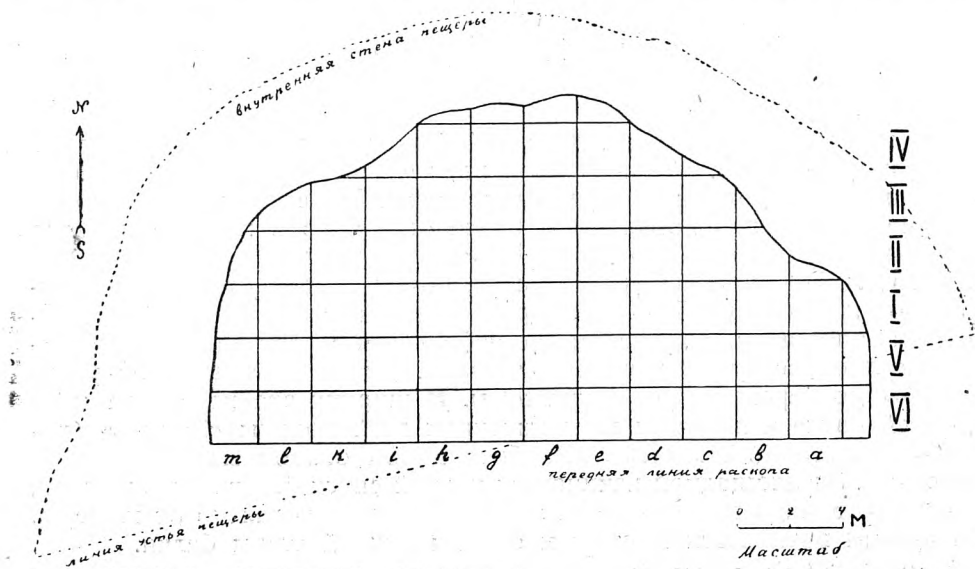

Рис. 1. План раскопа внутренней площадки пещеры Замиль-Коба № 1

ствованиях. Площадка внутри пещеры имела следующую стратиграфию (см. рис. поперечного профиля раскопа пещеры).

Первый слой (считая с верха) — серовато-желтый суглинок с примесью известкового щебня и известковых камней. Мощность этого слоя не везде одинакова и колеблется от 5 до 40 см.

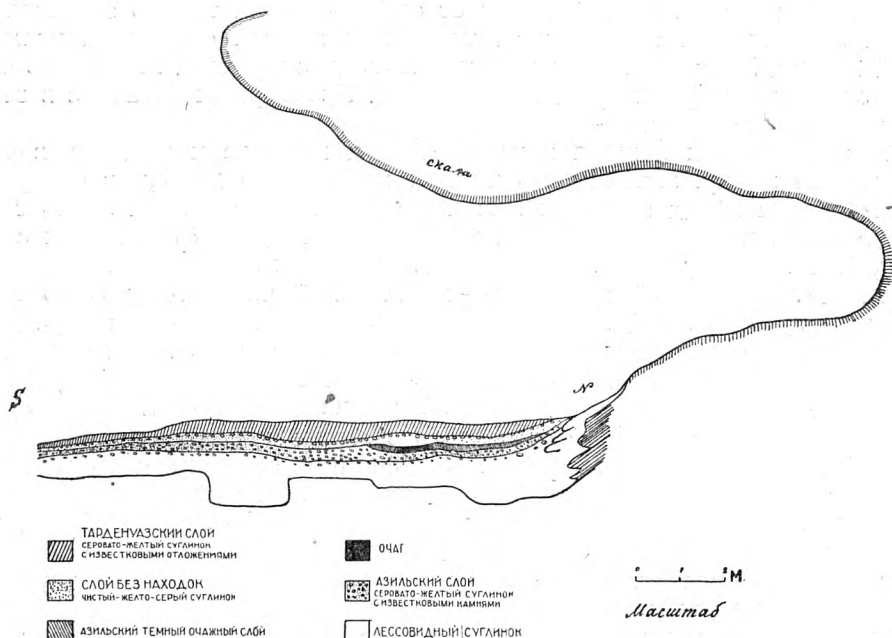

Рис. 2. Профиль и поперечный разрез отложений пещеры Замиль-Коба № 1

Наибольшая толщина наблюдалась в центральных квадратах второй траншеи. Этот слой содержал остатки тарденуазской культуры.

Второй слой отличается от первого не только по составу, но и по цвету. Состоит из желтоватого мягкого суглинка без примесей. Мощность его колеблется от 3 до 45 см (наибольшая мощность в центральных квадратах второй и третьей траншей). Если первый слой был сухой и твердый, то второй слой влажен и рыхл. Находок не обнаружено.

Третий слой как по цвету, так и по составу походит на первый слой. Серовато-желтый суглинок с примесью известкового щебня и камней, а также большого количества нуммулитов. В слое встречены довольно крупные известковые плиты и камни, достигавшие одного метра длины. Наибольшее скопление этих плит наблюдалось в четвертой траншее и ее прирезках, т. е. у самой скалы задней части пещеры. Мощность слоя колеблется от 5 до 60 см. В четвертой траншее он выходил на современную поверхность площадки. Слой содержал остатки азийской культуры. В центральных квадратах этого слоя наблюдалась очень интересная прослойка темнофиолетового цвета.

Толщина ее от 2 до 12 см. Начинаясь она с поверхности середины центральных квадратов четвертой траншеи и затем опускалась к центру пещеры до очага и потом исчезала.

Ниже азильского слоя шла тонкая прослойка известковых камней, большое протяжение которой и одинаковая мощность вызывают сомнение в естественности ее происхождения.

Четвертый слой резко отличается от предыдущих и своим цветом и составом почвы. Он представляет собой чистый, твердо спрессованный, лессовидный суглинок с включением мелкой окатанной кремневой гальки. Этот слой идет до скалистого дна пещеры. Мощность его, так же как и первых трех, неодинакова. Культурных остатков в этом слое не обнаружено.

Таким образом пещера в четвертичном периоде и позднее, в современную эпоху, заполнилась почвой мощностью до 6 м в центре.

Площадка перед пещерой имела другую стратиграфию. Здесь с самого верха и до глубины двух метров шел темный слой почвы с находками вещей различных культур. Ниже этого слоя помещался желтый лессовидный суглинок — идентичный четвертому слою площадки внутри пещеры. На основании шурфовки площадки перед пещерой можно утверждать, что вся толща темной почвы, до желтого лессовидного суглинка, была принесена сюда в позднее время, повидимому, из пещеры «Замиль-Коба № 1» и из других мест. Древние жители Черкез-Керменской окрестности и более поздние ее обитатели, обрабатывая долину «Замиль» под пашни и огороды, удобряли ее, вывозя из пещеры помет скота. С этим пометом из года в год скапливались и пропитавшиеся этим пометом основные слои. Таким образом из пещеры «Замиль-Коба № 1» были не только унесены поздние наслоения, но частично разрушены и более древние. Во всей двухметровой темной толще площадки перед пещерой встречаются находки различного времени: вместе с азило-тарденуазскими вещами найдены кизил-кобинские и современные.

Долина «Замиль», повидимому, неоднократно меняла свою конфигурацию как под воздействием человека, так и под влиянием сил природы (выветривание и действие воды). Сейчас можно наблюдать в периоды дождей и таяния снега, как бурно несутся потоки воды с верха балки «Замиль» и размывают долину. При небольшом ветре, в жаркую погоду, в долине поднимается пыль. По всей вероятности напластования пещеры «Замиль-Коба № 1» и площадки перед ней образовались под влиянием различных причин. Первый и третий слои отложились в значительно сырое время и время резких колебаний температуры. Иначе нельзя объяснить присутствие в этих слоях большого количества известковых плит и камней, отслоившихся с потолка и боков пещеры. Второй слой отложился в более жаркое время — благодаря наносу пыли ветрами. Четвертый слой образовался в сырое и холодное время в конце четвертичного периода. Пещера в то время, в силу большого количества дождей, заливалась потоками воды, несшимися с верха балки. Эта вода и намыла слой лессовидного четвертичного суглинка с кремневой окатанной галькой. Таким образом отложения пещеры накапливались довольно длительное время. Сама пещера образовалась в очень давнее время, возможно в начале четвертичного периода. Точно установить время образования пещеры вряд ли возможно, хотя Г. А. Бонч-Осмоловский, исследователь ряда крымских пещерных стоянок, выводит «формулу» пещерообра-

зования, по которой можно, более или менее, судить о времени образования и развития пещер, но, по всей вероятности, эта формула вряд ли может быть применена как закон. Сущность ее в том, что, по мнению Г. А. Бонч-Осмоловского, длительность существования пещеры выясняется при изучении «угла нарастания пещеры». «Углом нарастания» он называет «отношение горизонтали с линией, показывающей на основании или перелома упавших плит или распространения культурных остатков постепенное углубление стены пещеры в скалу»¹. Отсюда Бонч-Осмоловский выводит закон-формулу — «величина этого угла обратно пропорциональна скорости процесса пещерообразования на данном отрезке времени»². На основании изучения этих «углов» автор выясняет длительность отложений пещер «Киик-Коба» и «Сюрени 1-й». Нам кажется, что подобным изучением можно объяснить длительность отложений одной какой-нибудь пещеры, а применять эту формулу ко всем крымским пещерам нельзя. И сейчас можно наблюдать процесс пещерообразования. В одной и той же скале при одних и тех же климатических и природных условиях этот процесс проходит по-разному. Нужно тщательное изучение сотен и тысяч пещер, чтобы вывести какую-то закономерность в длительности их образований и времени отложений. Иногда очень древние наслоения имеют малую толщину, а поздние, наоборот, превышают ее во много раз, и здесь никакие вычисления углов нарастания не помогут. Толщина пещерных отложений не зависит от длительности времени, в которое они образовались, а зависит от климатических, природных и многих других условий. В самый короткий промежуток времени в пещере может отложиться огромной мощности слой и, наоборот, в другом месте и даже рядом, в более длительное время, — малой мощности слой.

Например, одинаковые по условиям (природным и климатическим) пещеры «Замиль-Коба» № 1, 2 и 3 — имеют абсолютно различную толщину отложений, тогда как они, повидимому, образовались в одно время, судя по культурным остаткам. Одновременная пещера «Замиль-Коба № 1» (по культурным остаткам) пещера «Шан-Коба» близ д. Уркусты имеет не только другую толщину отложений, но и совершенно другой состав слоев. В пещере «Шан-Коба»³ обнаружено 7 геологических напластований мощностью до 4 м. Второй, третий и четвертый слои этой пещеры по составу и цвету только частично напоминают первый, второй и третий слои «Замиль-Коба № 1», но мощность их различна. Четвертый слой «Замиль-Коба № 1» и седьмой слой «Шан-Коба» и по составу и по отсутствию находок сходны между собой. Исследовавший пещеру «Шан-Коба» С. Н. Бибилов склоняется к тому мнению, что этот слой аллювиального происхождения. Заполнение обеих пещер начальным слоем четвертичного суглинка протекало, повидимому, в одно время и при одинаковых условиях. Обе пещеры к этому моменту окончательно оформились, так как в том и другом случае в слое нет известковых плит и щебня, указывающих на продолжающийся процесс пещерообразования. Таким образом мы видим, что стратиграфия крымских пещерных стоянок,

¹ Бонч-Осмоловский Г. А. — Труды 2-й Междунар. Конфер. Асс. по изучению четв. периода Европы. В. V, 1934 г., стр. 125.

² Там же, стр. 125.

³ С. И. Бибилов „Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1936 г.“, „Советская археология“, в. I.

даже одновременных, неодинакова. Часто при внешне сходных слоях двух рядом расположенных пещер характер культурных остатков разновременен. Поэтому при изучении стратиграфии необходимо подходить очень осторожно к вопросам времени и длительности образованных слоев. Человек поселился в пещере «Замиль-Коба № 1» в начале современной эпохи. В четвертичный период пещера была неудобна для жизни по ряду причин. Во-первых, она заливалась водой, и, во-вторых, пол пещеры, ввиду сильной покатости, не был удобен для жилья.

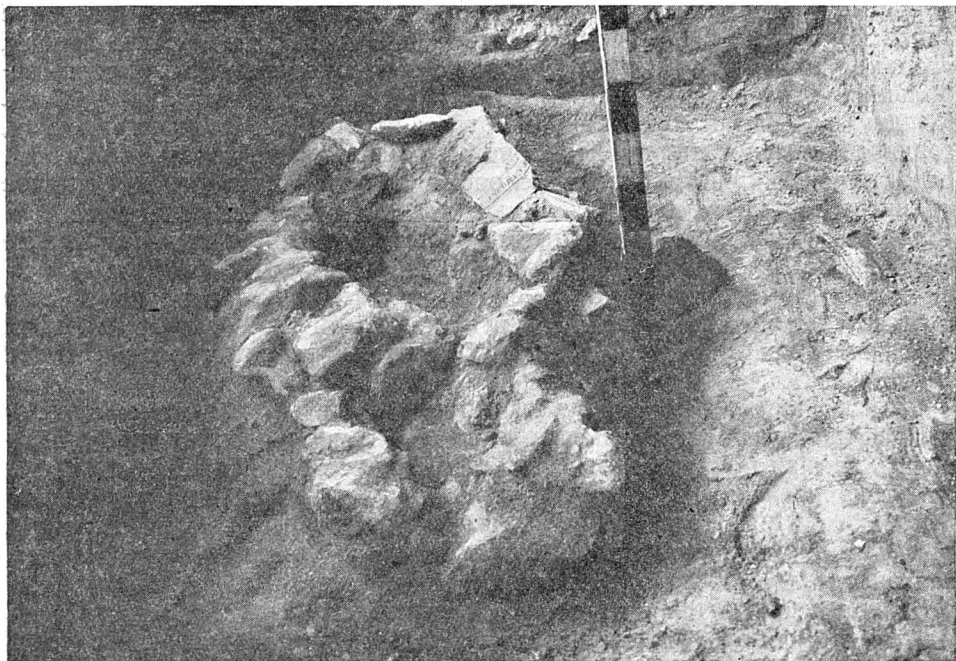
АЗИЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Как уже было сказано выше, азийский культурный слой располагался в третьем по счету слое, толщина которого различна. Своей нижней частью он непосредственно налегает на слой четвертичного суглинка. Такая же картина расположения азийского (третьего комплекса) слоя на четвертичном, аллювиальном, суглинке, наблюдалась и в пещере «Шан-Коба» и наблюдается в ряде азийских стоянок Западной Европы.

Этот факт указывает на то, что так называемая крымская азийская эпоха непосредственно вытекает из культур верхнего палеолита. Раскопки и изучение азийского слоя «Замиль-Коба № 1» представили большую трудность не только ввиду значительного количества находок, но и ввиду обнаружения в слое крупных бытовых памятников (очаг, костяк, захоронение черепа и др.).

Особый интерес представило изучение жилой площадки азийского слоя. Эта жилая площадка довольно значительно отличается от современного уровня площадки пещеры. Раскопки ее показали, что она представляла собой впадину внутри пещеры. В боках и задней части она начиналась почти с самой поверхности современной площадки и затем, к центру, постепенно опускалась, образуя впадину, и в 6 метрах за устьем пещеры жилая азийская площадка выклинивалась на поверхность. Наибольшая глубина наблюдалась во второй и третьей траншеях участков II—f, h, g, i и III—f, h, g. Здесь эта глубина достигала 1 м 20 см от современной поверхности площадки. Темнофиолетовая прослойка азийского слоя располагалась в участках f, h, g и i второй, третьей и четвертой траншей. В центре эта прослойка достигала 16 см (около очага). Площадь, занимаемая этой темнофиолетовой почвой, имела форму круга, диаметром в 6 м. В нее как бы включены основные бытовые памятники (очаг, костяк и захоронение черепа человека). Возможно эта темная прослойка образовалась от выброса золы из очага или здесь было особое сооружение внутри пещеры для защиты от холода (шалаш, землянка). Изучение жилой площадки и обнаруженных на ней комплексов бытовых памятников представляет особый интерес для исследователя. Одним из ценнейших памятников оказался очаг (см. сн. 2). Располагался он в участках IIIh и IIIg почти в самом центре жилой площадки и в самой глубокой ее части. Верх очага находился на глубине 67 см от современного уровня площадки; дно — на глубине 1 м 10 см. Длина очага — 2 м 5 см; ширина в центре — 85 см. Ориентирован он с запада на восток. Сложен из продолговатых известковых камней и плит. Следов подтески и обработки этих камней нами не было замечено.

Очевидно, азильский человек сложил очаг из камней, собранных в долине балки «Замиль». От долгого нахождения под землей очаг деформировался (см. фотоснимок). Возможно, он был намеренно разрушен людьми того времени или сам разрушился после того, как человек оставил стоянку.

Снимок 2. Остатки очага, обнаруженного в азильском слое Замиль-Коба № 1

Внутри очага найдены кремневые орудия и осколки, жженные косточки, зольная почва и очень небольшое количество углей.

Отсутствие углей в достаточном количестве можно объяснить тем, что человек выбрасывал их из очага и пещеры.

Дно очага непосредственно покоилось на слое четвертичного суглинка.

КОСТИЦЕ

Вокруг очага, в участках III, g, h, f и IIIi наблюдалось большое скопление костей животных (90% всех костей азильского слоя были найдены в этом костнице). В участках IIIh и IIIi обнаружено много пережженных косточек. Это скопление костей вокруг очага безусловно является кухонными отбросами, так как почти все кости раздроблены; на некоторых заметны следы зубов. Кроме того, среди этих костей нет обработанных.

„ЗАХОРОНЕНИЕ“ ЧЕРЕПА ЧЕЛОВЕКА

Большой интерес представила находка обломков черепа человека. Это «захоронение» носит несколько странный характер как по обряду, так и по сопровождающим его вещам. Обнаружены обломки только части черепа, а именно затылочной. Найдены они в четвертой траншее в участке IVh недалеко от скалистой части приступка пещеры. В середине квадрата, на глубине 21 см в темной прослойке азильского слоя, было замечено скопление костей, кремневых орудий, угольков и камней. Под темной азильской прослойкой оказалась небольшая ямка овальной формы, диаметром 62 см и глубиной 30 см. Ко дну она сходилась на конус. Кругом ямки были положены камни, создававшие впечатление небольшого очага. В ямке найдено: 1) кости от затылочной части черепа человека, 2) зуб человека, 3) большое количество мелких, неопределимых костей животных и может быть человека, 4) угольки, 5) кремневые орудия и осколки, 6) два зуба рыб с надрезами, служившие привесками (см. табл. V, рис. 4—5) и 7) камни известковые. Интересно отметить, что все находки этого участка и были сделаны около этой ямки или в самой ямке, за исключением нескольких кремневых орудий и осколков, найденных у южной стенки участка.

Слой в участке IVh состоял из серовато-белого суглинка, пропитавшегося известью, и камней известковых. В ямке же, наоборот, наблюдалась темная почва и только на самом дне ее лежал известковый камень значительной толщины, повидимому, сознательно положенный человеком. Ниже ямки шли сплошь крупные известковые плиты. Ввиду недостаточной изученности костного материала пока еще нельзя в полной мере объяснить это загадочное явление. Нам известны захоронения людей, найденные в других пещерных стоянках Крыма, но подобного явления еще ни разу не наблюдалось. Что это, обряд захоронения или нечто иное?

Захоронений азильского человека в Крыму до сих пор не найдено. В Западной же Европе захоронения этого времени имеются, и возможно одной из аналогий этому захоронению будет являться захоронение черепов в пещере Офнет в Баварии. Проф. П. П. Ефименко в своей книге «Дородовое общество», давая описание погребения в гроте «Офнет», не расшифровывает это явление, а приводит только сообщение этнографа Саразина об обычае захоронения черепов начальников родовых общин и знахарей в укромных местах у жителей Новой Каледонии. Приводя это сообщение, П. П. Ефименко, повидимому, соглашается трактовать захоронения черепов в гроте «Офнет» таким же обычаем. Интересно, что в Офнетском гроте мы, в подавляющем количестве, имеем захоронения детских и женских черепов. В этнографии существует много аналогий частичного захоронения, как например: оставление черепов врагов, черепов выдающихся людей, с целью использования их силы в свою пользу, так как в черепе, по их представлениям, заключается душа человека.

Повидимому, у азильцев существовал один из указанных обычаев частичного захоронения, и он прослеживается как в Западной Европе, не только в гроте «Офнет», но и в других местах, так и у нас в Крыму. В пещере «Замиль-Коба № 1», так же как и в офнетских захоронениях, сохранилась часть ожерелья в виде подвесок из зубов рыбы; встречены кремневые орудия и прочие вещи. Но раздробленность че-

репа, угольки, кости животных заставляют нас предполагать здесь нечто иное, возможно наличие людоедства.

Академик А. П. Павлов¹, говоря об офнетских захоронениях, не видит здесь возможности людоедства, отрицая этот факт на том основании, что при черепах имеются ожерелья и орудия, а также обряд посыпания охрой, почему, даже при наличии указанных фактов, мы не можем допустить здесь людоедства, тем более черепа здесь, по анатомическим признакам, принадлежат к разным расам. Кроме того, вряд ли это захоронения выдающихся людей своего рода, так как большая часть черепов детские и женские. Наиболее правильная трактовка этого вопроса может быть дана только при детальном изучении обширного этнографического материала и новых подобных же открытий в области азильской культуры.

МАСТЕРСКАЯ

Недалеко от костяка и очага, ближе к устью пещеры, была обнаружена небольшая мастерская по выработке кремневых орудий. Возможно, она находилась у входа во вторичное жилище — шалаш — и частично располагалась за устьем пещеры.

В участках III и II найдено было большое количество кремневых орудий и осколков. Здесь же были обнаружены нуклеусы, крупные плитки, камни (не известковые) и отбойники.

ОРУДИЯ И ВЕЩИ АЗИЛЬСКОГО СЛОЯ

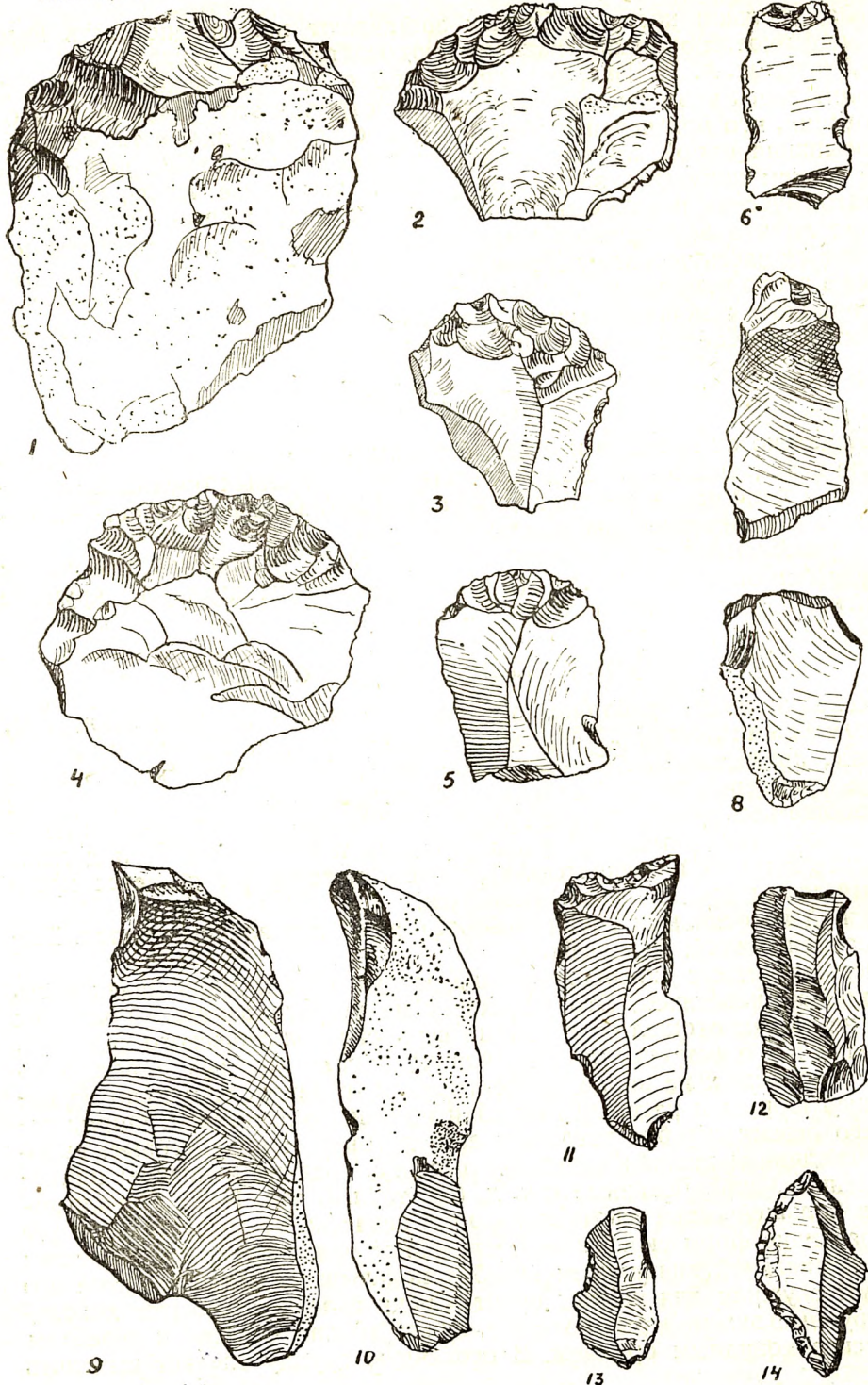
Находки вещей располагались не равномерно по всей площадке, а отдельными местами. Например, в боковых частях пещеры и на площадке, примыкающей к устью, находки были очень редки. Большая часть кремневых поделок найдена вокруг очага и мастерской. Орудия и вообще весь инвентарь азильского слоя пещеры «Замиль-Коба № 1» не отличаются большим разнообразием и на первый взгляд даже характерны своей бедностью. Основным материалом является кремневый инвентарь. Он очень несложен.

Одной из основных групп являются скребки различных типов. Всего найдено около 80 скребков.

Основная масса скребков сделана на осколках и лишь малая часть на концах пластинок. Это указывает на то, что азильский человек еще не совсем отошел от традиции верхнепалеолитического человека. Больше всего встречается скребков на концах круглых и полукруглых осколков и на конце продолговатых отщепов, возможно из последней формы и развились скребки на концах пластинок. Форма рабочего лезвия скребка различна; есть дуговые и полудуговые, высокие, средние и низкие; прямые — высокие — средние и низкие; прямо-скошенные, дублированные и т. д. (см. табл. I, рис. 1—5). Повидимому, в большей своей части, эта форма зависела от заготовки, но все же различие форм скребка — не случайное явление, так как изучение функциональной значимости скребка показывает, что различные его формы служили для разных работ. Среди скребков имеются довольно крупные экземпляры, которые скорее можно отнести к скреблам и к скребковидным орудиям. В особенную группу следует выделить

¹ «Геологическая история Европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека». М. Л. Изд-во Акад. Наук СССР.

Таблица I

Орудия азильского слоя пещеры Замиль Коба. № 1
(Нат. вел.)

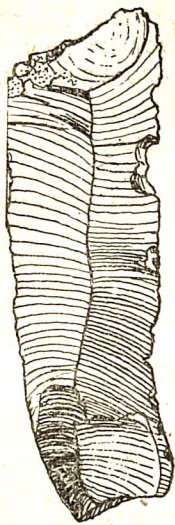
небольшие скребковидные орудия на концах пластинок с подретушировкой бруска (см. таб. I, рис. 1—8). Функции этих орудий еще не ясны и вообще эта форма в литературе слабо освещена. Большая часть скребков сделана крайне небрежно, что указывает на не слишком большую значимость их в хозяйстве человека того времени.

Резцов найдено около 60 экземпляров. Большинство их сделано на концах отщепов и осколков и меньшая часть на концах пластинок (см. табл. I, рис. 9—12). Среди типов преобладают простые боковые резцы без подретушировки спинок и краев. Встречаются срединные резцы, сделанные на концах отщепов, осколков и пластинок, двумя сколами или сколом и отжимом. Есть резцы боковые и срединные с частичной или сплошной подретушировкой краев и боковых сторон. Дублированных и микрорезцов очень немного. Эти два вида отличаются более тщательной обработкой (см. табл. I, рис. 13—14). В общем резцы имеют разнохарактерную форму, и выделить руководящую из них трудно. Среди них нет ярко выраженных типов, как в верхне-палеолитических стоянках. Сколы часто носят случайный характер. Вообще как резцы, так и скребки поражают небрежностью их обработки. Видимо, человек азильского времени ценил их мало. Изучение резцов конца палеолита может дать очень интересные результаты для выяснения производства костяных предметов и подолок. Малое количество резцов по кости и отсутствие резных костяных фигурок и украшений может указывать на то, что резец уже не имел того значения, как в верхнем палеолите. Понадобились другие орудия для изготовления костяных рукояток к различным орудиям, и, возможно, на смену резцам приходят ножевидные пластинки, более удобные для разрезания кости. Очень часто среди резцов и скребков имеются орудия двойного назначения и резца, и скребка.

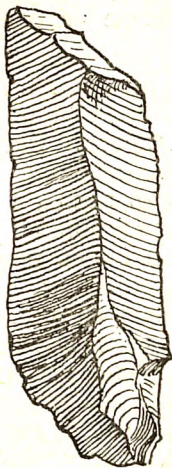
Третьей группой орудий, носящих скоблящую и скребущую функции, являются скобели (см. табл. II, рис. 1—3). Их найдено около 130 штук. Большая часть их сделана на осколках и меньшая на отщепах и пластинках. Встречаются одновыемчатые, двухвыемчатые и многовыемчатые. ярко выраженных форм нет. Большого внимания выделке этих орудий человек не уделял ввиду легкости их производства. Нами в группу скобелей отнесены и пластинки с выемками. Многие из них имеют хорошо выраженные выемки, а некоторые — слабо; и все же они служили для скобления и соскребания, так как на бруске большинства видны царапины, возникшие только благодаря работе по твердому предмету. Значительное количество этих орудий указывает на то, что у азильского человека была распространена выделка костяных и деревянных предметов.

Подавляющей группой орудий являются ножевидные пластинки и ножи различных размеров — от микропластинок до крупных массивных пластин (табл. II, рис. 4—5). Всего найдено около 350 пластин. Большинство пластинок не имеют никакой подретушировки и представляют собой скорее продолговатые отщепы. Видимо, они служили заготовками для различных орудий, включая и микролитические, и только немногие из них служили ножами. Среди пластинок имеется и большое количество с ретушью, по краям и спинкам. Этот тип орудий чрезвычайно интересен. До сих пор почему-то в археологической литературе все ножевидные пластинки имеют одно наименование, тогда как среди них есть совершенно разнообразные орудия, для раз-

Таблица II

1

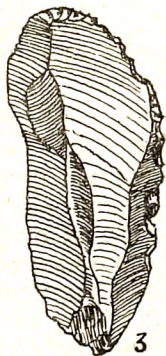
4

2

5

3

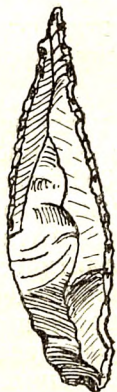
6

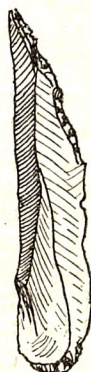
7

8

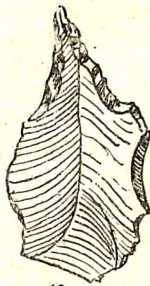
9

10

11

12

Орудия азильского слоя пещерной стоянки Замиль-Коба № 1
(Нат. вел.)

личных целей. Изучение их необходимо, ибо оно откроет ряд новых видов деятельности первобытного человека (см. табл. II, рис. 1—8).

Среди большого количества пластинок азильского слоя очень ничтожен процент характерных для тарденуаза, правильных призматических пластин, служивших вкладышами и для выделки из них более мелких вкладышевых форм.

Имеется много пластинок иногда очень правильной формы, но не такой изящной как впоследствии.

Ножевидные пластины имели огромное значение в хозяйстве азильского человека. Он употреблял их для различных целей.

Среди кремневого инвентаря значительное место занимают всевозможные микролитические вкладышевые орудия. Преобладающим типом обработанных микролитов являются сегменты. Их найдено около 80 штук. Большинство их сделано из отщепов и пластинок. Форма различна. Имеются полукруглые, продолговатые, узкие и широкие, в виде треугольников и пр. (см. табл. III, рис. 1—8). Есть полусегменты — почти все приготовлены из осколков и отщепов (см. табл. III, рис. 9). Ретушь почти на всех идет по спинке (полукругу). Некоторые имеют только частичную ретушь. На незначительной части их один острый конец имеет миниатюрный резцовый скол (см. табл. III, рис. 10—12). Исследователь пещерной стоянки «Шан-Коба» С. Н. Биби-ков выделяет эти орудия в особую группу, и он впервые обратил внимание на эти резцовые сколы. Многие археологи считают сегменты вкладышами для гарпунов. Очень возможно, что это и так, но некоторые из них имеют явные следы на неподретушированной острой части. Эти следы и выщербины указывают на их другое назначение.

Другой группой микролитических орудий являются трапеции, их найдено около 15 штук. Они, так же как и сегменты, имеют одностороннюю ретушь (см. табл. III, рис. 13—17).

Кроме указанных форм имеются вкладыши — четырехугольники — с подретушировкой и без нее. Сделаны они из правильных призматических пластинок и отщепов. Почти на всех на одном краю (остром) имеются следы работы ими. Может быть они служили вкладышами для ножей. Всего четырехугольников найдено около 70 штук.

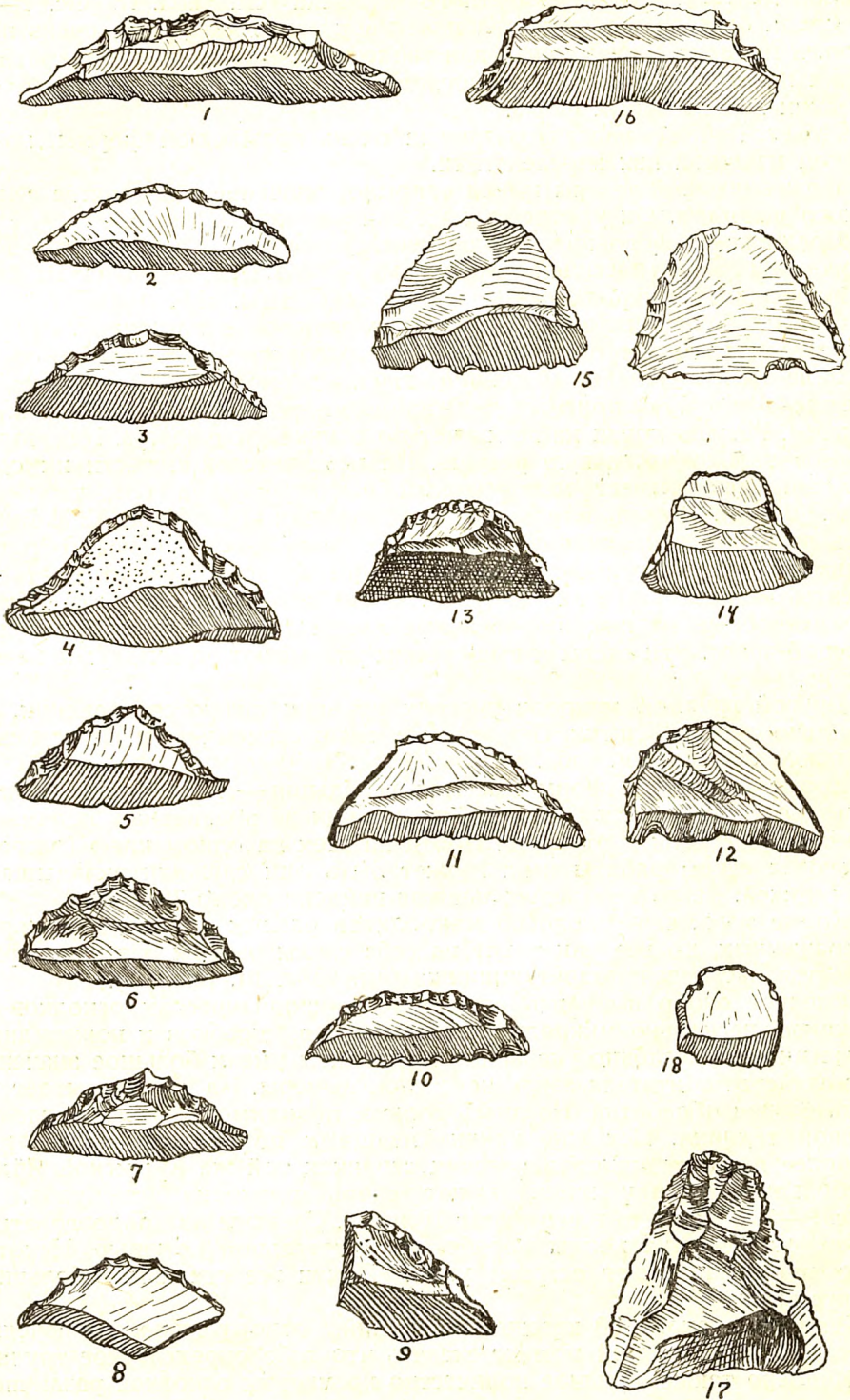
Кроме того, есть около 60 микролитов разных форм, не так ярко выраженных, но все они несут на себе следы работы. На некоторых имеется частичная подретушировка (см. табл. III, рис. 18).

Следует особо выделить около 340 микролитических осколков и, наконец, несколько микролитических резцов, скребков и ножевидных пластинок. Безусловно указанные микролиты имели большое значение в хозяйстве обитателя азильского слоя пещеры. На это указывает их тщательная обработка. Но здесь только, повидимому, начало вкладышевой техники. Нет еще таких изящных по отделке форм, как в более поздних микролитических стоянках той же Крымской Яйлы. Небольшую группу представляют собой проколки (см. табл. II, рис. 9—12). Найдено всего около 10 штук. Сделаны из продолговатых отщепов. Рабочие концы обработаны тщательной ретушью. Некоторые проколки имеют острые углы. Почти все сделаны с большим искусством.

Встречено около 30 кремневых орудий, относительно назначения которых в настоящий момент сказать что-либо определенное трудно.

Найдено также большое количество кремневых осколков различной

Таблица III

Орудия азильского слоя пещерной стоянки Замиль-Коба № 1
(Нат. вел.)

величины. Некоторые из них достигают довольно больших размеров, и на основании их можно говорить, что у человека того времени были и крупные орудия. Из кремневых осколков удалось выделить около 100 предметов с подретушировкой и со следами работы.

Нуклеовидные орудия очень редки — всего около 19 предметов. Носят они различные функции — скребла, скребка, скобеля, резца и пр.

Нуклеусов найдено около 50 штук. Все они небольших размеров (см. табл. V, рис. 2). Большая часть их служила для скола отщепов и осколков и незначительная часть для отжима правильных пластинок. Форма разная. Есть круглые, продолговатые, неправильной формы и несколько длинных уплощенных конических нуклеусов. Есть ряд заготовок для нуклеусов.

Характеристикой этих орудий заканчивается описание предметов кремневой индустрии. Перечисленный инвентарь азильского слоя пещеры «Замиль-Коба № 1» одновременен третьему комплексу вещей из пещеры «Шан-Коба» и типичен для так называемой азильской эпохи крымских стоянок.

Кроме предметов из кремня нами был найден ряд интересных вещей из различных каменных пород.

Во-первых, имеется довольно значительное количество отбойников — круглых и продолговатых (см. табл. V, рис. 1 и табл. VIII, рис. 12), плиток-наковаленок и камней со следами царапин и выщербин, служивших для каких-то целей обитателям пещеры.

Особый же интерес представляют находки пестика со следами красной краски, плитки окрашенной и двух галек-«гладилок». Пестик представляет собой продолговатый, округленный каменный предмет. Оба конца сработаны. Особенно хорошо обработан один конец при помощи двух стесов, идущих под углом друг к другу. Возможно, стесы получились от продолжительной работы при трении о твердый предмет. Почти весь пестик окрашен в красную краску (охра) (см. табл. IV, рис. 1).

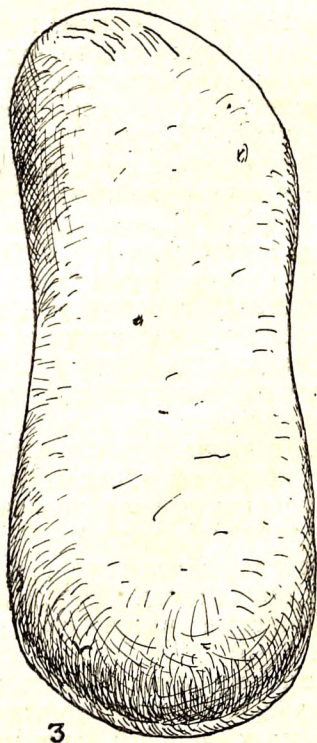
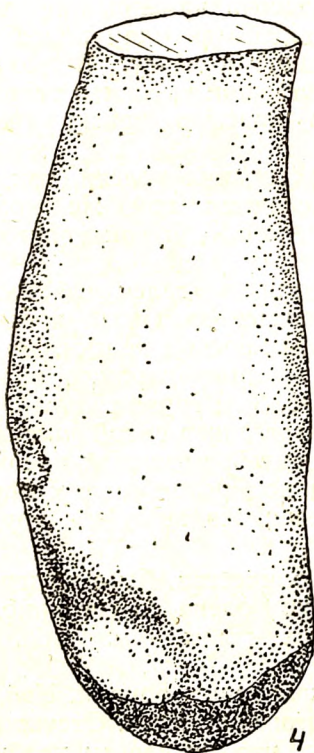
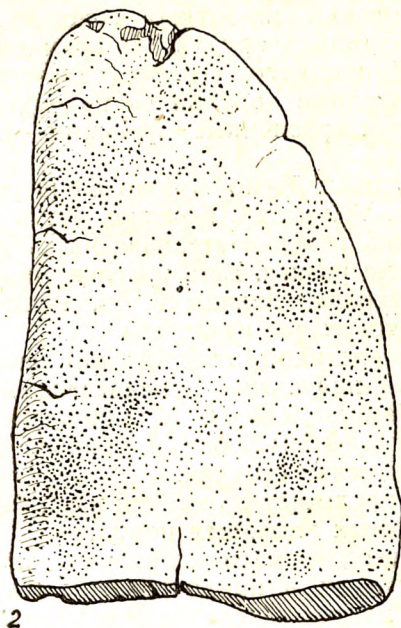
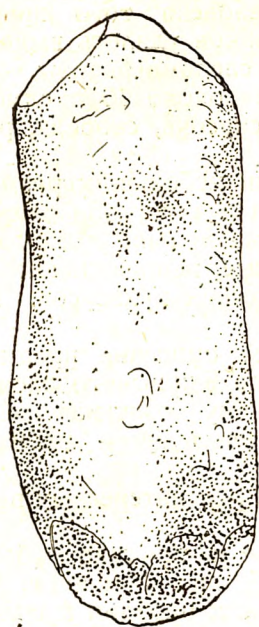
Повидимому, он служил орудием для растирания краски, так как рядом с ним найдена была плитка со следами той же краски (см. табл. IV, рис. 2). Не исключена возможность другой трактовки этих двух окрашенных предметов.

Несколько напоминает этот пестик и одна из галек-«гладилок». Представляет собой уплощенный продолговатый каменный предмет. На одном конце имеются еле заметные следы красной краски. На рабочих концах видны царапины и стертость, получившиеся только от трения о другой предмет (см. табл. IV, рис. 3). Вторая галька-«гладилка» имеет несколько иной характер: представляет собой уплощенный (в разрезе уплощенный овал) продолговатый каменный предмет. Оба конца обработаны широкими стесами под углом друг к другу. Установить точное назначение этого орудия, без аналогий, трудно (см. табл. IV, рис. 4).

Изделий из кости очень незначительное количество. Явно выраженных орудий нет. Из украшений найден зуб оленя со сверлиной и упомянутые выше две подвески из зубов рыбы (см. табл. V, рис. 3—5).

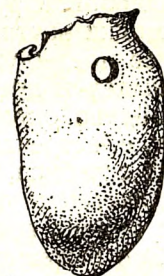
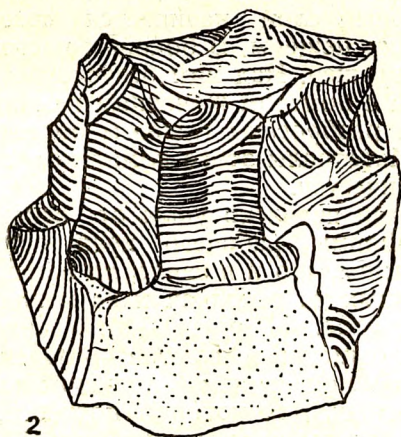
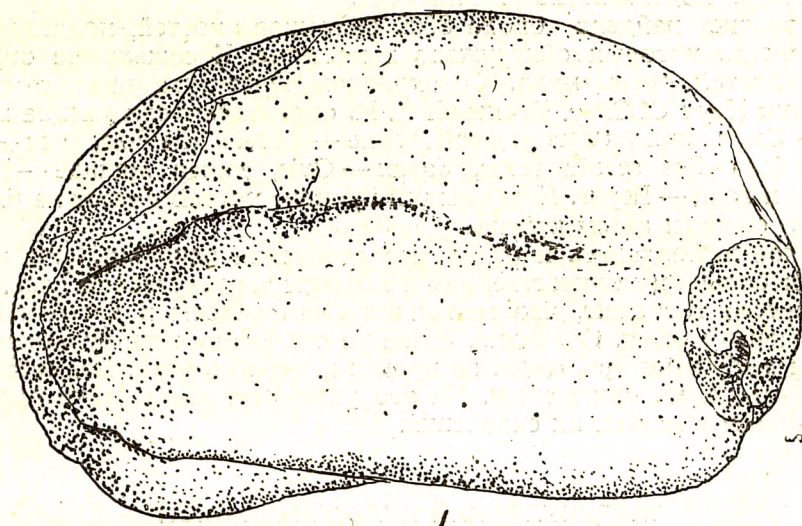
Есть несколько рукояток для отдельных кремневых орудий. Найден один обломок костяной проколки с линейными надрезами. Отсутствие костяных орудий еще не указывает на то, что их совсем не было

Таблица IV

Орудия азильского слоя пещерной стоянки Замиль-Коба № 1
(Нат. вел.)

Таблица V

Орудия азильского слоя пещерной стоянки Замиль-Коба № 1
(Рис. 1—2—нат. вел., рис. 3—5 увеличены в два раза)

у азильцев. Находки костяных орудий в третьем комплексе пещеры «Шан-Коба» подтверждают их наличие.

На стоянке найдено около 3000 обломков костей, подавляющее большинство которых обнаружено в костище. К сожалению определимых костей очень мало. Сотрудником Института палеонтологии Академии Наук СССР т. Беляевой Е. И. определены следующие виды: волк — *Canis lupus*, благородный олень — *Cervus Elaphus*, бык — *Bos Sp.*, кабан — *Sus scrofa ferus*, баран — *Ovis*, дикая лошадь — *Equus caballus* и заяц — *Lepus*. Наибольший процент костей падает на благородного оленя и затем кабана.

В слое наблюдались и отдельные скопления раковин *Helix*, но не в таком большом количестве, как в верхнем тарденуазском слое.

Интересен тот факт, что почти все они найдены в восточной части пещеры у устья. Очевидно, после употребления в пищу улиток раковины выбрасывались сюда, за предел центра стоянки. Возможно их было больше, но они сгнили. На это указывает рыхлость и рыжеватость почвы в местах их скопления.

ТАРДЕНУАЗСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

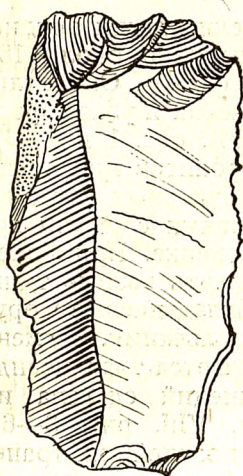
Жилая площадка этого слоя менее вогнута, чем азильского. На ней не найдено ни очагов, ни мастерской и никаких других бытовых памятников. Тарденуазский культурный слой начинается сразу же с современной поверхности площадки пещеры. В боковых частях его нет. Здесь он, повидимому, был разрушен. Над ним безусловно были более поздние слои, но они снесены с пометом животных на площадку перед пещерой. Орудия и вещи разбросаны главным образом по центру площадки внутри пещеры. Материалы этого комплекса значительно беднее предыдущего по количеству.

Техника выделки кремневых орудий недалеко ушла от азильской. Скребок найдено около 50 штук. Формы рабочего края остаются прежними, т. е. встречаются те же типы, что и в азиле, но изменяется соотношение скребков, приготовленных на осколках и на концах ножевидных пластин и отщепов (см. табл. VI, рис. 1—5). Увеличение скребков на концах продолговатых отщепов и пластин — явление не случайное. Это вызвано, повидимому, появлением в большом количестве обработки шкур мелких животных, для которой потребовались скребки с более тонкой рабочей частью и более мелкие формы, и поэтому здесь чаще встречаются изящные небольшие скребки и скребковидные орудия на тонких правильных пластинках (см. табл. VII, рис. 2—3). Есть еще и массивные скребки.

Резцы найдены в большем количестве, чем в азильском слое. Всего около 70 предметов. Формы те же, что и в азиле, но обработка лучше, так как большинство сделано не на осколках, а на концах пластинок и отщепов. Лучшие всех оформлены дублированные резцы и боковые с подретушировкой краев. Но все же по сравнению с верхне-палеолитическими они носят следы упадка (см. табл. VI, рис. 6—8).

Скобелей обнаружено около 90 штук. Большинство сделано из пластинок и отщепов. Имеются скобели двухвыемочные, с прекрасными геометрически правильными выемками (см. табл. VI, рис. 9). Скобели на пластинках кроме выемок имеют и подретушировку. Многие из них служили для разных целей — часто они дублируются — ско-

Таблица VI

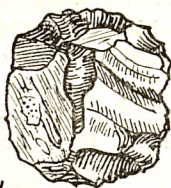
1

2

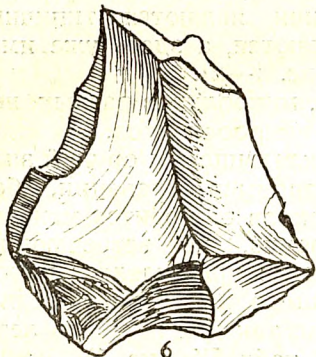
3

4

5

6

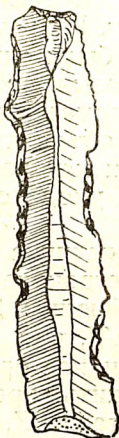
7

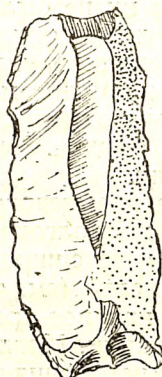
8

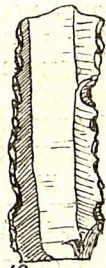
9

10

11

12

Орудия тарденуазского слоя пещерной стоянки Замиль-Коба
(Нат. вел.).

бель-нож, скобель-резец, скобель-скребок и пр. (см. табл. VI, рис. 10—12 и табл. VII, рис. 7).

Так же как и в азийском слое, большинством среди других орудий являются ножевидные пластинки и отщепы. Их найдено около 180 штук. Все пластинки носят уже более правильную форму. Они отличаются от азийских своим изяществом, призматической и узкой формой. Почти все отжаты, а не сколоты (см. табл. VII, рис. 1 и 4—6). Большая часть пластинок шла на изготовление микролитов трехугольной и четырехугольной формы. Часть наиболее правильных служила вкладышами. Пластинки с подретушированными краями служили ножками; следы выщербин и царапин имеются на брюшке. При более тщательном изучении этих пластинок удаётся выделить разные типы орудий режущего назначения. Микролитические вкладышевые орудья несколько видоизменяются по сравнению с азийскими. Сегменты почти уже не встречаются, а на их место выдвигаются трапецевидные формы — около 35 штук. Большая часть трапеций сделана из правильных призматических пластинок (см. табл. VIII, рис. 3—6). Встречена одна трапеция, являющаяся прообразом позднейших трапеций со струганой спинкой (см. табл. VIII, рис. 7). Ретушь на других трапециях односторонняя по верхним краям — частичная или сплошная.

Становится больше четырехугольных микролитов из разрубленных пластинок — около 70. Эти мелкие вкладыши являются типичными для тарденуаза. В азии они только появляются, а здесь уже имеют первенствующее значение (см. табл. VIII, рис. 1—2).

Имеется небольшое количество, около 17, микролитов разных, неярко выраженных форм. Найдено около 190 микроосколков.

Следует отметить, что техника выделки вкладышевых орудий значительно улучшается. Они становятся, как например трапеции, более мелкими и изящными. Микролитов из осколков становится меньше.

Есть единичные находки орудий из кремня, не встречающихся в массовом порядке. Исключительный интерес представляет находка кремневого «топора». Сделан он из большого кремневого желвака. Возможно, он служил не топором, а теслом, так как профиль лезвия асимметричен. Следов заполировки нет (см. табл. IX, рис. 1).

Находка этого топора в тарденуазе меняет наше представление об отсутствии крупных орудий труда у обитателя крымских стоянок, так называемой тарденуазской эпохи. Мы даже сейчас не можем утверждать, что эти орудия были у них редки. Их нечастые находки еще не указывают на то, что их не было или были единицы.

На присутствие крупных орудий указывают обнаружения в азило-тарденуазских наслоениях крупных кремневых осколков. Редкость нахождения крупных орудий можно объяснить тем, что они очень ценились первобытным охотником, так как изготовить их гораздо труднее, чем мелкие орудия. Человек, уходя со стоянки, забирал их с собой и редко терял.

Интересна находка кремневого наконечника дротика. Представляет собой трехугольный продолговатый остроконечник из пластинки. Ретушь двухсторонняя и со спинки и с брюшка. Это орудие могло служить и для других целей (см. табл. VII, рис. 10).

Найдено довольно крупное трапецевидное орудие, очень оригинальное по своей конструкции. Могло служить скреблом или резакон. Ретушь и обработка двусторонняя (см. табл. IX, рис. 2).

2

3

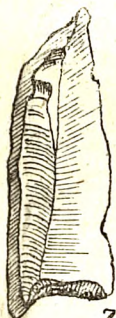
4

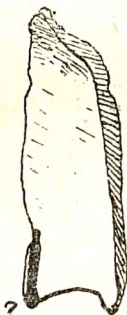
5

6

7

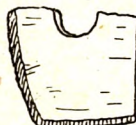
7

8

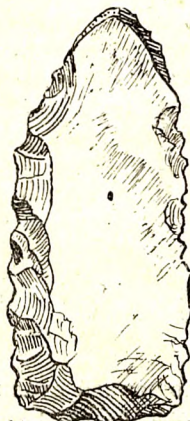
8

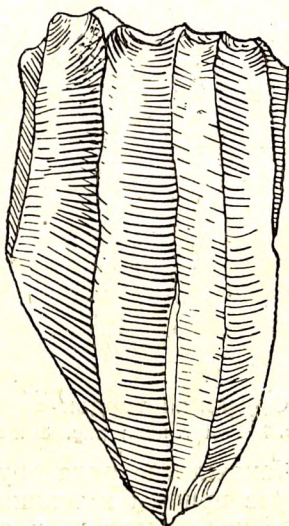
9

10

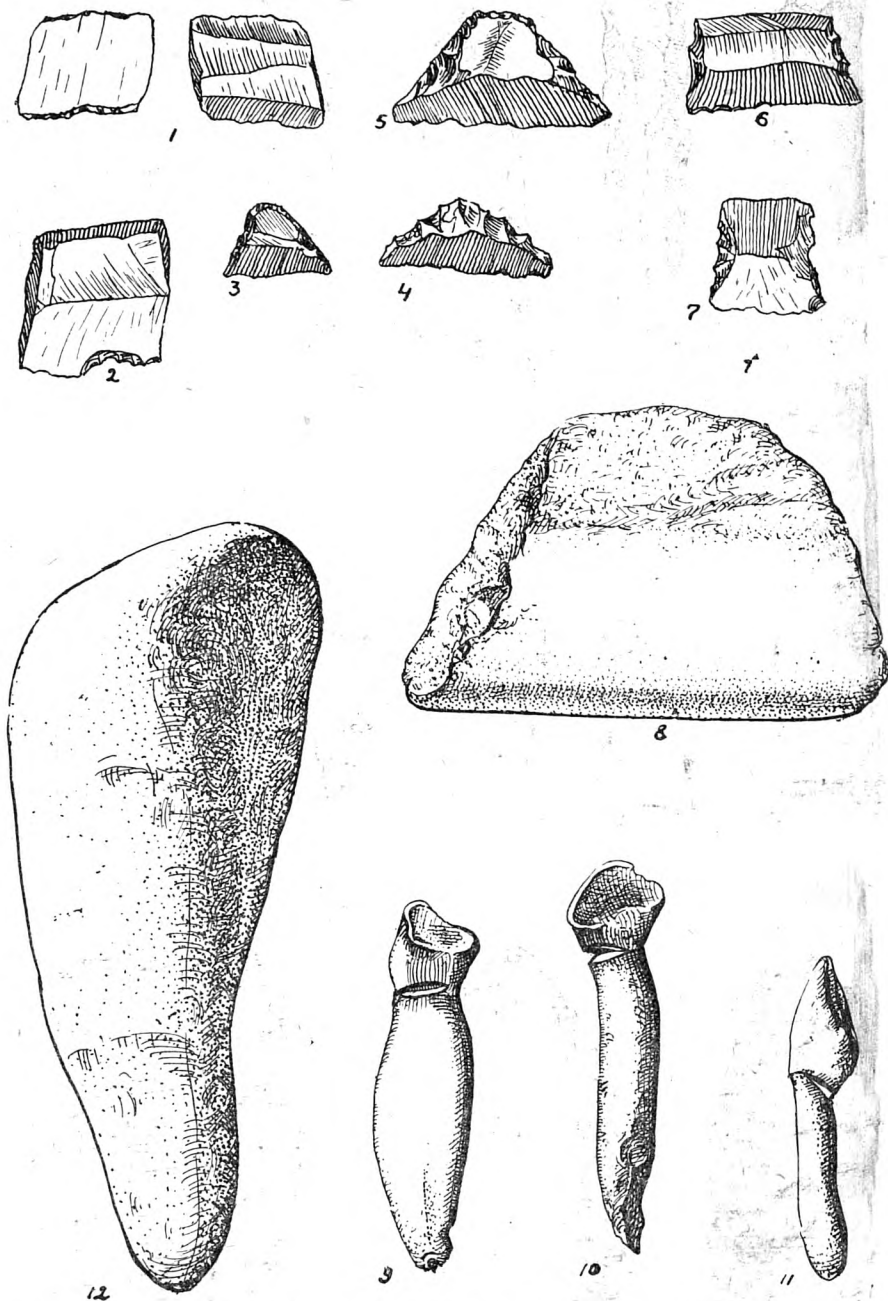

10

11

Таблица VIII

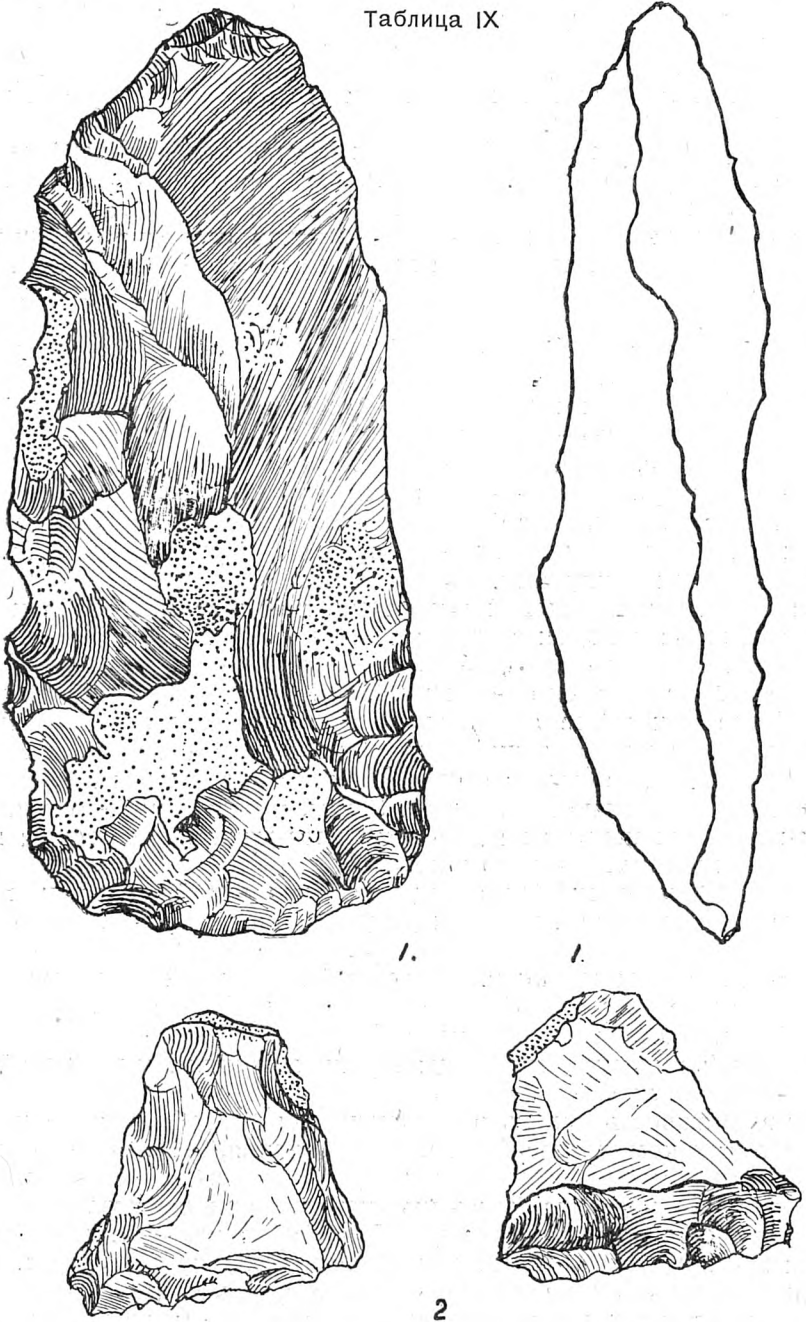
Орудия из гарденуазского слоя пещерной стоянки Замиль-Коба № 1
(рис. 1—7—нат. вел.; рис. 8 и 12 уменьшены в два раза; рис. 9—11 увеличены в два раза)

Нахождение ряда орудий с двусторонней обработкой указывает на новые приемы в технике выработки орудий, которые получают свое особенное развитие в стоянках Яйлы.

Найден один обломок наконечника стрелы. Черешок обработан со всех сторон. Сделан из пластинки (см. табл. VII, рис. 8).

Тарденуазский человек, повидимому, был знаком со сверлением камня. Подтверждением этого может служить находка обломка каменной четырехугольной пластинки со сверлением в середине (см. табл. VII, рис. 9).

Таблица IX

Орудия из тарденуазского слоя пещерной стоянки Замиль-Коба № 1
(Нат. вел.)

Осколков со следами обработки и без нее найдено около 350 штук. Имеется около 10 нуклеовидных орудий, носящих скребковую и резцовую функции.

Нулкеусов встречено около 20 штук. Формы их те же, что и в азии, только появляется больше конических нуклеусов для отжима узких правильных пластин. Один из нуклеусов отличается своей изящностью (см. табл. VII, рис. 11), появляются и новые формы нуклеусов — плоские округлой формы. Они подготавливались специально для изготовления микролитических орудий. Их очень немного. В так называемых тарденуазских стоянках Яйлы они встречаются уже в большом количестве.

Кроме указанных орудий, найдены отбойники каменные, круглые и продолговатые, плитки-наковаленки, камень-точило, служивший для заточки или шлифования орудий (см. табл. VIII, рис. 8).

Из костяных поделок имеются несколько обломков орудий, кости со следами обработки и зубы животных с надрезами у корня, служившие подвесками или частью ожерелий (см. табл. VIII, рис. 10—12).

Раковины типа *Helix* встречены в тарденуазском слое в значительном количестве, но их гораздо меньше, чем во втором комплексе пещеры «Шан-Коба».

Костей животных немного, из них определены Е. И. Беляевой: благородный олень — *Cervus Elaphus*, сайга — *Saiga tatarica*, кабан — *Sus scrofa ferus*, дикий осел — *Equus asinus*, дикая кошка — *Felis Sp.*, рысь — *Felis Sp.*, собака — *Canis Sp.*

Наибольшее количество костей (определимых) падает на кабана и затем уже идет благородный олень. Кости других указанных животных встречены единицами.

На основании кремневой индустрии, костного материала и сравнения комплексов находок с другими стоянками культурные наслоения пещерной стоянки «Замиль-Коба № 1» можно датировать от 15 тыс. до 10 тыс. лет до нашего времени. Эта датировка приближительна, так как более или менее абсолютных цифр в настоящий момент дать нельзя, ввиду недостаточной изученности крымского палеолита.

Пещера впервые была заселена азильским человеком непосредственно после четвертичного периода. Затем, в силу каких-то причин, человек покинул пещеру на довольно продолжительное время и снова ее заселил в тарденуазскую эпоху.

Азильский человек жил в пещере только зимой, так как на площадке перед пещерой находки вещей очень редки. Судя по остаткам и наличию одного очага можно сказать, что пещеру населяла небольшая группа охотников. Найденный кремневый инвентарь и остатки раздробленных костей указывают на преобладание охотничьего хозяйства. Охотились главным образом на благородного оленя и кабана. Основными орудиями охоты служили орудия вкладышевой техники. Наличие одного очага и груды раздробленных костей около него дают возможность судить о коллективном потреблении пищи. Находки бытовых комплексов (очага, захоронения, мастерской) говорят о продолжительности бытования здесь азильского человека. Долина «Замиль» очень удобна. Здесь имелись хорошие естественные пещеры, источник свежей воды; в каких-либо 100 метрах — естественные выходы кремня, необходимые для производства орудий труда. Эти залежи расположены на холме «Татари» над пещерой. Обследование этого места и сравнение кремня показали, что как азильские, так и

тарденуазские люди пользовались этими залежами. Здесь нами найдено несколько кремневых орудий. Кроме того, с холма «Татары» открывается прекрасный вид на равнину, идущую от дер. Черкез-Кермен далеко на север. С этого холма они могли наблюдать и выследживать стада животных. Азильский обитатель «Замиль-Коба № 1» был хорошо знаком с краской и, возможно, раскрашивал себя (татуировка). Кроме основной мясной пищи, он мог иметь и растительную, а также питался улитками, добываемыми из раковин типа *Helix*. Возможно, он занимался и рыбной ловлей в р. Бельбек и на море, на это указывает находка двух зубов рыб при захоронении черепа.

Тарденуазский охотник не являлся постоянным жителем пещеры, а посещал ее временно, на что указывает отсутствие явно выраженных кострищ и очага, а также сравнительная бедность количества орудий и костных остатков.

Возможно, что постоянным местом тарденуазского человека была раскопанная нами в 1937 г. пещера «Замиль-Коба № 2», где найдены кострища этого времени. Этот обитатель пещеры, как и азилец, занимался главным образом охотой, но объекты охоты уже изменяются. Благородного оленя становится меньше; повидимому, сырой азильский климат с его богатой лесной растительностью уступает место более жаркому климату. Леса постепенно исчезают, а с ними и благородный олень. Около полноводных рек в камышевых зарослях водился в большом количестве кабан. Наличие большого количества костей этого животного указывает, что главным объектом охоты становится кабан.

Появляются и такие степные животные, как сайга. Небольшое количество костей этого животного, характерного объекта охоты в развитии тарденуазе, близость типов орудий к азильским заставляют нас отнести этот слой к более раннему времени, чем, например, второй комплекс «Шан-Коба» и тарденуазские слои пещер «Фатьма-Коба» и «Мурзак-Коба». Обитатель тарденуазского слоя пещеры «Замиль-Коба № 1» уже имеет собаку. Сейчас сказать трудно, служила ли она ему на охоте или была объектом пищи.

Говорить о социальных отношениях древних обитателей пещеры «Замиль-Коба № 1» в настоящий момент затруднительно, так как нами еще недостаточно изучен материал ряда прилегающих стоянок. В долине «Замиль» и в окрестностях дер. Черкез-Кермен стоянок этого времени, как в пещерах, так и на открытых местах, много (пещера «Замиль-Коба № 1», Черкез-Керменские гроты, стоянка на горе «Алиштепе» и пр.). Повидимому, в азиле род уже сформировался и в тарденуазе развивается далее. Наличие довольно значительного количества стоянок азило-тарденуазского времени указывает на то, что прежние, довольно крупные, коллективы людей распались на отдельные родовые группы бродячих охотников-рыболовов. Природные и климатические условия, а также изменение способов охоты вызвали распад больших коллективов. Азильцы и тарденуазцы, бродя с места на место в поисках пищи, не имели прочного постоянного места обитания, на что указывают сравнительно небольшие культурные слои и небольшое количество остатков материальной культуры. Переход к бродячей жизни произошел постепенно. Постепенно же изменялись и техника выделки орудий труда, и сами орудия, и способы охоты. Многие исследователи палеолита считают, что техника выделки кремневых орудий к концу палеолита ухудшается и между палеолитом (мадленской

культурой) и азилом имеется большой hiatus. Нам кажется, что эта точка зрения не совсем правильна, так как в Крыму не наблюдается этой картины. Мы здесь не имеем резкого различия, например, между сюреньской палеолитической стоянкой и азийскими «Шан-Коба» и «Замиль Коба № 1». Техника выделки кремня не ухудшается, а, наоборот, улучшается и совершенствуется, на что указывают прекрасные микролиты азило-тарденуазских слоев. Переход к более мелким и более совершенным микролитическим орудиям совершается постепенно. Уже в мадленскую эпоху намечается этот переход, который можно проследить и на стоянках СССР, и на стоянках Западной Европы. Так что о hiatus'e здесь говорить не приходится. Новые способы охоты, вырабатывавшиеся постепенно, при постепенном изменении климатических и природных условий, а следовательно и объектов охоты, привели к новой технике и новым формам орудий. Резцов, характерных для эпохи верхнего палеолита, становится меньше и меньше. Они заменяются резчиками и прекрасными ножевидными пластинами и скобелями, служившими для выработки основных орудий охоты азийца и тарденуазца из кости и дерева. Прежние гарпуны из кости, дротики из кремня заменяются костяными орудиями с кремневыми вкладышами и луком со стрелами, таким образом упадок кремневой индустрии после палеолита и так называемый hiatus — явления кажущиеся. Для выяснения этого вопроса и вообще вопроса о переходе палеолита к неолиту необходимо проделать большую работу по сравнению и изучению вещественного материала, и только тогда можно внести ясность в эту далеко еще не изученную и темную страницу в истории развития первобытной общины.

В данной работе нами очень часто употребляются термины — азийская и тарденуазская культуры. Конечно, крымская азило-тарденуазская культура носит несколько иной, специфический характер, чем, например, азийская культура, обнаруженная во Франции. В Крыму нет таких форм костяных плоских гарпунов, как в азийских стоянках Франции. Нет и раскрашенных галек. Но весь комплекс вещей и геолого-палеонтологические данные говорят об этой стадии и на нашей крымской территории. Конечно, крымская азило-тарденуазская культура имеет свои особенности, отличные от западноевропейских культур этого времени, так как климатические и природные условия Крыма были иными. Крымская азило-тарденуазская культура развилась непосредственно из культур конца верхнего палеолита, и путь развития истории первобытного общества в Крыму имеет свои особенности, довольно резко отличающиеся от западноевропейских.

Поэтому термины «азиль» и «тарденуаз» взяты нами условно, так как пока еще нет более точных терминов, которыми можно их заменить.

Данная работа не исчерпывает всех материалов, добытых раскопками пещерной стоянки «Замиль-Коба № 1». Результаты раскопок 1937 г. сюда не вошли. Кроме того, для полной характеристики азило-тарденуазских наслоений мною получены новые данные из раскопок пещерной стоянки «Замиль-Коба № 2», нижние слои которой соответствуют культурным комплексам «Замиль-Коба № 1» и одновременны им.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ЯМНОЙ И КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Еще в 1901 и 1903 гг. В. А. Городцовым была установлена последовательность культурного развития бронзовой эпохи. Материалом для этого ему послужили раскопки курганов на Украине в пределах б. Изюмского и Бахмутского уездов¹. Основная схема его деления на отдельные культуры, а также их чередование оказались правильными не только для Украины, но и для всего нашего юга, и остаются до сих пор общепринятыми.

Все же в настоящее время, принимая во внимание материал как старых исследований, так и работ послереволюционного времени, в классификацию В. А. Городцова для отдельных областей и культур приходится вносить различные уточнения и дополнения.

Данный очерк относится к так называемым ямной (или древне-курганной) и к катакомбной культурам.

В. А. Городцов рассматривает два этих этапа культурного чередования на нашем юге, как отдельные обособленные культуры, генетически не связанные между собой. При этом ямная культура непосредственно предшествует катакомбной. Правда, характеризуя ямные погребения, В. А. Городцов указывает на отдельные случаи, когда при погребениях с обрядностью, повидимому, близкой ямным, попадались вещи катакомбной культуры².

Таких погребений, по Городцову, в б. Изюмском уезде насчитывается 7. Их В. А. Городцов рассматривает как «явления случайные или сомнительные». «Последнее явление, насколько представляется возможность исследовать его начало, оказывается случайным, так например, в числе ямных погребений находятся погребения позднейшие, современные катакомбным...»³.

Вероятно, недостаток материала не дал ему возможности объяснить их иначе. В настоящее время, базируясь на ряде подобных случаев,

¹ Труды XII Археологического Съезда; т. I, В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г.

² Труды XIII Археологического Съезда; т. I, В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г.

³ Труды XII Археологического Съезда; т. I, стр. 180 и ссылки там же на погребения в Николаевке, Вел. Камышевахе, Мечебелове и др.

³ Тр. XII Археологического Съезда, т. I, Указ соч., стр. 179.

можно доказать, что как ямные погребения с признаками катакомбных, так и катакомбные с вещами ямной культуры представляют собою явление закономерное и относительно часто повторяющееся.

Отчетные данные раскопок исследователей, работавших в конце прошлого и начале настоящего столетий, приводят к заключению, что ямная и катакомбная культуры неразрывно связаны между собою, причем катакомбная является непосредственным продолжением ямной.

Это положение доказывается убедительней всего раскопками Ф. А. Брауна близ селений Верхние и Нижние Серогозы и Большой Белозерки в Днепропетровской области (бывш. Таврическая губ., Мелитопольский уезд)¹.

В кургане № 3, лежащем между теми и другими Серогозами, Браун вскрыл 18 погребений, из которых можно выделить шесть несомненно ямного типа и три катакомбных. Вполне возможно, что и некоторые другие могилы относятся к этим культурам, но данные отчета не позволяют судить о них с полной уверенностью.

Из шести ямных погребений три были совершены в грунте, до насыпки кургана (№№ 2, 9 и 11), другие три, более поздние, впущены в уже готовую насыпь (№№ 12, 15 и 16). Из трех катакомбных погребений одно (№ 13) было грунтовым, т. е. близким по времени трем основным ямным. Погребения же №№ 7 и 14 оказались впускными.

Интересно катакомбное погребение, совершенное до насыпки кургана. Оно сходно с ямными не только близостью во времени, но и некоторыми чертами обрядности. Там в «небольшом подбое на спине, головою на СВ...»² лежал, с согнутыми в коленях ногами, мужской скелет. Такое положение на спине особенно характерно для ямных погребений, даже для их древнейшего типа. Это становится особенно ясным после раскопок близ Никополя в 1937 г. Там, в кургане № 3, у которого была раскопана на снос вся южная половина, обнаружилось трехкратное досыпание насыпи. Древнейший внутренний конус насыпи заключал в себе шесть погребений, в том числе и основное центральное. Эти погребения все находились в грунтовых могилах, покойники лежали на спине в скорченном положении, т. е. с поднятыми вверх коленями. Позднейший внешний конус кургана заключал в себе несколько погребений, в таких же грунтовых, но очень небольших ямах, сильно скорченные на боку. Таким образом видно, что в период существования ямной культуры обряд погребения покойников изменился из скорченного положения на спине в сильно скорченное на боку. Этот последний обычай сохранился в течение всего расцвета катакомбной культуры. Возвращаясь к раскопкам Ф. А. Брауна (к погребению 13), отмечу, что и северо-восточная ориентировка наиболее обычна для ямных покойников.

В другом катакомбном погребении (№ 14) при покойнице стоял горшок без орнамента с уплощенным дном: наиболее характерный предмет из всего небогатого инвентаря ямных погребений³.

С другой стороны, при покойниках в ямах встречаются вещи, типичные для катакомбных погребений, например костяные жезловид-

¹ Ф. А. Браун, Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. Известия Археологической ком., в. 19, 1906 г.

² Ф. А. Браун, Указ. соч., стр. 86, погр. № 13.

³ Ф. А. Браун, Указ. соч., стр. 88, рис. 24.

ные булавки (погребение № 11¹). Находки металлических предметов во всех девяти погребениях немногочисленны.

Подобное же соотношение ямных и катакомбных погребений, а также сопровождающего их вещевого материала наблюдается в кургане № 5, разрытом Ф. А. Брауном близ села Большая Белозерка. В нем найдено 13 ямных погребений, из которых пять оказались впускными, остальные же, повидимому, были совершены до насыпки кургана. Пять катакомбных были впущены в уже готовую насыпь. В этих ямных могилах неоднократно были встречены металлические предметы (простейшего типа ножи, четырехгранные шилья) и костяные жезловидные булавки, обычные для катакомбных могил (погребения №№ 1, 6, 9 и 16). В катакомбном же погребении № 15 опять находился горшок ямного типа со слегка уплощенным дном².

Кроме того, во всех погребениях одинаково встречались игры из овечьих ножных костей, пронизи из птичьих костей и другие костяные поделки

Кстати надо отметить, что жезловидные костяные булавки совсем не встречаются в поздних катакомбных погребениях. Очевидно, этот предмет типичен главным образом для древнейших катакомб и для ямной культуры.

Создается общее впечатление, что близ сел Б. и М. Серогозы и Б. Белозерка в древнейший период бронзовой эпохи не было двух разных культур, а существовала единая культура. Вначале носители ее сооружали могилы в форме обыкновенных ям и лишь постепенно вошло в обычай хоронить покойников в подбоях. В продолжение всего этого периода вещи, составляющие могильный инвентарь, не подвергались существенным изменениям.

Белозерские и Серогозские курганы являются примером древнейших катакомбных погребений. В то же время в них совершенно отсутствует типично катакомбная керамика. С дальнейшим развитием культуры могильные горшки приобретают относительно большие размеры, становятся совершенно плоскодонными, и поверхность их покрывается характерным орнаментом. В его развитии тоже усматривается известная последовательность. Ямные горшки обычно совсем не орнаментированы. В редких случаях попадаетея зигзагообразный елочный орнамент, нанесенный зубчатым штампом (например, горшок из Серогозского кургана)³. Позднее этот орнамент получает широкое распространение в катакомбной керамике. Другой узор, встречающийся на керамике ямной культуры, — треугольники, расположенные по плечикам горшков⁴, — почти не получил дальнейшего развития в катакомбной культуре. Им или орнаментированы небольшие, вероятно, древнейшие, катакомбные горшки⁵, или отдельные элементы его входят в состав сложного орнамента⁶.

Постепенный переход от остродонного ямного к плоскодонному катакомбному горшку наблюдается на посуде из «Безчастной могилы», раскопанной Д. Я. Самоквасовым в 1884 г. близ с. Новогри-

¹ Там же, стр. 87, рис. 16.

² Там же, стр. 87, рис. 17.

³ Изв. Археологическ. ком., в. 19, 1906 г., стр. 87, рис. 20.

⁴ Труды XII Археологического Съезда, табл. III.

⁵ Раскопки Д. Я. Самоквасова, Каталог №№ 750, 751, 753.

⁶ Труды XII Археологического Съезда, табл. VIII и табл. IX.

горьевки¹ (Днепропетровская обл.). К сожалению, недостаточно подробный отчет об этих раскопках не дает четкого представления о всех погребениях кургана. Но, несомненно, в нем было множество погребений ямной и катакомбной культур. Два сосуда из этого кургана представляют собою особый интерес. Один из них остродонный, без орнамента, покрытый широкой штриховкой, нанесенной зубчатым штампом, характерен для ямной культуры (рис. 1), другой, совершенно с ним сходный по форме и по отделке поверхности, имеет плоское дно и вполне типичен для катакомбных погребений (см. рис. 2). Оба сосуда настолько похожи, что, кажется, сделаны одним гончаром и относятся, вероятно, к древнейшему времени формирования катакомбных горшков.

Почти совпадает с ними по форме большой неорнаментированный горшок из катакомбного погребения близ хутора Селимовки (раскопки В. А. Городцова в Изюмском уезде 1901 г., кург. 3, погребения 3—5²).

С течением времени материал катакомбных погребений становится разнообразнее и в его составе появляется все больше и больше металлических предметов. Бронзовые ножи становятся крупнее, часто встречаются четырехгранные шилья. Кроме того, появляются сложные украшения — бусы и привески — весьма устойчивых форм и техники. Они сделаны как бы из спаянной проволоки с напаянными шпечками и очень близки подобным же вещам древнейших культур бронзовой эпохи на Северном Кавказе. Вполне возможно, что при изготовлении их употреблялась восковая модель и литье производилось в глиняной форме, разбиваемой после отливки. Эти вещи присущи эпохе уже вполне развитой катакомбной культуры, с установившимися типами разнообразно орнаментированной керамики.

Единичные же находки их в ямных погребениях указывают на их весьма раннее появление и лишний раз подтверждают генетическую связь катакомбной и ямной культур. Примером подобных случаев может служить материал из раскопанного Н. Е. Бранденбургом в 1891 г. кургана «Баба» (Ростовская область)³, где им в погребении, совершенном в простой яме, были найдены привески и бусы катакомбного типа. То же относится к раскопкам Н. И. Веселовского в 1890 г. близ гор. Симферополя⁴. В них также в ямных могилах с круглодонной керамикой были найдены типично катакомбные вещи.

Приведенные примеры доказывают, что эти явления закономерно повторяются почти на всей площади распространения ямной и катакомбной культур. Это дает возможность утверждать, что катакомбная культура произошла из ямной путем постепенного развития последней. Обычно в районах, где часто встречаются могильные памятники катакомбной культуры, находятся и предшествовавшие им погребения в ямах. Но в некоторых местах многочисленные ямные могилы не сменяются могилами катакомбного типа. Примером этого можно привести исследованные А. Бобринским близ местечка Смелы⁵ (Киевская обл.) большие курганные кладбища с древнейшими погребениями, со-

¹ Д. Я. Самоквасов, Могилы Русской земли, стр. 15 и сл.

² В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 238, Хут. Селимовка.

³ Отч. Археологическ. ком. за 1891 г.

⁴ Отч. Археологическ. ком. за 1890 г. Раскопки в Таврической г.

⁵ А. Бобринский, Курганы и археологические находки близ Смелы.

Рис. 1

Рис. 2

держащими скорченных покойников с остродонной керамикой. Существование развитой ямной культуры на правобережье Днепра близ Киева определяется и другими находками. Но несмотря на то, что Киевская область археологически обследована достаточно хорошо, нигде близ Киева не найдено признаков катакомбной культуры. Создается впечатление, что в этих местах ямная культура не получила дальнейшего развития. Этому явлению могут быть даны два объяснения. Во-первых, вероятно, что на окраинах районов, заселенных людьми, создавшими ямно-катакомбные погребения, культурное развитие могло задерживаться. Вполне возможно, что в конце III тысячелетия местность близ Киева представляла собою глухой угол, где старые традиции и общественные уклады держались особенно долго. Это отразилось и на развитии материальной культуры: очевидно, не создались еще хозяйственные формы, требовавшие в домашнем обиходе больших плоскодонных горшков, в то время как на Донце и Дону они уже вошли в употребление.

Возможно и другое объяснение отсутствия катакомбной культуры близ Киева. Ямная культура, не достигнув уровня развития катакомбной, могла прекратить свое существование в силу каких-либо других причин, пока еще недостаточно ясных. Приходится только отметить тот факт, что как раз в ту эпоху (конец III, начало II тысячелетий), когда на Дону и Донце существовала катакомбная культура, в правобережье Днепра близ Киева мы имеем могилы в курганах с своеобразной колоколовидной посудой. Культура, пока еще недостаточно хорошо изученная, названа В. А. Городцовым по району ее распространения «Днепровской».

Южнее в правобережье Днепра, близ Днепропетровска существование ямной культуры наблюдается с полной четкостью, и переход ее в катакомбную происходит, повидимому, совершенно нормально.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

(По материалам Северо-Кавказской экспедиции Государственного Исторического Музея 1935 г.)

Северная Осетия — область, достаточно хорошо известная историкам-археологам. Ранняя история народов Кавказа, в частности история Северного Кавказа, довольно хорошо прослеживается по обильным, нередко первоклассным, разнообразным и разновременным археологическим материалам, распределяющимся во времени, начиная с эпохи I тысячелетия до нашей эры и кончая XVIII—XIX вв.; подавляющее большинство этого материала добыто на территории Северной Осетии. Материалов более ранних, чем памятники кобанской культуры, снискавшей себе мировую известность (эпоха I тысячелетия до нашей эры), за исключением отдельных вещей, эта область почти не давала, особенно, если иметь в виду преимущественно горную часть этой области¹. Изредка же встречавшийся случайный материал, не связывающийся с кобанской бронзой, оставался археологами без должного внимания и оценки. В этом отношении несомненный интерес представляют два объекта, подвергнувшиеся исследованию археологической экспедиции Государственного Исторического Музея (Москва) летом 1935 г., на территории Северо-Осетинской АССР².

¹ Определение А. А. Иессена в своей последней работе „К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе“, („Известия“, ГАИМК, в. 120, 1935 г., стр. 101) литейных форм из сел. Зилги и Кобани, как принадлежавших к более раннему периоду, чем эпоха Кобани, ошибочно. По слепку топора, сделанному по копии литейной формы из сел. Зилги, хранящейся в Гос. Историческом Музее, нам удалось установить, что эта форма служила для отливки именно кобанских топоров типа, изображенного в МАК, в. VIII, табл. VI, № 2. По уверению А. А. Иессена, форма из Кобани близка литейной форме из с. Зилги. Указ. соч., стр. 103.

² Северо-Кавказская археологическая экспедиция Государственного Исторического Музея 1935 г., производившая работы на территориях Сев. Осетинской и Чечено-Ингушской АССР, осуществлена при активном содействии Северо-Осетинского и Чечено-Ингушского Научно-Исследовательских Институтов Краеведения. Непосредственное участие в экспедиции принимал проф. СКПИ Л. П. Семенов.

Это — могильник «Загли Барзонд», находящийся в районе селения Верхняя Кобань (Гизельдонгрэс) и скорченное погребение в грунте, вскрытое экспедицией на известном могильнике у сел. Галиат (Дигория).

Обзору этих памятников и посвящается статья, задача которой весьма скромная — пустить в научный обиход новый фактический материал, проливающий свет на древнейшую эпоху истории народов, некогда населявших Северный Кавказ.

Могильник «Загли Барзонд» находится в довольно глухом ущелье километров в пяти к юго-западу от сел. Верхняя Кобань по направлению к перевалу, через который ведет дорога в селение Джизи. Расположен могильник на громадном холме полушарной формы, покрытом крупными глыбами дикого камня (песчаника и известняка) и вскрытыми могилами.

Подножие холма, особенно с южной и западной сторон, покрыто обильной кустарниковой растительностью (кустами азалии, почему это место и называется осетинами «Загли Барзонд», что значит «азалиевая возвышенность»). На самой вершине холма, густо заросшей травой, заметно особенно большое скопление каменных глыб.

Склоны холма покрыты вскрытыми могилами, общее количество которых не превышало одного десятка.

Могилы — каменные ящики, имеющие форму квадратов, в подавляющем большинстве небольших размеров; среди них, например, встретился вскрытый каменный ящик в $0,5 \times 0,5$ м и глубиной в 0,4 м. Сложены ящики из нетолстых каменных плит. Какую-либо закономерность в ориентировке вскрытых ящиков установить было нельзя. Стороны ящиков расположены по самым различным направлениям.

По уверению сопровождавшего экспедицию старого жителя селения Верхняя Кобань, Батарбека Канукова, вскрытые каменные ящики являются следами раскопной деятельности известного местного раскопщика прошлого века, Хабоша Канукова, и археолога В. И. Долбежева¹. Насколько мне известно, о раскопках В. И. Долбежевым этого могильника в литературе сведений не имеется².

Указание же на раскопки могильника Хабошем Кануковым подтверждается Драницыным А. А., производившим раскопки в окрестностях селения Кобань в 1907 г.

Отчет Драницына А. А. хранится в архиве ИИМК Академии Наук, дело № 93 за 1907 г.

В дневнике, приложенном при отчете Драницына на стр. 32, читаем: «14 августа (в последний день работ) я получил извещение о нетронутом якобы могильном поле за Верхним Кобаном, куда и направился в 8 час. (сразу по получении известия) утра. Пройдя Верх. Кобан и поднявшись на весьма крутые цепи гор, на одной из их вершин, почти лишенной растительности (лишь трава), я нашел уже раскопанное (как впоследствии оказалось) Кануковым могильное поле в 210 могил, лежащих на самом уровне земли. Все могилы построены из плит, четырехугольны и размерами сходны с раскопанными мною.

¹ Батарбек Кануков, племянник Хабоша Канукова, тогда еще молодым человеком неоднократно сопровождал последнего и нередко участвовал в его раскопках; поэтому его показания вообще не лишены интереса.

² См. статью Семенова Л. П. „Долбежев, как археолог-кавказовед“, отд. отт. „Известия“ Горского Педагогического Института, т. VII, 1930 г., г. Владикавказ.

(Драницын копал у селения Нижн. Кобань. Соответствующая ссылка на его раскопки будет ниже. — Е. К.). Некоторые могилы были разрыты и вновь довольно искусно закопаны. Впрочем, обследуя их щупом, я нашел одну целую, длиною 1 арш., шириною 11 вершков, глубиною 6,5 верш. Вещей не оказалось. Обломки кувшинов орнаментированы прямыми линиями».

В целях выяснения характера и времени могильника (квадратной формой своих ящиков так отличающегося от всего известного археологам), экспедицией в четырех местах, кажущихся не нарушенными старыми раскопками, были произведены раскопки.

При вскрытии первой площади почти на самой вершине холма под растительным слоем толщиной в 0,20 м была обнаружена плита толщиной в 0,10 м, расколота на три крупных обломка, прикрывавших каменный ящик.

Ящик имел форму квадрата, как и другие, вскрытые ранее.

Плиты, из которых состоял ящик, сделанные из местного дикого камня, имели около 0,8 м толщины. Стороны ящика были ориентированы на ССЗ-ЮЮВ, ЮЮЗ-СВВ. Размеры ящика следующие: три стороны, ориентированные на ССЗ, ЮЮЗ и ЮЮВ, имели по 0,90 м; четвертая сторона, ориентированная на СВВ, — 1 м; глубина ящика — 0,74 м.

До самого верха ящик был засыпан землей, перемешанной с мелкими обломками камня, которые вместе с землей проникли через щели между обломками плит и засыпали весь ящик. Земля с камнями оказалась настолько слежавшейся, причем чем ниже, тем плотнее, что очистка могилы представляла значительные трудности.

В процессе выброса земли из каменного ящика на глубине 0,39 м от верхней плиты в северо-западном углу ящика были обнаружены три металлические бусины, лежащие на близком друг от друга расстоянии¹. Две бусины — красноватого оттенка, слегка покрытые патиной. Темнокрасноватая пятнистость при несплошной патинированности вещей, как известно, составляет отличительную особенность медных предметов. По всей вероятности эти бусы и являются медными. Бусы сделаны из сравнительно толстой (0,2 см в сечении) сплюснутой пластинки в 0,4—0,5 см шириною, с плотно сомкнутыми, но не спаянными концами. Линии соединения видны отчетливо. Внеш-

¹ Хотя бусы были обнаружены в массе земли, засыпавшей ящик, их принадлежность к находившемуся ниже костяку не подлежит сомнению. То обстоятельство, что они были как бы оторваны от костяка и находились в плотном слежавшемся слое, не может служить основанием не считать их входящими в инвентарь вскрытого погребения в ящике. Подобное явление регистрировалось археологами неоднократно. Наблюдалось такое явление и нами в этом же году при вскрытии склепа в могильнике у с. Галиат, где металлические бляшки от конской сбруи и поясов погребенных стали попадаться в самых верхних слоях земли, так же проникшей в щели и засыпавшей костяки. Нахождение их в слоях над костяком объясняется двумя причинами: 1) стремительным проникновением земли, движущейся одновременно с нескольких сторон из щелей, которая сдвигает, перетасовывает и даже приподнимает мелкие вещи, лежащие на костяке, и 2) работой грызунов, проделывающих те же операции с вещами. Плотность земли, в которой были найдены бусы, исключает всякое предположение о том, что они могли сюда скатиться в более позднее время. Наоборот, эти условия неоспоримо убеждают в обратном: бусы могли занять свое место только тогда, когда засыпавшая ящик земля была рыхлой; это доказывается и положением нижней челюсти (о чем ниже), а это могло совершиться только вскоре после захоронения покойника и ни в какое иное время.

ний диаметр бус 0,7—0,8 см. Третья бусина, в отличие от первых двух, сплошь покрыта яркозеленой патиной, почему и производит впечатление бронзовой. Эта бусина сделана из толстой проволоки или пластинки, чечевицеобразной в поперечном сечении и с несомкнутыми концами. Размеры бусины приблизительно те же, что и первых двух.

На глубине около 0,70 м был расчищен скелет человека, лежащий скорченно на левом боку, с подогнутыми ногами. Кисти рук, судя по сохранившимся остаткам, находились у таза. Ориентировка на юго-восток. Костяк был положен скорченно по диагонали, соединяющей юго-восточный и северо-западный углы ящика. Кости скелета исключительно плохой сохранности. Нижняя челюсть отвалилась и лежала у середины юго-западной стенки ящика и не на одном уровне с черепом, а несколько выше (рис. 1)

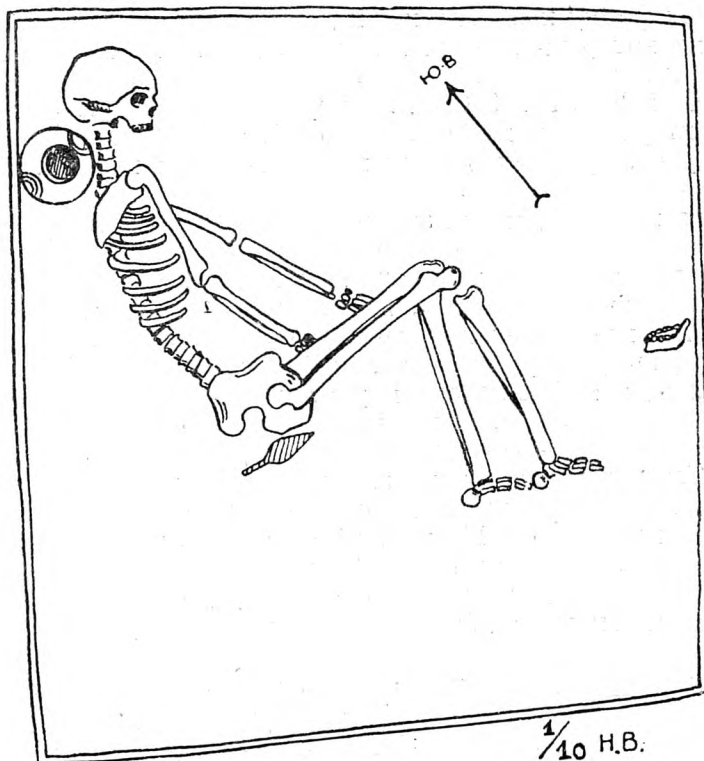

Рис. 1

Массивные части костей скелета, как черепная крышка, тазовые кости, ножные, при прикосновении рассыпались, превращаясь в порошкообразную массу. По степени стертости зубов погребенному мужчине лет 50. При костяке, рядом с черепом (у затылочной части), стоял плоскодонный глиняный сосуд, имевший форму кувшина (фото 1) (форма восстанавливается по сохранившейся довольно высокой шейке, следам основания ручки у края излома и по хорошо выраженным плечикам). Наибольший диаметр сосуда — 12,5 см; диаметр дна — 6 см. Высоту измерить не представляется возможным из-за

отсутствия верхней части горла сосуда. Сделан сосуд из серой хорошо отмученной глины, с весьма незначительной примесью мелкозернистого песка; обжиг отличный; хотя сосуд сделан не на гончарном круге, но искусно; сама форма сосуда выдержана в точных соотношениях частей; границей основания шейки сосуда и плечиков является широкая линия, идущая вокруг; линия нанесена путем двойного (под прямым углом) обвода сосуда инструментом, может быть щепочкой. Противоположные стенки сосуда (внешние стороны) покрыты наlepным орнаментом в виде трех широких валиков, дугообразных с одной стороны и тройных полос с другой. Начинаются валики от плечика и оканчиваются на середине сужающейся части корпуса сосуда.

На самом дне каменного ящика на глубине 0,74 м, прямо в мергелистом грунте у лицевой части черепа (по координатам: от ЮЮВ стенки — 0,15 м, от СВВ — 0,25 м) найден кремневый наконечник стрелы темносерого цвета с полукругло-выемчатым основанием и обломанным верхним концом (фото 2). Его размеры следующие: ширина верхнего обломанного конца — 0,55 см, ширина основания 1,25 см, высота по центру до линии излома — 1,1 см. Ретушь на наконечнике нанесена отчетливо; вообще наконечник имеет правильную симметричную форму и представляет собою образец хорошей техники обработки камня.

У таза скелета (по координатам: от ЮЮВ стенки — 0,55 м, от СВВ — 0,30 м) находился бронзовый нож (фото 1). Общая длина ножа, включая значительной длины рукоять, равняется 11,9 см. Наибольшая ширина рабочей части — 2,7 см, ширина рукояти — 0,9 см. Нож имеет правильную листовидную, несколько удлинненную форму, без каких-либо следов грани посредине лезвия. Обе поверхности ножа сильно патинированы. Рукоять ножа заканчивается тупым концом.

Этим исчерпывается погребальный инвентарь каменного ящика № 1.

В 15 м к СВ от 1-й траншеи, по направлению к городку Гизельдонгрэс и селению Верхн. Кобань, под обнажившейся каменной плитой был обнаружен второй каменный ящик. Так же, как и первый, каменный ящик № 2 имел форму, близкую к квадрату. Об ориентировке и размерах сторон ящика можно сказать следующее: две стороны, ориентированные на СВ и ЮЗ, имели по 0,80 м длины; две другие, ориентированные на СЗ и ЮВ, — по 0,65 м. Глубина ящика — 0,57 см. Этот ящик также содержал скорченное погребение, подобное первому, причем в отличие от первого костяк во втором ящике лежал не по диагонали квадрата, а на правом боку, головой на юго-запад, т. е. головой и ногами упираясь не в углы, а в две противоположные стенки ящика.

Кости погребенного исключительно плохой сохранности. Пол установить было затруднительно.

Весь погребальный инвентарь этого ящика составляли два разбитые сосуда, стоящие у головы, и обломки третьего в ногах скелета (фото 3). У ног же зафиксированы только следы распавшихся мелких бронзовых неопределенных предметов.

Дно ящика не имело также каменного покрытия. Сосуды, находившиеся в обломках у головы, склеенные впоследствии, следующие: один крупный плоскодонный баночной формы сосуд представляет собой цилиндр высотой в 17,25 см, в нижней своей части ко дну несколько сужающийся (чем и объясняется разница в диаметрах верха

Фото 1

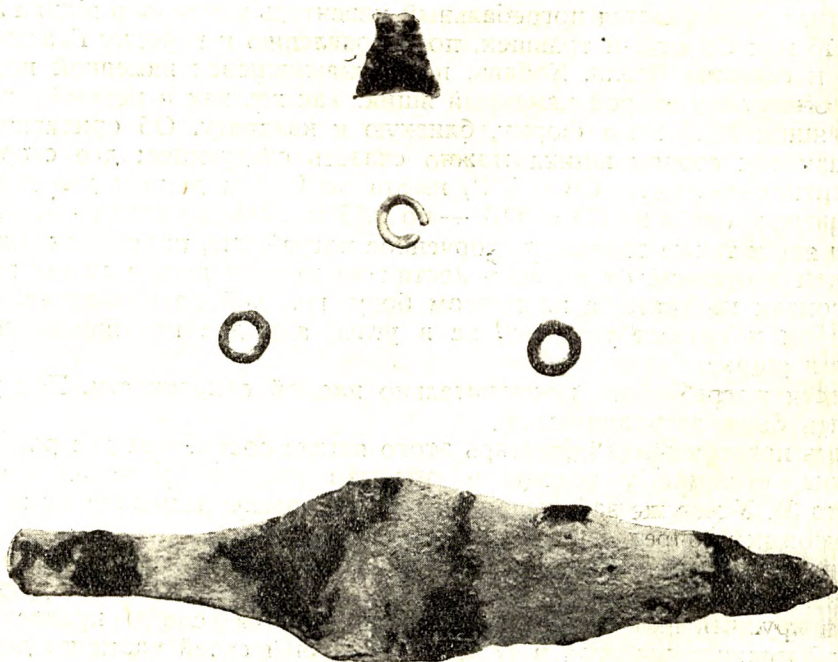

Фото 2

сосуда — 16,5 см и дна — 11,5 см); в одном месте по окружности, у верха, с внешней стороны, сосуд имеет небольшой прямоугольный выступ (ручку?), с отверстием в 0,5 см в диаметре. Длина выступа — 4 см, ширина — 2 см. и высота — 0,75 см. Сделан сосуд из серой глины без посторонней примеси, отличной от мучки, хорошего обжига. Сделан он от руки, что доказывается слабо намеченной неровностью стенок, их различной толщиной и техникой орнаментирования сосуда. Покрывает сосуд орнамент в виде тонкой углубленной полоски, опоясывающей верхнюю половину сосуда, и косых параллельных штрихов, сделанных довольно грубо. Концы опоясывающей полосы не сходятся, сама линия далеко не ровная. Косые штрихи, нанесенные в нескольких местах по окружности сосуда, хотя и сохраняют приблизительно параллельность рядов, но различны по размерам. Стенки сосуда покрыты легким известковым налетом, местами осыпавшимся. По излому довольно правильной линии у дна сосуда можно полагать, что дно с несколько приподнятыми краями было прикреплено к уже готовому корпусу-цилиндру.

Второй сосуд, также плоскодонный, имеет форму кувшина с одной ручкой. Размер ручки соответствует высоте прямой довольно высокой шейки сосуда (высотой 5,5 см). Плечики сосуда выражены очень слабо. Размеры сосуда следующие: высота — 14,5 см, диаметр дна — 8,5 см. Сделан сосуд из такой же глины, как и первый, но со значительной примесью мелкозернистого песка. Благодаря чрезмерному обжигу сосуд имеет красноватый оттенок. Так же, как и первый, сосуд покрыт легким известковым налетом, но в отличие от первого не орнаментирован. Правильная линия, по которой отвалилось дно сосуда, заставляет видеть в этом особенность технического приема, применявшегося при изготовлении сосуда: очевидно, как и в первом случае, вылепленное дно прикреплялось к уже приготовленному корпусу сосуда. Неровность в толщине стенок сосуда позволяет и этот сосуд считать сделанным не на гончарном круге и вместе с тем признать, что, как этот, так и первый сосуды являются свидетельством довольно высокого гончарного дела.

Фрагменты третьего сосуда, по технике изготовления близкие первым, были настолько незначительны, что составить из них целый сосуд, а значит и судить о форме сосуда, не представляется возможным.

В другом пункте могильника под обнажившимися плитами, прямо в растительном слое, но без признаков каменного ящика или могилы, были найдены два разбитые сосуда (фото 4); накрывавшими их плитами сосуды были как бы сплюснуты. Один из них (большой) позднее удалось склеить из многочисленных фрагментов. Он имел форму широкогорлого горшка, с еле намечающейся шейкой и плохо выраженными плечиками. Сделан этот сосуд из серой глины со значительной примесью посторонних веществ. От обжига он имеет красноватый оттенок; по сравнению с предыдущими сосудами — толстостенный и более грубой техники. Дно сосуда плоское и более толстое, чем стенки. Верхнюю часть сосуда восстановить не удалось, и потому о форме сосуда вполне уверенно говорить затруднительно. В сохранившемся виде сосуд имеет 20 см в высоту, наибольший диаметр корпуса — 19,5 см и дна — 8,5 см. Пробуя продолжить линии стенок

Фото 3

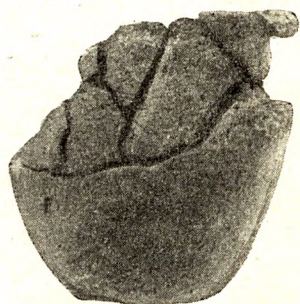
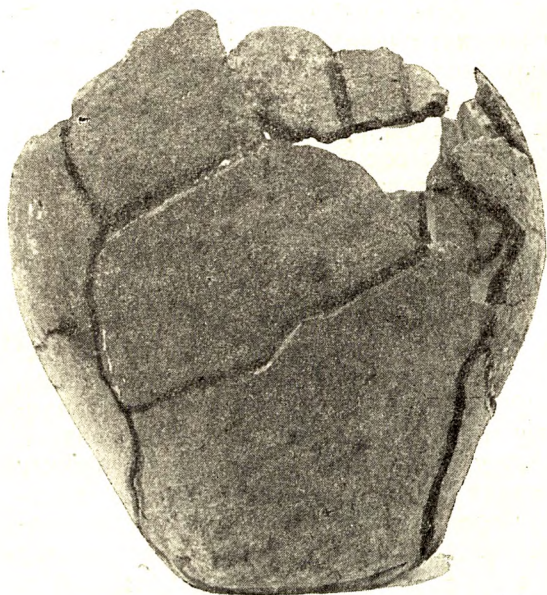

Фото 4

и восстановить верхнюю часть сосуда, мы должны будем верхний диаметр горшка считать не превышающим 15 см.

Второй сосуд меньших размеров с одной ручкой, от которой сохранилось только основание, также толстостенный и сделан из такой же глины и той же техники, как и предыдущие. По цвету этот сосуд еще более красноватый, чем первый; дно плоское. Большая часть верха сосуда не сохранилась, но по сохранившейся части можно судить о наличии невысокой (4 см) шейки сосуда. Общая высота сосуда 10,5 см; наибольший диаметр — 10 см; диаметр дна — 6 см; размеры горла, за несохранностью верха сосуда, установить нельзя.

Самый факт нахождения разбитых сосудов под плитами без признаков погребения в непосредственной близости от могил заслуживает внимания и, мне кажется, может быть объяснен двояко. Или это остатки прошлой тризны, когда использованные сосуды также оставлялись на могилах, или это сосуды, не взятые и брошенные старыми раскопщиками, что, пожалуй, более вероятно, если, конечно, отбросить свидетельство Батарбека Канукова о том, что могильник «Загли Барзонд» раскапывался только Хабошем Кануковым и В. И. Долбежвым, которыми по всей вероятности целые сосуды не были оставлены на месте раскопок.

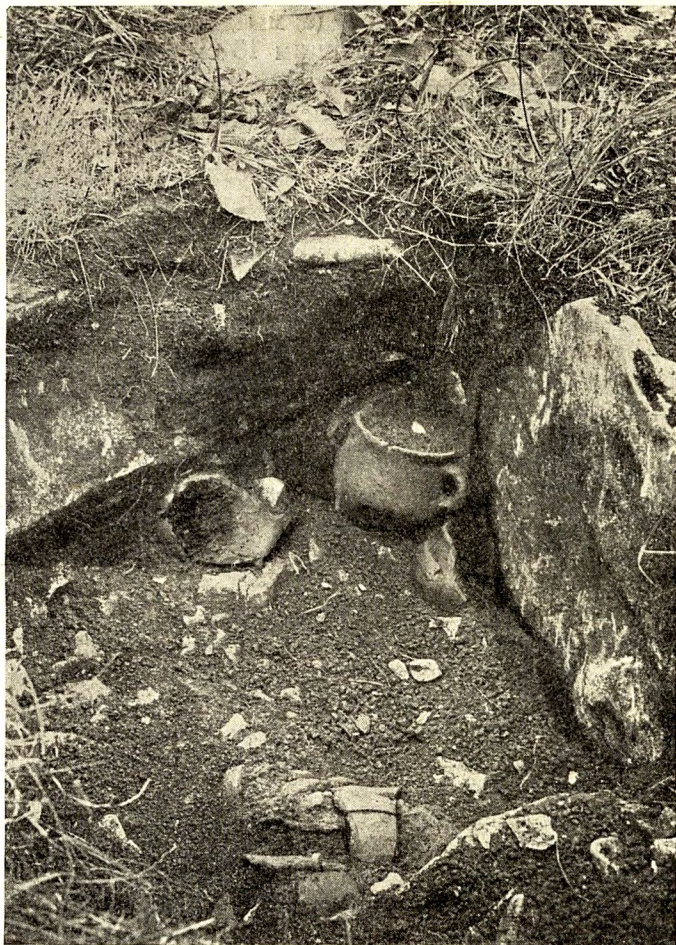
При повторном посещении могильника «Загли Барзонд» уже в 1937 г. нами был обнаружен еще один каменный ящик на западном склоне холма. Ящик оказался вскрытым ранее и ограбленным (фото 5). По размерам он мало отличался от уже известных нам: северо-восточная стенка и юго-западная были целы; другие же, северо-западная и юго-восточная, обломаны. Расстояние между первыми стенками около 0,8 м.

В восточном углу могилы находился разбитый череп человека, другие кости отсутствовали. В южном углу на глубине 0,25—0,30 м обнаружен целый сосуд с двумя ручками из той же глины и той же техники, что и предыдущие. Рядом с ним лежал другой разбитый сосуд, который после склейки оказался небольшой кружкой с одной ручкой и с сужающимся корпусом к донышку (фото 6). Кроме того, в разных пунктах ящика встречены обломки от сосудов, повторяющие уже известные типы. Если и был здесь какой-либо бронзовый инвентарь, очевидно, он был взят при первом вскрытии могилы. Глубина ящика — 0,52 м. Дно мергелистое. При втором посещении могильника удалось установить наличие не только квадратных ящиков, но и прямоугольных, однако длинной стороной не превышающих 1,30 — 1,40 м.

К сожалению, данные, приводимые Драницыным о вскрытых 210 могилах, и наш опыт исследования этого могильника исключают всякую надежду получить больше материала и полнее выявить особенности этого интересного могильника, повидимому предшествующего знаменитому Кобанскому могильнику, связь с которым смутно намечается.

Таковы результаты раскопок могильника «Загли Барзонд» в окрестности селения Верх. Кобань.

Второй объект нашего рассмотрения — скорченное погребение в грунте на известном Галиатском могильнике, близ селения Галиат (Дигория).

Φoto 5

Φoto 6

Для предварительного исследования могильника по склону отрога, на котором расположен могильник (45 м выше усадьбы жителя селения Галиат Александра Кацанова), была заложена траншея, ориентированная с СЗЗ на ЮВВ. Длина траншеи — 5 м, ширина — 1 м. Траншея была разбита на квадраты, стороны которых равнялись 1 м. На последнем квадрате у юго-восточной стены тран-

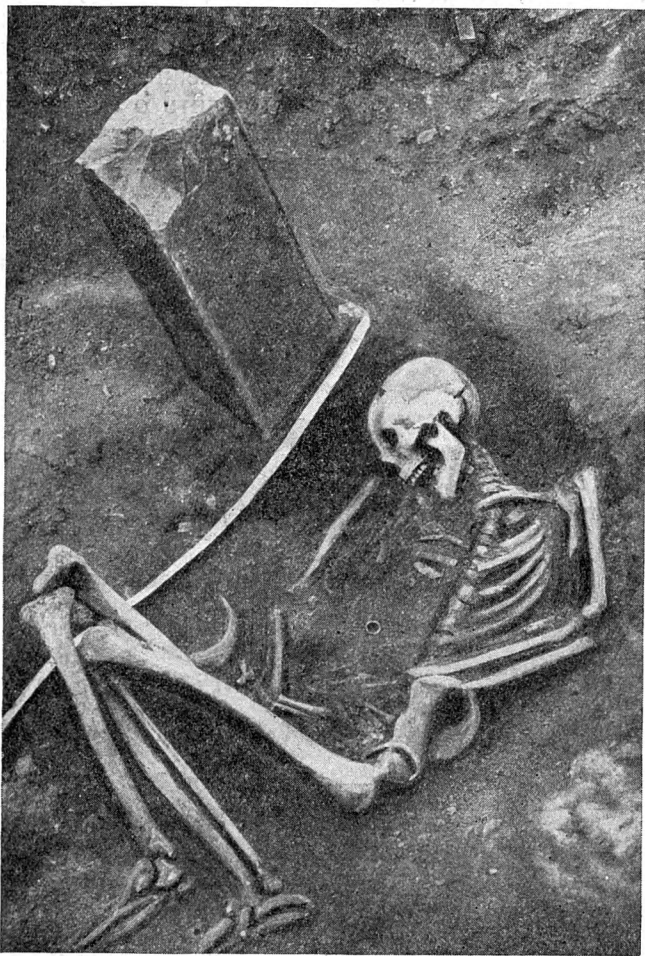

Фото 7

шей, еще на глубине 0,20 м, показался каменный четырехгранный грубоотесанный столб, стоящий вертикально. В сечении столб имел неправильную форму со сторонами, равными: наибольшая — 0,19 м, наименьшая — 0,13 м. Общая высота столба равна 0,55 м. Земля вокруг столба, судя по относительной мягкости по сравнению с окружающей, была перекопана, что заставляло предполагать наличие могилы. На глубине 0,60 м с западной стороны от столба и в непосредственной близости от него, — что доказывает безусловную связь столба с погребением, — показался череп, а затем был вскрыт

весь скелет человека, лежащего на правом боку, с сильно подогнутыми ногами. Кисти рук внутренней стороной, обращенной вниз, находились у таза, костяк, ориентированный на ЮЮЗ, лежал прямо в грунте (фото 7). Левая половина грудной клетки, плечевые кости и предплечья, будучи придавлены землей, несколько изменили свое первоначальное положение и легли таким образом, что производили впечатление скелета, лежащего на спине с подогнутыми ногами. Но положение головы, лежавшей на правом плече, шейных позвонков и особенно тазовой кости, лежащей на боку, не оставляли сомнения в том, что это и есть первоначальное положение покойника, положение которого скорченно на правом боку. Чтобы судить о скорченности костяка, следует указать длину его от головы до пят по прямой линии, равную 0,97 м. Кости скелета хорошей сохранности¹; погребенный был мужчина средних лет.

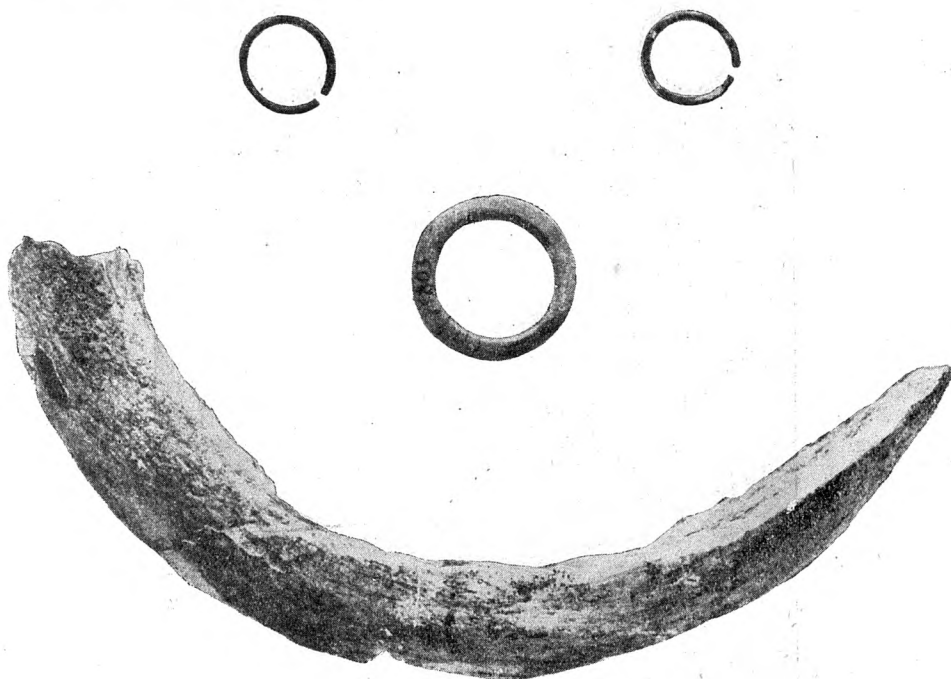

Фото 8

Инвентарь этого погребения (фото 8) был небогат и состоял из: 1) двух одинаковых бронзовых височных колечек с несомкнутыми концами, из которых одно находилось под черепом, и другое, сползшее с височной кости, у грудной клетки. Внутренний диаметр колец не превышает 0,95 см. Проволока, из которой были сделаны кольца, в сечении имела круг, диаметром равный 0,1 см; 2) небольшого бронзового литого кольца, лежащего у пояса скелета. Кольцо в поперечном сечении имело чечевицеобразную форму, с одной стороны более выпуклую, нежели другая. Внутренний диаметр кольца — 1,5 см.

¹ Костяк этого погребения передан в Московский Антропологический Музей для изучения.

Ширина прута, из которого состоит кольцо, — 0,3 см; и, наконец, 3) крупного кабаньего клыка, без следов обработки, находившегося у правой бедренной кости. Наиболее широкая часть клыка равняется 1,25 см. Линия, соединяющая противоположные концы клыка, равна 12 см. Этими предметами исчерпывается инвентарь погребения в грунте.

Следует отметить, что в процессе расчистки открытого костяка пришлось несколько расширить площадь раскопа в 0,90 м на ЮЗ от расчищенного погребения и на той же приблизительно глубине встретить скопление костей овцы, в разбросанном виде, вместе с мелкими обломками тонкостенной лощеной керамики. Здесь находились почти все кости скелета овцы: челюсти, ребра, ножные астрагалы и прочие. Выше были найдены зубы лошади. Условия нахождения упомянутых костей и особенно обломков лощеной посуды, находившихся в особом углублении (ямке) и на таком расстоянии от погребения, заставляют не связывать их с последним. Обнаруженные при этом фрагменты керамики по ряду признаков определяются эпохой раннего средневековья (VI—IX вв. нашей эры). Как известно, обильными и разнообразными памятниками этой эпохи Галиатский могильник и стал известен археологам¹. Обнаруженные фрагменты керамики и кости домашних животных, можно думать, являлись остатками тризны по умершим, когда кости съеденного барана были зарыты вместе с нарочито разбитым уже использованным сосудом. В этом неоспоримо убеждала картина, особенно четко обрисовавшаяся, когда был зачищен профиль раскопа этого места. Как уже отмечено, кости и фрагменты керамики находились в особом углублении. Очевидно эти остатки связывались с каким-нибудь другим погребением эпохи раннего средневековья (судя по характеру керамики), нами не обнаруженным.

Дав краткое описание обстоятельств и условий находок и самого раскопанного материала, перейдем теперь к его изучению и определению.

Прежде всего следует признать, что для решения последней и ответственной задачи, т. е. для подлинно исторического определения этих материалов у нас далеко не достаточно данных. Совершенно бесспорно, что по одному-двум фактам, одному-двум погребениям чрезвычайно трудно и просто рискованно иногда делать какие-либо выводы о дате погребения, о носителях представленного комплекса и т. д. Окончательных выводов я и не рискую делать, но поставить вопрос, сделать известную попытку выяснения его, я думаю, бывает необходимо и по двум-трем фактам, когда к этому есть некоторые предпосылки².

Для выводов по материалу, описанному выше, мне кажется, такие предпосылки имеются. Прежде всего они заключаются в ряде, на первый взгляд кажущихся косвенными, признаков, но в сумме определенным образом характеризующих материал и позволяющих делать кое-

¹ Экспедиция ГИМ 1935 г. на этом могильнике также вскрыла каменный склеп, содержащий коллективное погребение VIII века с седлами, с саблей, с золочеными бляшками, с золотой византийской монетой, арабским дирхемом и прочим инвентарем. Описание и определение этого интересного погребения изложены мною в статье, напечатанной в „Вестнике древней истории“ № 2/3 за 1938 г.

² Разумеется, для окончательного решения всех вопросов, возникающих в связи с изучением упоминаемых памятников, прежде всего необходимо иметь больше раскопного материала. Его дадут дальнейшие раскопки этих памятников.

какие предположения, а также и в той археологической традиции исследования памятников Кавказа, начиная с конца XIX века, по которой памятники эпохи бронзы с территории горной части центрального Кавказа определялись временем не ранее рубежа II и I тысячелетий до н. эры, хотя целый ряд, правда отрывочных, материалов с этих мест давно уже упорно резал эту схему, созданную археологами¹.

Но обратимся к материалу. Начнем с Галиатского скорченного погребения в грунте. Раньше чем переходить к хронологическому определению этого погребения, следует признать, что погребальный инвентарь (височные колечки, поясное кольцо и кабаньей клык) сам по себе настолько невыразителен, что один он не может служить отправной точкой для установления даты погребения. Отдельные вещи этого погребения, как кольца или клык, могут входить и встречаются в инвентаре кавказских могил той же области, относящихся к самым различным эпохам, начиная с периода Кобанской культуры I тысячелетия до н. эры и кончая эпохой раннего средневековья (VI—IX вв. н. эры).

На анализе инвентаря этого погребения как нельзя лучше убеждаемся в том, что нельзя только по 1—2 предметам пытаться дать точное определение всему комплексу, к которому эти предметы относятся, не учитывая всей совокупности признаков, характеризующих этот комплекс. Рассмотрение же всех, как прямых, так и косвенных признаков, которые характеризуют как сам инвентарь, так и все погребение в целом, мне представляется единственно правильным методическим приемом исследования, безусловно обеспечивающим возможность правильного решения вопроса.

Прежде всего остановимся на одном отличительном признаке нашего погребения — погребения в грунте, при отсутствии каких-либо могильных сооружений, кроме каменного столба, связь которого с погребением отмечена выше. Погребения в грунте встречались, правда не часто, при раскопках могил на Кавказе самых разновременных, и во всяком случае относимых исследователями ко времени не ранее чем эпоха Кобани: таковы раскопки Тимофеева на берегу реки Уруха, могильника Фаскау, Уваровой на Нижней Рутхи и других мест². Сопоставляя же с кобанским материалом инвентарь нашего погребения, на вопрос о сходстве мы должны будем ответить отрицательно. И богатством форм и количеством погребального материала кобанские инвентари резко отличаются от нашего в целом. Самое бедное погребение «кобанца» далеко оставляет за собой инвентарь галиатского погребения. То же самое можно отметить и при сравнении с погребениями эпохи раннего средневековья.

¹ Таковы, например, отдельные находки: каменный шлифованный тропор из Кобани, упоминаемый Уваровой в МАК, в. VIII, стр. 23; хранящийся в Гос. Историческом Музее под № 50989 материал из раскопок Уваровой под Нальчиком под № 25155; материал из раскопок Бобринского под Грозным; раскопки Д. Я. Самоквасова в Пятигорье, комплексы бронзовых предметов из кургана близ сел. Магометановского (Чкола), хранящиеся в Сев.-Осетинском Музее Краеведения, и ряд других фактов.

² МАК, в. VIII, стр. 203, 235, 272. Одно погребение в грунте было обнаружено экспедицией ГИМ в 1937 г. на могильнике „Верхняя Рутха“ близ селения Кумбулта. Погребение датируется скифскими стрелами V—IV вв. до н. эры.

Второй признак этого погребения, значительная скорченность, само себе взятый в отдельности, также не может служить доказательством глубокой древности, ибо также может встречаться в могилах, хронологически различных¹.

Но при наличии первого признака Галиатского погребения, захоронения в грунте, второй признак, значительная скорченность, приобретает уже иное значение. Не лишне вспомнить, что еще Уварова П. С. погребения, характеризующиеся этими двумя признаками, считала древнейшими в крае, учитывая, разумеется, уваровскую датировку Кобанского могильника (IX в.), для которого эти признаки не являлись характерными².

Так каким же временем мы сможем определить интересующее нас погребение? Обращаясь к материалу из кавказских могил, определяемых временем не ранее начала I тысячелетия до нашей эры и сравнивая его со всеми показателями Галиатского погребения, мы должны будем прийти к заключению, что погребение это резко отличается от погребений эпохи Кобани и тем более от погребений поздних эпох, изобиловавших железом. Наряду с этим больше всего сходных черт и в самом инвентаре, и в условиях захоронения, мы обнаружим с погребениями круга курганных могильников Кубани, Терека и других мест, определяемых эпохой II тысячелетия до нашей эры³, разумеется, учитывая, что курганные насыпи над могилами могли насыпаться в степной полосе и предгорье Сев. Кавказа, где их больше всего и зарегистрировано исследователями.

По вполне понятным причинам Галиатское погребение, вскрытое нами на высоте около 2000 м., не имело курганной насыпи; здесь насыпи вообще отсутствуют и над другими памятниками. В подавляющем большинстве погребений этой эпохи, вскрытых различными исследователями на значительной территории, встречаются признаки, характеризующие Галиатское погребение: захоронение в грунте,

¹ Как известно, костяки в кобанских каменных ящиках имели положение лежащих на боку с согнутыми в коленях ногами. Даже среди т. н. аланских погребений эпохи VI—IX вв. не редкость встретить скорченное положение костяков. Так например, по раскопкам старых исследователей (Д. Я. Самоквасова у сел. Чми и урочища „Херх“, Бобринского в урочище „Херх“, В. Б. Антоновича у селений Камунта и Лац и В. И. Долбежева у аула Гоуст) устанавливается, что при вскрытии могил на всех перечисленных могильниках горной части Северного Кавказа, определяемых одним временем, на 28 костяков, лежащих вытянуто, и 59, неопределенных исследователями, приходится 7 костяков, лежащих скорченно. Кроме того, особо важно отметить, что наблюдаемая скорченность как кобанских, так и аланских костяков иная, чем скорченность галиатского погребения. Как среди первых, так и вторых костяки лежат обычно на правом, реже на левом боку, причем бедренные кости по отношению к позвоночнику и берцовые по отношению к бедренным костям обычно лежат под прямым углом с незначительным отклонением в обе стороны; кисти рук костяков чаще подняты к лицевым костям черепа. Тогда как скорченность данного погребения характеризуется другими чертами, кисти, рук, как отмечено выше, находятся у таза; бедренные и берцовые кости ног лежат под острым углом, что является типичным для более ранних скорченных погребений, приближаясь к классическому типу скорченного положения костяков.

² МАК, в. VIII, стр. 375.

³ См., например, материал из раскопок Н. И. Веселовским кургана № 1 под Армавиrom в 1902 г.; А. А. Миллером кургана № 9 у ст. Елисоветовской; Отчет А. К. за 1909 г., стр. 142; раскопки Н. И. Веселовским кургана в б. Ставропольской губернии у сел. Александрии, Орехово, Высочного и особенно у сел. Старо-Марьевского; Отчет А. К. за 1909 г., стр. 160 и последние работы экспедиции ГАИМК под Нальчиком, „Проблемы“ №. №. 1—2 за 1933 г., стр. 47.

скорченность, бедность инвентаря, среди которого, как правило, отсутствует керамика. Даже отдельные предметы из инвентаря погребения — клык кабана, височные провололочные кольца, — являются обычным, крайне бедным инвентарем указанных погребений¹. Так например, при раскопке кургана «Науруз Барц» в б. Терской области (по ряду данных связывающегося с северо-кавказской культурой окрашенных костяков, определяемых эпохой II тысячелетия до н. эры), Долбежев В. И. зарегистрировал признаки, сближающие центральное погребение кургана с нашим; это — грунтовое захоронение костяка, отсутствие посуды и наличие каменной плитки под черепом². Единственно, чего не имеет Галиатское погребение, это краски, охры, которая в виде порошка или комками обычно была находима в тех могилах. Но отсутствие одного этого признака, при наличии всех других, достаточно четких, не может заставить нас отказаться от сближения данного погребения с этим памятником.

Все эти соображения, мне кажется, приводят нас к правильному предположению считать Галиатское погребение в грунте относящимся к эпохе II тысячелетия до н. эры или ко второй стадии развития северо-кавказской культуры по определению ленинградских археологов³.

Детальное рассмотрение материала из могильника «Загли Барзонд» также приводит нас к выводу, что среди всего известного археологического материала в горной части Сев. Кавказа, начиная с периода Кобани и кончая эпохой средневековья, нет материала, имеющего общие черты с нашим. Сама форма погребальных сооружений, почти квадратные каменные ящики, резко отличает этот могильник, при учете описанного инвентаря, от всего известного археологам.

Правда, близкие по форме нашим каменные ящики размерами в среднем $0,76 \times 0,63$ м были открыты и исследованы Драницыным А. А. в окрестности селения Нижн. Кобань в 1907 г.⁴ Но при наличии общих черт в форме и размерах каменные ящики Драницына содержали типичные кобанские погребения, хронологически сближать с которыми свой инвентарь мы не имеем никаких оснований.

Обращаясь же к сравнительному материалу, мы, как и в первом случае, вынуждены будем остановиться на материале северо-кавказской культуры, имеющей столь широкое распространение на Сев. Кавказе. При анализе материалов из каменных ящиков могильника «Загли Барзонд» необходимо отметить, что здесь главными признаками, характеризующими погребения, является не способ погребения и положение костяков, как в первом случае, а сам могильный инвентарь, и в первую очередь инвентарь каменного ящика № 1.

Прежде всего — наконечник стрелы: кремневый наконечник стрелы с выемчатым основанием является типом, который мы не встретим ни в комплексах, определяемых эпохой Кобани, ни позднее. Наконечники стрел из могил, датируемых суммарно серединой I тысячелетия, сделанные из кремня и обсидиана, иного типа и более совершенны.

¹ См., например, раскопки Н. И. Веселовским в б. Кубанской области курганов „Редан“ у ст. Ново-Джерелиевской; Отчет А.К. за 1911 г., стр. 45.

² Отчет Археологич. комиссии за 1902 г., стр. 99.

³ Проблемы истории докапиталистических обществ, ГАИМК, №№ 1—2, за 1933 г., стр. 47—48.

⁴ Отчет Археологич. комиссии за 1907 г., стр. 90—93.

Имею в виду наконечники стрел из могильника у с. Кумбулта, упоминаемые Уваровой (МАК, в. VIII, стр. 228), и из Закавказья, описанные Ивановским А. А. (МАК, вып. VI, стр. 160). Эти наконечники в части, противоположной острию, имеют большую выпуклость внутрь или четырехугольную выемку, особенно в закавказских. Тип нашей стрелы является более древним типом, имевшим широкое распространение в эпоху, предшествующую кобанской культуре: такой же кремневый наконечник стрелы составлял весь инвентарь центрального погребения кургана «Науруз Барц», отмеченного выше.

Бронзовые или медные бусы из каменного ящика № 1 также находят себе множество аналогий среди многочисленных, но бедных могильных комплексов того же круга памятников. Подобные нашим бусам встречаются среди могильных инвентарей из раскопок Н. И. Веселовского у станиц Андриюковской и Костромской и в б. Кубанской области в 1897 г. и в 1909 г.¹ в др. местах. Такие же бусы являются нередко единственным инвентарем погребений из других мест, связываемых уже с катакомбной культурой, определяемой той же эпохой. Таковы материалы из раскопок Бранденбурга у ст. Константиновской на р. Донце в 1891 г.², у села Ремонтного б. Астраханской губ.³ и других мест.

Все эти бусы, свернутые в колечко, сделаны из прокованной толстой пластинки или сплюснутой медной проволоки. Этими признаками они и отличаются от бус поздних эпох, в частности бус из Кобанских погребений. Последние, чаще всего литые, а не кованые, имеют в большинстве случаев шаровидную форму. Нередко бусы этой эпохи встречаются сделанными из сплавов.

Бронзовый нож из каменного ящика № 1 также является типичным для северо-кавказской культуры и своим присутствием в могильном комплексе только дополняет другие признаки, позволяющие сблизить наш инвентарь с материалами этой культуры.

Переходя к рассмотрению керамического материала из могильника «Загли Барзонд», следует отметить, что 7 сосудов, найденных нами в этом могильнике, имея сходство в составе глины, несколько разнятся между собой как формой, так и техникой изготовления, особенно два более грубых, взятых из-под плиты. И если орнамент на сосуде баночной формы имеет некоторое сходство с геометрическим орнаментом ранних кобанских сосудов, то и в отношении сосуда из каменного ящика № 1 с налипным орнаментом в виде валиков, равно как и об остальных сосудах, этого сказать нельзя. По целому ряду культур современных исследователями сделано следующее весьма важное наблюдение: среди материалов, по ряду данных, относимых к той или иной культуре, вполне закономерно встретить керамику, различную и по типам, и по технике изготовления. Замятнин С. Н., например, отметил, «что в могилах (имеются в виду Кобанские погребения) по преимуществу встречается посуда тщательно выделанная, богаче орнаментированная, нежели в очагах, и, обратно, грубая, бытового значения посуда в редких случаях употреблялась в погребальном культе»⁴. То же самое отметил А. А. Миллер по

¹ Отчет Археологич. комиссии за 1897 г., и Отчет Археологич. комиссии за 1909 г., стр. 160.

² Отчет Археологич. комиссии за 1891 г., стр. 8, 31, 32.

³ Отчет Археологич. комиссии за 1904 г., стр. 1—8.

⁴ Археологическая работа ГАИМК на новостройках 1932—1933 гг., т. I, стр. 222.

керамическому материалу северо-кавказской культуры, относимой им ко второй стадии ее развития¹. Но любопытно, что эту разницу в качестве керамики можно наблюдать не только при сличении могильных сосудов с керамикой, добытой на селищах или городищах. Среди некоторых погребальных комплексов встречается сюда самая различная по форме, составу глины, орнаментике и технике изготовления. Достаточно пересмотреть керамический материал из погребальных камер у ст. Царской, чтобы убедиться в этом. Сосуды из одной камеры — самые различные. Поэтому я считаю бесполезным делать экскурсии в сторону разыскания сходных примеров к нашим сосудам. Более важным будет отметить нечто общее, что объединяет керамику могильника «Загли Барзонд». Таким общим для сосудов будет техника изготовления, выдержанность формы в соотношениях частей, как раз то, что отличает керамику северо-кавказской культуры эпохи II тысячелетия до н. эры. А. А. Миллер, характеризую керамику этой культуры, названную им второй стадией развития кавказской культуры, писал: «Гончарные изделия из поселений и курганов значительно отличаются тем, что могильные сосуды обычно бывают украшены веревочным, кольчатым или угловым штампом, их поверхность вылощена (сосуд из каменного ящика № 1 также вылощен. — Е. К.), форма выдержана в довольно точных соотношениях частей, одним словом, сосуды дают образец хорошего мастерства»². Эта характеристика, за исключением указания на орнаментуку, наиболее точно определяет нашу керамику.

Таким образом анализ керамического материала также позволяет сближать наш материал с керамическим материалом северо-кавказской культуры, датируемой II тысячелетием до н. эры, т. е. от конца III тысячелетия до периода кобанской культуры.

В заключение, я позволю себе высказать предположение, что в пределах отмеченной даты (целое тысячелетие) оба рассмотренные памятника мне представляются все же не одновременными, а определяющимися во времени таким образом: более ранним является Галиатское погребение в грунте, характеризующееся отсутствием керамики и бедностью инвентаря, и более поздним — сосуды из каменного ящика № 2 из могильника «Загли Барзонд», штриховой орнамент на одном из которых, быть может, является прообразом совершенного геометрического орнамента, так богато украшавшего керамические изделия раннего периода кобанской культуры, т. е. третьей стадии развития кавказской культуры³. Территориальная близость могильника «Загли Барзонд» и Кобанского, форма и размеры каменных ящиков, скорченность костяков в них также позволяют сближать эти культуры, которые они представляют, и предположительно усматривать преемственность кобанской культуры от первой.

При настоящем уровне изученности истории народов Северного Кавказа, особенно древнейших эпох, мы должны использовать любой новый материал, любые новые данные, сделав их опорными, для восстановления наиболее ранних моментов истории. Оба описанные памятника, мне кажется, и являются такими опорными вехами древнейшей истории Северного Кавказа вообще, истории Северной Осетии в частности.

¹ „Проблемы истории докапиталистических обществ“, №№ 1—2, за 1933 г., стр. 50.

² Там же.

³ А. А. Иессен, Известия ГАИМК, в. 120, 1935 г., стр. 111.

ГОРКИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник близ с. Горки, Яковлевского района, Ивановской области расположен на холме, тянущемся грядой с С на Ю. Южная, более пологая, часть холма занята деревней.

Холм представляет собою остатки ледниковой морены, прикрытые сверху делювием, подзолистым только у вершины холма и утолщающимся по склонам. На вершине холма, под делювием, моренная глина содержит включения гравия — продукт разрушения валунов. Глина налегает на флювиоглациальные пески. На нижней части склона делювий лежит непосредственно на гравии. Под гравием те же пески, что и на вершине.

Наиболее возвышенная северная часть холма, свободная от построек, разрывалась горкинскими крестьянами в течение ряда лет для добывания гравия (табл. I). Благодаря этим работам, был обнаружен могильник; они же разрушили главную его часть.

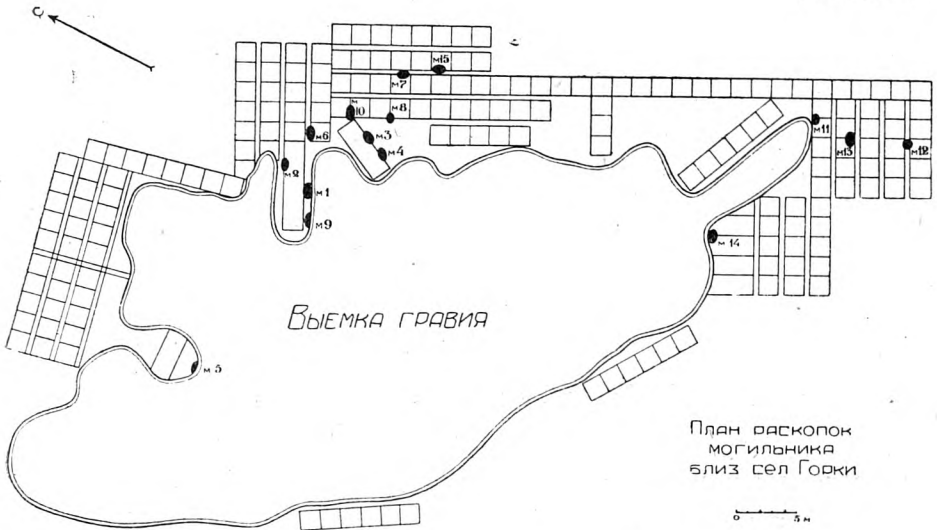
Из вещей, найденных крестьянами, уцелел медный топор (табл. IV, рис. 5) и каменный топор со сверлиной. Кроме того, по рассказам крестьян, при работе им попадались глиняные сосуды, иногда по нескольку сразу, и человеческие кости. Как то, так и другое пропало бесследно.

Пробные раскопки у северо-восточной части карьера (см. табл. I, план раскопок, траншеи А и Б) дали четыре могилы, две из которых оказались наиболее богаты вещами во всем могильнике.

Тут же выяснилось, что Горкинский могильник относится к фатьяновской культуре. Позднейшими основными раскопками (в сентябре 1929 г.) были вскрыты еще 11 могил. Разрытая площадь равнялась 880 кв. метрам.

Могилы распадаются на две группы: одна, наибольшая, сосредоточена около пробных траншей (табл. I, см. план раскопок); вторая, состоящая из четырех могил, отстоит метров на 30 к Ю-В от первой и подходит почти вплотную к крайним строениям деревни. Могила № 5, уцелевшая часть которой была найдена в одном из останцов карьера, дает возможность предполагать, что первая могильная группа была сначала значительно обширнее.

У западного края карьера найден культурный слой с большим количеством золы, угля и перегорелых бревен. Попадавшиеся в нем осколки глиняной посуды, стекла и кирпича указывают на его совсем не-

давнее происхождение. Надо думать, что это — остатки каких-то построек деревни, располагавшихся когда-то выше по холму. Вероятно, постройки погибли вследствие пожара. Однако о существовании этих дворов среди местного населения памяти не сохранилось.

В свое время это место настолько было перерыто погребями и ямами, обнаруженными во время раскопок, что фатьяновские могилы, если они здесь и располагались, были бесследно уничтожены.

Раскопки 1929 года не могут считаться исчерпывающими. Весьма вероятно, что на юго-восточном склоне холма, не затронутом ими, находятся еще могильные группы. Могилы же №№ 12, 13, 14 расположены настолько близко к крайним постройкам деревни, что вполне возможно ожидать и под дальнейшей продолжения могильника.

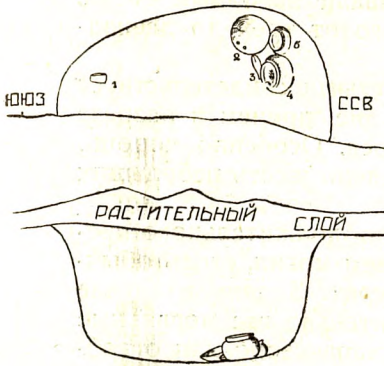
Могилы находились непосредственно под почвенным слоем. Чаще всего очертания могильных ям обнаруживались в профиле. Все могильные ямы имели более или менее правильную овальную форму и углублялись воронкообразно и чащеобразно.

При исследовании горкинского могильника удалось отметить ряд явлений, указывающих на конструкцию могил (табл. II). В большинстве могил черепки глиняной посуды были разбросаны по всему дну и часто попадались в заполняющей яму земле. Кроме того, характерно почти для всех могил, что черепки не составляют целого сосуда: часто отсутствует значительная его часть. Только два раза (в мог. 1 и 3) вещи располагались нетронутыми группами, и один раз (в мог. 5) был найден целый горшок.

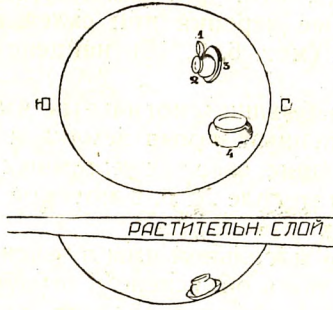
Все это заставляет думать, что чаще всего могилы не засыпались землей, а закладывались, может быть, бревнами, на которые ставились сосуды. С течением времени, при опускании сгнившего покрытия, горшки падали, бились и рассыпались по всей могиле. Это явление особенно ясно в могиле 14, где наибольшая часть горшка осталась лежать в одном месте, а вокруг него располагались мелкие осколки, отлетевшие в стороны. Сверх настила над могилой холм, навер-

Таблица II

п.1.

п.3.

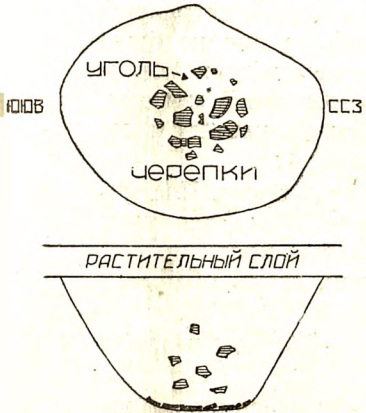
п.5

ЮЗ РАСТИТЕЛЬНЫЙ СЛОЙ СВ

•• УГЛИ •• ЧЕРЕПКИ
ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРЕЗ
МОГИЛЫ

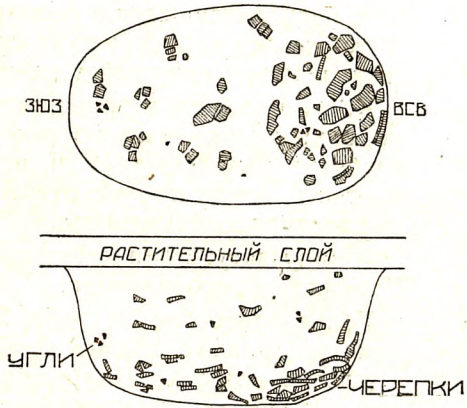
п.7.

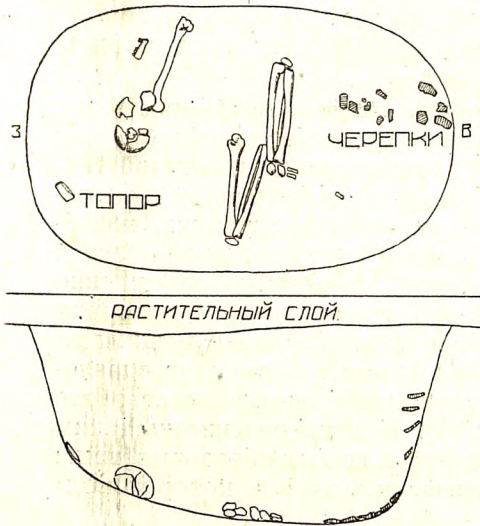
п.8.

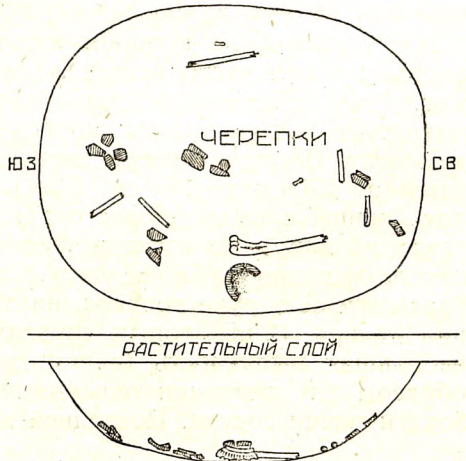
п.10

п.13.

п.14

0 1 2 3 4 = 1 М

ное, не насыпался, и горшки, долгое время стоявшие снаружи, еще до падения на дно могилы могли быть разбиты. Этим только можно объяснить тот факт, что, при самой тщательной расчистке могил, почти все находимые черепки при склейке давали неполный сосуд. Во многих случаях (мог. 6, 9, 15) найдено всего от трех до двенадцати черепков.

О длительном пребывании могильных ям пустыми свидетельствует характерный постепенный намыв земли на их дне, причем в разрезе получалось чередование светлых и темных слоев. Особенно хорошо это было заметно в могиле № 6, в которой найдено шесть небольших осколков и угольки.

Такое пребывание могильной ямы в течение продолжительного времени пустой может быть объяснено и ограблением могил, столь обычным в других, особенно более поздних, культурах. В данном случае ограбление приходится отвергать, так как решительно все могильные ямы не имели нарушенных очертаний, как это характерно для ограбленных могил. Кроме того, сохранившиеся в могиле 13 кости человека и ее погребальный инвентарь представляют картину явно неограбленного погребения (табл. II, п. 13), и тем не менее в могиле встречены следы намывов, свидетельствующие о том, что сначала она не была засыпана. При этом небольшое количество черепков от двух горшков, располагавшееся в беспорядке на дне в восточном конце могилы, а также по ее восточной стенке, как бы является результатом их постепенного сползания на дно.

Кости человека в большинстве могил не сохранились вовсе. Частично сохранился лишь костяк в могиле 13. В могиле 14 найден тлен трубчатых костей (табл. II, п. 14). Низкой сохранностью кости объясняется и почти полное отсутствие костяных поделок, столь обычных в фатьяновской культуре.

В виду отсутствия костяков, трудно судить о погребальном ритуале Горкинского могильника.

Только в могиле 13 (табл. II, п. 13) покойник лежал на спине, головою на запад с сильно согнутыми в коленях ногами, раскинутыми в разные стороны. Положение одной уцелевшей плечевой кости позволяет думать, что руки были согнуты в локтях.

В инвентаре Горкинского могильника преобладают керамические изделия, по преимуществу глиняная посуда.

Масса глины, из которой изготовлялись сосуды, неоднородна по составу: в ней часто встречаются примеси дресвы и слюды (сосуды мог. 1 и 3). Несомненно, лепка сосудов производилась ленточной техникой. На нее указывают многочисленные изломы черепков по стыкам лент. Ширина лент, в зависимости от величины горшка, колеблется от 2,5 см до 7,5 см. Для изготовления сосуда отдельно лепилось днище в виде чаши с округлым дном. Это заметно совершенно четко на одном из сосудов Фатьяновского могильника, от которого откололось дно по краю чаши. Иногда, в процессе лепки чаши, при вращении ее в руке гончара, на дне образовывалась ямка от вдавливания пальца. В некоторых случаях внутри чаши ей соответствовала небольшая выпуклость (чаша из мог. 3). К изготовленному таким образом дну последовательно прилеплялись ленты, образовывавшие бока и плечи сосуда. Последней примазывалась шейка, которая под-

водилась приблизительно на сантиметр внутрь сосуда под его плечики.

Так получались горшки шарообразной формы, по большей части слегка сжатой, с круглым дном (реже уплощенным, как в мог. 10). В некоторых случаях на дне находилась ямка (горшки из мог. 3, один из горшков мог. 1), в одном случае — выпуклое кольцо (мог. 10). Шейка у большинства сосудов — прямая и слегка расширяется кверху. Но у больших сосудов могил 7 и 10 шейка очень низкая и сильно отогнута.

Почти все горшки имеют гладкую лощеную внешнюю поверхность. Внутренняя поверхность тоже сильно сглажена заливкой. Исключением являются маленький и чашеобразный сосуды из могилы 3, на которых признаков лощения нет, а совершенно ясно выступают следы пальцев, сглаживавших их шероховатую, неровную поверхность. Внутренняя поверхность сосуда из могилы 10 покрыта штриховкой, столь необычной в керамике фатьяновской культуры. Возможно, что здесь проявились связи с южными курганными культурами. Штриховка описываемого сосуда произведена зубчатым штампом (табл. V, рис. 3).

Большинство сосудов Горкинского могильника украшено орнаментом, нанесенным мелким зубчатым штампом. При этом орнаментальные мотивы сводятся к ромбам, клеточкам и зигзагам, расположенным иногда в несколько рядов, и полоскам из косых и прямых черточек (табл. VI и VII). Иногда посредством сдвига зубчатого штампа получались новые варианты орнамента, как, например, ромбовидные ямки (табл. VII, рис. 6, мог. 14). Горшочек из мог. 3 (табл. IV, рис. 1) орнаментирован незубчатым штампом. Несложный орнамент, расположенный на плечиках другого сосуда из мог. 3 (табл. IV, рис. 3), состоит из одного ряда царапинок, нанесенных каким-то острием. В одном случае (мог. 10, табл. V, рис. 3) лепной орнамент опоясывает сосуд двумя полосами, покрытыми зубчатым чеканом. Оба чашеобразные сосуда (из мог. 1 и 3, табл. III, рис. 3 и табл. IV, рис. 4) совсем не орнаментированы. Орнамент в большинстве случаев расположен на шейке и на плечах сосудов. На большом горшке из мог. 10 (табл. IV, рис. 3) он спускается с плеч широкими лопастями, достигающими рельефного пояса горшка. Обжиг сосудов средний. Только горшки могилы 13 имеют, несомненно, обжиг сравнительно высокого качества. На чашеобразном сосудике из мог. 1 еще в сырой глине проделаны две круглые дырочки (табл. III, рис. 3). Земля, заполнившая некоторые сосуды, как, например, большой горшочек из мог. 3, у стенок сосудов имеет коричневато-бурый цвет, произошедший, очевидно, от разложения органических веществ, заполнявших когда-то сосуд.

На большом сосуде из могилы 10 заметны следы пролившейся жидкости темнокоричневого цвета.

Кроме сосудов, в могилах 1 и 3 находились еще два предмета, сделанные из глины; это — глиняный топорик (мог. 1, табл. III, рис. 4 и 5) и маленькая глиняная ложечка (мог. 3, табл. IV, рис. 2). Топорик, 8,7 см длиною, сделан из глины со значительной примесью песка и слюды, хорошо обожжен и имеет лощеную поверхность. Мастер, лепивший его, подражал форме каменных топоров с пестиковидным обухом. Характер лезвия, слегка загнутого назад, еще более подчеркивает это сходство. Дырка для рукоятки (0,7 см в диаметре) про-

ткнута в еще сырой глине. Трудно сказать, каково было назначение этого топорика. Он может относиться или к votивным предметам, или быть игрушкой. Последнее легко было бы определить, если бы остались кости покойника, но при полном их отсутствии невозможно предположить, принадлежала могила взрослому или ребенку. Размеры могилы (д. 1,72 см), правда, сравнительно невелики, но все-таки вполне достаточны, чтобы вместить погребение взрослого в скорченном положении.

Впрочем, имеется одна аналогия. В 1937 г. в погребении ямной культуры близ Никополя, Днепропетровской области был найден костяной топорик со сверлиной, сделанный по образцу каменных. Так как он входил в состав инвентаря детской могилы вместе с астрагалом овцы и был миниатюрных размеров, он, несомненно, служил игрушкой. Повидимому, того же назначения был и глиняный топорик из Горкинского могильника.

Глина, из которой сделана ложечка (табл. IV, рис. 2), плохо промешана (слоится) и имеет примесь дресвы. Обжиг — низкого качества. Снаружи цвет красновато-оранжевый, в изломе серый (это обычно во всех сосудах, исключая мог. 13), что является, очевидно, следствием неравномерного обжига. Первоначально длина ложечки равнялась приблизительно 7,5 см. В настоящее время один конец ее выкрошился.

Подводя итог описанию керамики из могил 1 и 3, замечу, что, основываясь на наблюдениях над составом глины и над выработкой формы и поверхностей сосудов, можно предположить, что комплекс вещей в каждой могиле был сделан рукою одного мастера. Особенно это заметно в могиле 3, где вещи были сделаны очень небрежно, все было заглажено просто рукою и имели на дне ямки, отсутствовавшие на большинстве других сосудов.

Кроме керамики, в Горкинском могильнике найдены: каменный топор со сверлиной, два кремневых клиновидных топорика и медный топор.

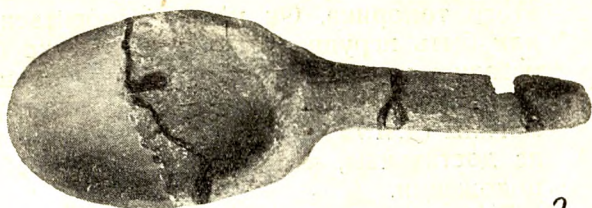
Топор со сверлиной находится в Иванове, где-то в частных руках, а потому описан и издан в настоящее время быть не может. Кремневые клиновидные топорики принадлежат к обычному типу фатьяновских клиновидных топоров. Топорик из мог. 13 (табл. V, рис. 1) светлосерого цвета имеет острое лезвие, правильные очертания и хорошо заполирован. Топорик из мог. 1 (табл. III, рис. 6) заполирован хуже и имеет на обухе следы первоначальных сколов. Топор (таб. IV, рис. 5), найденный крестьянами при разработке гравия, судя по красноватому цвету металла, сделан из меди. По типу он близок к топорам, описанным В. А. Городцовым¹, с косым вислым обухом. Начиная с верхнего края, вплоть до лезвия топор имеет равномерный дугобразный изгиб. По вершине обуха проходит ребро. Лобная часть топора, как вокруг отверстия, так и вдоль клина имеет продольные грани, ширина которых равна 3—4 миллиметрам. Такие же грани наблюдаются на тыльной части клинка. На поверхности топора заметны щербинки, нанесенные каким-то рубящим орудием еще в древности, судя по заполняющей их патине.

Вещи Горкинского могильника обычны для фатьяновской культуры

¹ Отчет Исторического музея за 1914 г., табл. VIII, рис. 20.

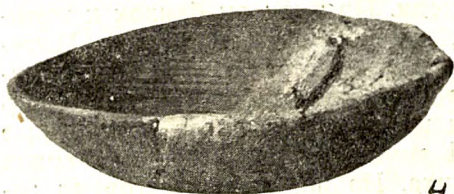
1

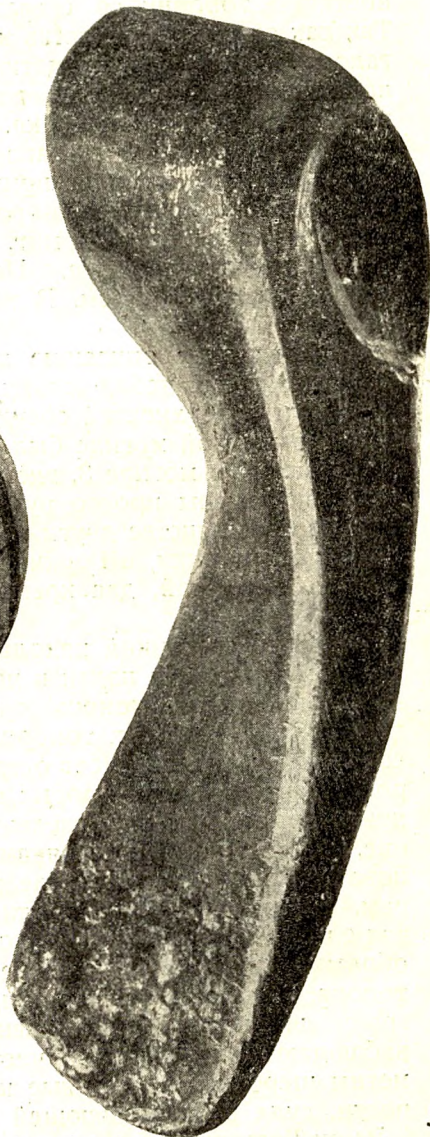
2

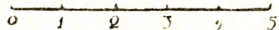
3

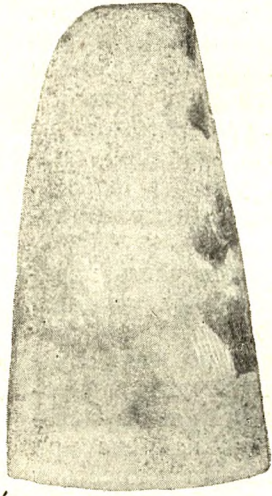
4

5

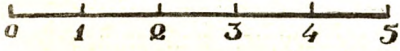
Горкинский могильник. 1-4—погребение 3, 5—находка

1

2

3

Горкинский могильник. 1—погреб. 13; 2—погреб. 5; 3—погреб. 10

и особенно сходны с вещами, найденными в могильниках фатьяновского типа. Это все те же шаровидные, слегка сдавленные сосуды, украшенные по горлу и плечикам орнаментом, сделанным мелким зубчатым чеканом в виде ромбиков, полос, сеточки и елочки. Обычны и ямки на днищах. Несколько выделяется из общего ряда большой сосуд с лепным орнаментом, опоясывающим его, и со штриховкой на внутренней поверхности, но и он не единственный. Из осколков, хранящихся в Историческом музее из дер. Фатьянова, удалось склеить горшок значительных размеров тоже с лепным орнаментом, расположенным по плечикам и по поясу.

Среди тех же фрагментов из дер. Фатьяново хранится часть предмета из глины, несомненно, воспроизводящего форму топора. Клиновидные кремневые топорики и медный, подобные горкинским, тоже были найдены в Фатьянове. Медный топор из Фатьянова близок горкинскому по форме (поскольку позволяет судить гипсовый слепок, хранящийся в Историческом Музее), но несколько меньших размеров. Глиняная ложка, подобная горкинской, найдена при разработке гравия на ст. Икша, Савеловской ж. д. и взята у крестьян С. В. Киселевым.

В то время, как вещи, найденные в Горкинском могильнике, вполне обычны в ряду находок фатьяновской культуры, совершенно иными представляются горшочек и топор той же культуры, найденные крестьянами в кургане близ сел. Быстри, Юрьев-Польского района, Ивановской области, и доставленные в 1928 г. в Исторический Музей. В том же году нами было произведено исследование кургана и местности, окружающей его, но кроме клиновидного кремневого топора и нескольких черепков из насыпи кургана, других находок, относящихся к фатьяновской культуре, обнаружено не было¹. Курган, очевидно, был насыпан на месте Фатьяновского могильника над более поздним погребением бронзовой эпохи, найденным в грунтовой могильной яме. Оно и потревожило Фатьяновские погребения.

Горшок из сел. Быстри (рис. 1) — шаровидный, с прямой, слегка расширяющейся, шейкой — имеет орнамент, редкий в керамике этой культуры. Он состоит из двух соприкасающихся полос, причем одна из них покрывает шейку, а другая лежит на плечике сосуда. Каждая полоса состоит из ряда вертикальных борозд, проведенных скругленной на конце палочкой и заключенных между параллельными бороздами.

Каменный топор из сел. Быстри принадлежит к типу так называемых ладьевидных (рис. 2), распространенных в Прибалтике, особенно в Финляндии. Он имеет узкий обух, близкий по форме к усеченному конусу, и узкое лезвие. У отверстия он сильно расширен, так что обшая его форма напоминает ромб. Клинок слегка изогнут. Подобного типа топоры в пределах Советского Союза встречаются редко. Могу указать на находку таковых в Калининe и близ Москвы (в Москве-реке)².

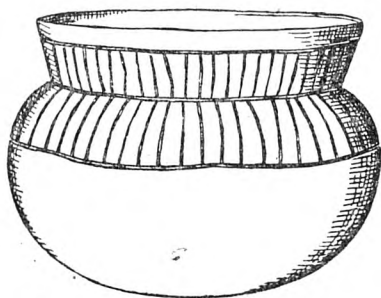
С 1929 г., времени раскопок Горкинского могильника, материал по фатьяновской культуре сильно возрос, благодаря многочисленным исследованиям Фатьяновских могильников. Но несмотря на все пе-

¹ Отчет Иваново-Вознесенского о-ва краеведения за 1928 г.

² Хранятся в Гос. Историческом Музее.

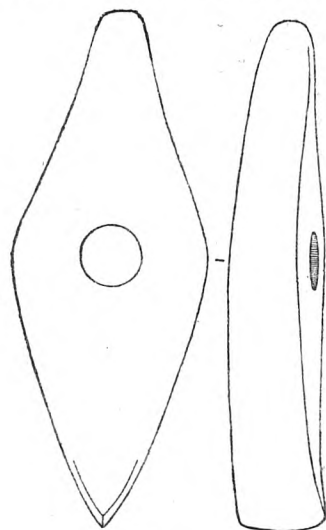
пытки разведок в районах этих могильников с целью отысканья мест поселений той же культуры, вопрос об этих поселениях до сих пор остается открытым. Их отсутствие объяснялось разнообразными причинами, но и наиболее обоснованные объяснения не могут считаться удовлетворительными и остаются пока лишь предположениями. Неясно также, в каких условиях сосуществовали фатьяновская культура и культуры гребенчато-ямочной керамики. Как непосредственная близость районов их распространения, так и их одновременность в настоящее время не подлежат сомнению. Во всяком случае в период II тысячелетия до н. э. присутствие обеих культур в Волго-Окском бассейне надо считать установленным. Несомненно также существование

Рис. 1

1/3 н. в.

Рис. 2

1/3 н. в.

ное различие форм их материального производства как в области керамических изделий, так и в обработке каменных орудий и в бронзолитейном мастерстве. Резкое отличие от местных культур Волго-Окского бассейна и полное отсутствие признаков, позволяющих связать эти две культурные группы генетически, заставляют воздерживаться от попыток объяснения происхождения фатьяновской культуры.

Взросший за последние годы материал дает, однако, возможность наметить отдельные группы Фатьяновских могильников. Из них наиболее обширной и многочисленной является ярославская. Из известных в настоящее время могильников к ней, несомненно, относятся Фатьяновский, Великосельский, Говядиновский, Горкинский и Вауловский. Признаки, связывающие эту группу могильников, прежде всего сводятся к одинаковой по форме и орнаменту посуде. Это общеизвестный тип фатьяновских шаровидных сосудов, иногда с несколько приплюснутым дном, прямой или немного отогнутой шейкой, всегда сходящейся с плечиком под прямым или острым углом. В некоторых случаях очень короткая шейка бывает сильно отогнута и краем почти касается плечиков. Орнамент в виде зигзагов, ромбов, елочек и различных комбинаций всех этих мотивов в огромном большинстве

случаев наносился зубчатым штампом. Очень характерно для этой группы расположение его по плечам и бокам сосуда отдельными лопастями. Многочисленные находки фатьяновских бронзовых топоров, подобных горкинскому, как и вообще все металлические предметы, относятся исключительно к этой группе. Вторая группа, с которой связывается относительно небольшое число могильников, расположенных, главным образом в Московской области, тоже характеризуется особой формой посуды. К ней относятся Сущевский, Истринский, Давыдкинский, Кузьминский могильники и могильник на Ивановой горе. Наряду с посудой, близкой по форме к ярославской, некоторые горшки этой группы имеют несколько вытянутую, иногда почти яйцевидную, форму. Их шейка прилегает к плечикам не под углом, как это наблюдается на посуде ярославской группы, а составляет с ним в разрезе непрерывную вогнутую линию. Кроме орнамента, нанесенного штампом, здесь часто встречается простой веревочный орнамент, опоясывающий шейку и верхнюю часть плечиков. Из вещей, присущих исключительно этой группе, можно отметить кремневые треугольные наконечники стрел с выемкой и шлифовальные парные камни с бороздами для выпрямления древков стрел.

Эти два варианта фатьяновской культуры намечаются с достаточной четкостью. Повидимому, могильник близ сел. Атли-Касы¹ относится к совершенно особой восточной группе, которая отличается от ярославской и московской не только своеобразными формами и орнаментацией посуды, но и особым способом захоронения покойников в курганных могильниках.

Также еще неясны южные могильники, расположенные вокруг Брянска, но при дальнейшем исследовании и их, вероятно, придется выделить в особую группу.

Возникает вопрос, возможно ли считать все намеченные варианты фатьяновской культуры одновременными. Являются ли отличительные признаки всех групп следствием территориальной обособленности, или известную роль здесь играет их хронологическое отличие? Ограниченность могильного материала фатьяновской культуры не дает возможности сделать вполне законченные хронологические определения. Однако сопоставления некоторых черт московского варианта с культурами нашего юга позволяют предполагать одновременность фатьяновской культуры этого типа с катакомбной и днепровской культурами. Здесь имеются в виду кремневые треугольные стрелы с выемкой, парные камни для выпрямления древков стрел и наличие веревочного орнамента на посуде. Исходя из этого, можно предположить, что могильники московской группы возникли уже в конце III тысячелетия до н. э. Ярославскую же группу, по законченности форм керамики и наличию уже относительно развитой металлургии, едва ли можно отнести к такому раннему времени. Повидимому, могильники этого варианта целиком входят в пределы II тысячелетия.

Установить конец фатьяновской культуры в районах Волго-Окского бассейна при существующих данных значительно труднее. Как известно, на площади Сейминского могильника была найдена керамика, весьма напоминающая фатьяновскую. К сожалению, в настоя-

¹ Третьяков П. Н. Из материалов Средне-волжской экспедиции ГАИМК. Сообщение ГАИМК, 1931 г., № 3, стр. 13—16.

щее время невозможно определить ее отношение к остальным вещам Сейминского могильника. Если же допустить, что она связана с его инвентарем, то можно будет предположить, что уже видоизмененная фатьяновская культура еще продолжала существовать в конце II тысячелетия до н. э.

Размеры и ориентировка могил Гаркинского могильника

№№ могил	Длина	Ширина	Глубина	Ориентировка
1	1,72	—	1,10	ССВ—ЮЮЗ
2	1,50	1,26	1,10	С—Ю
3	1,35	1,25	0,55	С—Ю
4	—	—	—	—
5	—	1,20	0,80	—
6	1,90	1,27	1,07	ССВ—ЮЮЗ
7	1,75	1,40	1,00	ССЗ—ЮЮЗ
8	1,20	1,00	1,22	С—Ю
9	—	1,30	1,60	СЗ—ЮВ
10	2,10	1—30	1,10	ВСВ—ЗЮЗ
11	1,25	1—10	0,80	С—Ю
12	3,70	3,70	2,10	—
13	2,80	1,75	1,40	З—В Гол. З
14	2,50	1,80	0,80	СВ—ЮЗ
15	2,40	1,25	0,60	ССЗ—ЮЮВ

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ МОГИЛ

Могила 1 (таб. II, п. 1). Ее восточный край осыпался. Первоначально она имела почти овальную форму. Ее закругленное чашеобразное дно было устлано камнями, которые были покрыты беловатым налетом. В ССВ конце могилы стояли группа предметов: круглодонный чашеобразный сосуд (на плане могилы № 2, табл. III, рис. 3), два горшка (на пл. могилы №№ 4 и 5, табл. III, рис. 1 и 2) и глиняный топорик (на пл. могилы № 3, табл. III, рис. 4 и 5). В ЮЮЗ конце могилы лежал кремневый клиновидный топорик (на пл. могилы № 1, табл. III, рис. 6). Кости человека не сохранились.

Могила № 2—в форме прямоугольника с закругленными углами и плоским дном содержала в своей засыпке две небольшие трубчатые кости и угольки. Верхняя часть могильной ямы, сантиметров на 30, прослеживается слабо.

Могила 3 (таб. II, п. 3) была почти круглой формы с чашеобразным дном. В ее северном конце найдены горшок круглодонный (на плане могилы № 4, табл. IV, рис. 3), маленький горшок, стоявший в чашеобразном сосуде (на пл. могилы №№ 2 и 3, табл. IV, рис. 1 и 4). Около них лежала глиняная ложечка (на пл. могилы № 1, табл. IV, рис. 2). Кости человека не обнаружены.

Могила № 4 никаких остатков, кроме трех угольков, не содержала. Очертания ее прослеживаются неясно.

Могила № 5 (таб. II, п. 5) была найдена в остане карьера. От нее сохранился лишь северо-восточный край в виде дуги, шириною до 25 см. По совершенно четкому профилю могилы можно судить об ее слегка наклоненных стенках и об неровной поверхности дна, имевшего в юго-западной стороне полукруглое углубление. В могиле найден круглодонный горшочек (табл. V, рис. 2). Никаких костей на обнаружено.

Могила № 6. Очертания ямы в виде прямоугольника с закругленными углами, стенки слегка покаты, дно плоское. В разрезе могилы отчетливо выделялись вогнутые слои чередующейся черной и песчаной структуры, происходившие от многократного стекания воды в яму. В средней части могилы, на глубине от 30 до 50 см найдено двенадцать черепков от двух сосудов (табл. VI, рис. 4 и 5) и угли.

Могила № 7 (таб. II, п. 7). Яма на поверхности имела форму неправильного овала, стенки ее были сильно покаты, дно плоское. В засыпке могилы, на глубине около 40 см стали попадаться черепки, количество которых увеличивалось по мере при-

ближения ко дну ямы. На дне, кроме черепков, лежал один уголек. Черепки принадлежали орнаментированным сосудам (табл. VI, рис. 1—3) и найдены в недостаточном количестве для их восстановления. Костей человека не оказалось.

Могила № 8 (табл. II, п. 8) имела овальное очертание ямы и чашеобразно закругленное дно. В земле, заполнявшей могилу, попадались маленькие угольки. Костей человека не оказалось.

Могила № 9 (табл. II, п. 9), замеченная в обвале карьера, первоначально, повидимому, имела очертания овала. В разрезе яма была чашеобразной формы. В засыпке могилы попадались угольки, на ее дне найдено три черепка. Костей человека не было обнаружено.

Могила № 10 (табл. II, п. 10). Форма могильной ямы почти овальная. С верхних слоев земли, заполнявшей могилу, начали попадаться черепки, количество которых сильно возросло с глубины 85 см. Особенно их было много в ВСВ конце могилы. Все черепки принадлежала одному большому сосуду (табл. V, рис. 3), который удалось восстановить почти полностью. В засыпке могилы найдено несколько черепков. Костей человека не оказалось.

Могила № 11, почти овальной формы, содержала в нижней части засыпки мелкие угольки и один орнаментированный черепок.

Могила № 12. Очертания могильной ямы прослеживаются слабо и, повидимому, приближаются к округлой форме. В разрезе яма воронкообразная и прослеживается вполне четко. Кроме двух черепков, из засыпки ямы никаких находок не обнаружено.

Могила № 13 (табл. II, п. 13). Овальная яма могилы, вырытая в гравии, имела покатое с запада на восток дно, которое уходило в желтый песок, подстилающий гравий. На дне могилы лежал очень плохой сохранности костяк, обращенный головой на запад. От костей сохранились следующие: фрагменты раздавленного черепа с откинутой к северу от него половиною нижней челюсти; к северу от черепа лежала правая плечевая кость и четыре позвонка; ноги покойника, сильно согнутые, были обращены коленами одна к северу, другая к югу; от костей ступней сохранились только одна пяточная кость и три фаланги. В восточном конце могилы на дне лежало несколько черепков от двух орнаментированных сосудов (табл. VII, рис. 1 и 2). Несколько таких же черепков было найдено в засыпке могилы близ восточной покатой стенки. Около черепа лежали две раковины. В 50 см от него в юго-западном направлении находился клиновидный кремневый топор (табл. V, рис. 1). Кроме того, в засыпке могилы был найден клык хищника и сильно разрушившийся каменный предмет непонятного назначения (табл. VII, рис. 3).

Могила № 14 (таб. II, п. 14). Овальная яма могилы имела в разрезе чашеобразную форму. Она была вырыта в гравии и лишь дном достигала песка. На дне могилы в беспорядке лежали трубчатые кости человека очень плохой сохранности и две фаланги. В середине, у юго-восточной стенки могилы, стоял горшок, от которого частью сохранились только плечики и прямое горло. По дну юго-восточной половины ямы были разбросаны черепки от этого горшка и от второго, подобного ему (табл. VII, рис. 5 и 6). Восстановить горшки из-за недостающих фрагментов оказалось невозможным.

Могила № 15. Чашеобразная в разрезе яма имела в плане форму, близкую к овалу. В засыпке могилы на глубине 20 см были найдены два черепка (табл. VII, рис. 4). Кроме них, никаких находок в яме не обнаружено.

ПОГРЕБЕНИЯ НА СТОЯНКЕ КУБЕНИНО

Погребения на стоянках неолитической эпохи на территории нашего Союза — редкое явление, и вообще их немного. Находки человеческих костей на стоянках в Западной Европе (в Дании — Маглемозе, Свердборг, Эртболе, Хавно и др.; в Норвегии — Ставангер, в Швеции — Мьелькбо, Олоппе и в Финляндии — Оланд) служат с давних пор предметом дискуссий. Должно ли присутствие разрозненных человеческих костей в культурном слое рассматриваться как признак существования в каменном веке антропофагии или надо видеть в этом следы разрушенных погребений, находившихся на площади поселений? На человеческих костях не раз замечались царапины и зарубки, и это дало повод объяснять происхождение их намеренным раскалыванием с целью извлечения костного мозга. Но так как значительная часть костей не имеет повреждений, да и самые следы их не являются неопровержимым доказательством антропофагии и могут служить признаком особенностей погребального обряда, например расчленения тела перед захоронением, то было бы неосторожно устанавливать на основании этих данных существование людоедства в неолитическую эпоху.

Тем более, что кроме разрозненных человеческих костей находились и целые скелеты, похороненные по определенному обряду. Подобные погребения найдены были, например, в Германии близ Ахенгейма, где на стоянке среди ям, служивших жилищами, хранилищами и т. п., встречены ямы, заключавшие в себе человеческие скелеты с погребальным инвентарем: каменными орудиями, амулетами, керамикой, костями животных и раковинами¹. В Силезии, на берегу р. Одера, на стоянке открыты погребения близ землянок и в самых землянках. Судя по керамике той и другой стоянки, открытые погребения относятся к самому началу бронзовой эпохи. Более ранние погребения мезолитической эпохи обнаружены в Бретани на острове Тевьек. Здесь при раскопках стоянки, под культурным слоем, содержащим в изобилии кремневые орудия, среди которых имелись образцы тарденуазского типа, найдены человеческие скелеты в сидячем положении в ямах под очагами в сопровождении богатого погребального инвентаря².

¹ L'Anthropologue, 1928, №№ 1—2, v. XXXVIII. Schaeffer, Sèpultures d'accroupis...

² L'Anthropologie, 1928, № 5—6, v. XXXVIII. M. et S. I. Pécuart, Un gisement mésolithique en Bretagne.

На территории нашего Союза погребений на стоянках, относящихся к эпохе неолита, найдено еще меньше, чем в Западной Европе. Не так давно, до открытия у нас в Союзе неолитических погребений, среди советских археологов распространено было представление, что захоронения производились где-то вдали от поселений в местах, оставшихся до сих пор неизвестными, или что погребальный обряд, как таковой, в это время вовсе не существовал и умершие не хоронились в земле. Изредка на стоянках попадались отдельные части и целые человеческие скелеты, например на Панфиловской, Федоровской и др., и находки их, особенно если они бывали вблизи очагов, опять-таки наводили на мысль об антропофагии.

В Панфиловской стоянке человеческие кости (фрагменты черепа, ключица, бедро, нижняя челюсть и ребро) обнаружены ниже культурного слоя. Недалеко от них найдены осколки кремня, обломки орудий, керамика, кости бобра, зайца и рыбы. Ниже костей человека оказалась яма, содержащая золу, угольки, редкие обломки керамики, осколки кремня и костей животных.

«Все это походило на остатки очага, — пишет В. А. Городцов, — отношение к которым костей человека представлялось совершенно загадочным. Захоронение костей представлялось очень древним, так как выше их залегал целый, неперерванный культурный слой». Далее В. А. Городцов как бы отрицает мысль об антропофагии: «против этого говорит целостость костей, из которых не совсем целым оказался только череп, испорченный во время наших раскопок»³.

На Федоровской стоянке, в восточной части ее, найдено три скелета.

«Раскопками установлено, — пишет исследователь⁴, — что эта часть стоянки служила как бы свалочным местом. Здесь масса костей крупных и мелких животных, пласты рыбьей чешуи, рыбных истлевших костей, громадное количество черепков посуды и случайно попавшие сюда каменные и костяные орудия. И вот на этом месте обнаружены три погребения, в коих два человеческих костяка в целом виде». «На описанном месте обнаружено много отдельных человеческих костей, из коих некоторые раздроблены, как бы для добывания мозга»...

Только за последнее десятилетие, благодаря новым открытиям (раскопки Языковской⁵ и Кубенинской⁶ стоянок) можно с уверенностью говорить о захоронениях, о существовании погребального обряда в неолите и о том, что находки на стоянках человеческих костей свидетельствуют не о людоедстве и являются остатками погребений на площади поселений.

В 1928 г. при раскопках стоянки Кубенино неподалеку от очага найдены были фрагменты человеческого черепа — нижняя челюсть и теменная кость, принадлежавшие (согласно с определением, произведенным в Антропологическом институте Московского государствен-

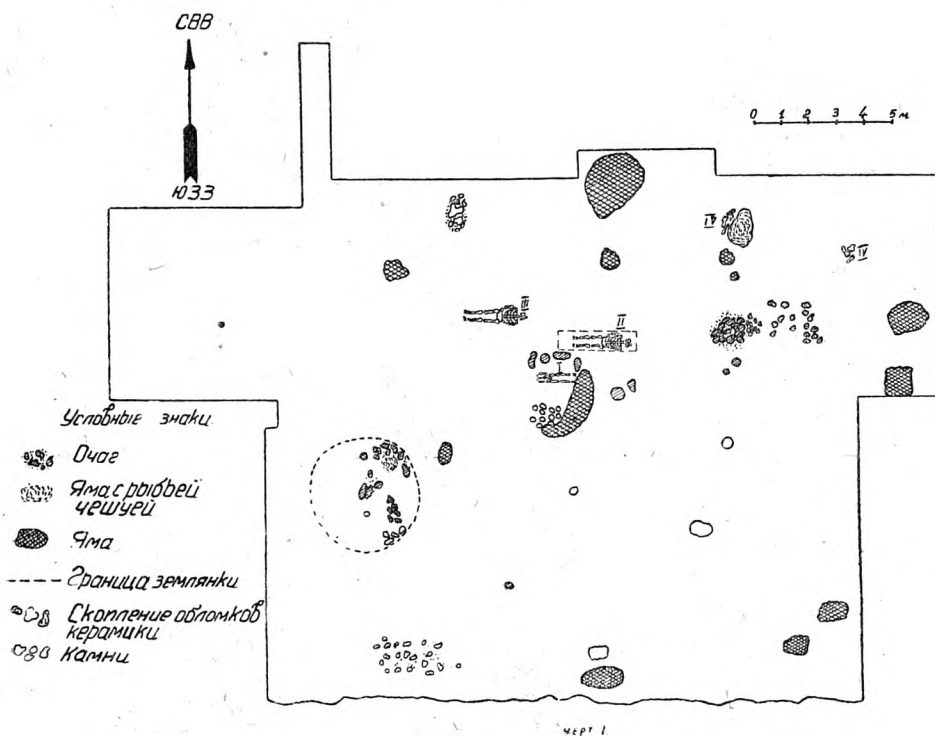
³ Городцов, В. А. Панфиловская стоянка. Материалы по изучению Владимирской губ., 1926, стр. 4.

⁴ Труды Чухломск. отд. Костромск. научн. о-ва, в. IV, 1929. Солигалич., стр. 5 и сл.

⁵ Бадер, О. Н., Археологические раскопки у дер. Языкова. Антропологич. журн., 1936 г., № 2.

⁶ Фосс, М. Е., Стоянка Кубенино. Печатается в № 5, Советская археология. Изд. Ак. Наук.

ного университета) женщине⁷. В 1930 г. на той же стоянке были обнаружены три человеческих скелета (черт. 1), а в следующем году неподалеку от них найдены были фрагменты бедра, предплечья и черепа. Скелеты обнаружены ниже культурного слоя в подстилающей его глине; два из них сопровождалось погребальным инвентарем. Все они лежали лицом вниз, на животе, с вытянутыми нижними конечностями и слегка согнутыми в локтях руками. Два из них были обращены головой на юг, один на север. Кости скелетов сохранились пло-

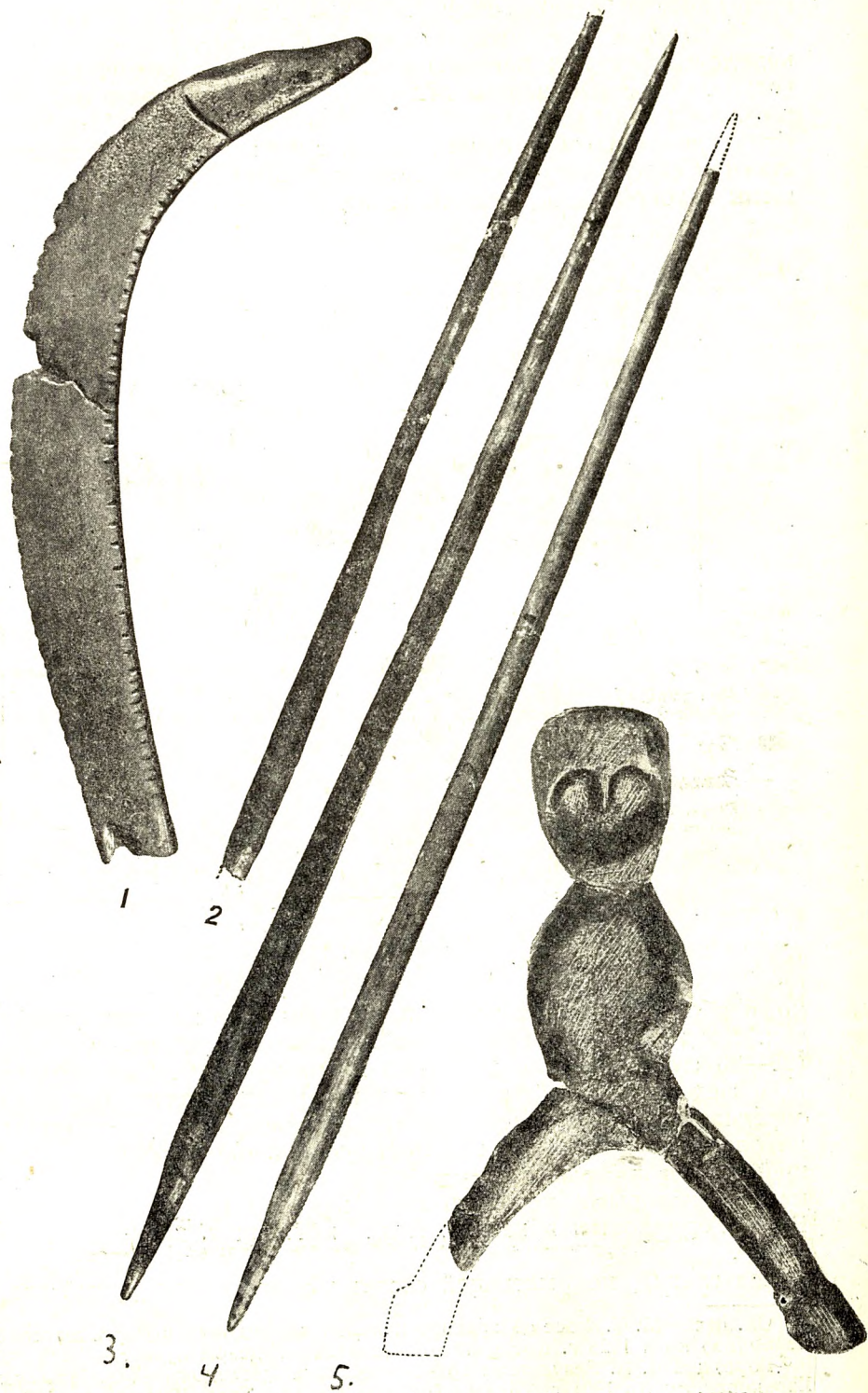
Черт. 1

хо, особенно пострадали черепа, дошедшие до нас лишь во фрагментах. Возможно, что неглубокое залегание скелетов от поверхности (25—30 см) послужило причиной их разрушения. Захоронение было произведено недалеко от очага в неглубоких могильных ямах с неопределенными очертаниями, которые прослеживались с трудом, только благодаря разнице в плотности земли, окружающей и заполняющей ямы, в последнем случае более рыхлой. Никаких следов инструментов, которыми копались ямы, как это наблюдалось, например, В. А. Городцовым в катакомбных могилах Украины, не сохранилось⁸.

Над глиной, покрывающей скелеты, залегал культурный слой, рез-

⁷ См. отчет М. Е. Фосс об археологической экспедиции в Каргопольский район Северного края 1928 г. Кости находятся в Вологодском музее.

⁸ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковск. губ. в 1901 г. Труды XII Археологич. съезда, 1902 г., стр. 190.

1—Привеска в виде головы лебедя (из могилы № 3). 2—4—Наконечники стрел (из могилы № 3). 5—Человеческая фигурка с копытом (из могилы № 2)
(нат. вел.)

ко отличавшийся от нее черным цветом и меньшей плотностью. У первой могилы с восточной стороны ее обнаружены неглубокие расплывчатые ямы, сливавшиеся друг с другом, по другую сторону найдены сгруженные в кучу довольно крупные камни. Повидимому, и то и другое — следы рытья и засыпки могилы, так как покрывающая скелет земля в отличие от окружающей лишена камней. Самая могила имела вид корытообразного углубления с дном, слегка покатым в направлении к ногам скелета. Очертания могилы начали прослеживаться на глубине 0,25 метра от современной поверхности. Костяк сохранился плохо, и верхняя часть его сильно повреждена. Длина скелета равнялась 1,5 метра. Ориентирован он был головой на север. Никаких вещей при нем не оказалось.

Вторая могила, расположенная к востоку от первой, была обнаружена на глубине 0,27 метра от современной поверхности. Скелет, лежавший на дне ямы, был обращен головой в прямо противоположную сторону от первого — на юг. Ниже дна ямы шла гумусная прослойка толщиной в 2—3 см, совпадающая по очертаниям с могильной ямой. Возможно, что она представляла собой остатки перегнившей подстилки из луба или каких-либо растительных волокон, а может быть и травы, росшей в естественной впадине, которая была использована для могилы. Скелет в этой могиле сохранился несколько лучше, хотя кости верхней части туловища сместились вследствие происшедшего сдвига почвы. Длина скелета равнялась 1,5 метра. У его левого бедра сделана чрезвычайно интересная находка — человеческая фигурка, лежавшая так же, как и скелет, вниз лицом (табл. I, 5). Кроме фигурки, слева от тазовых костей найдены две подвески, сверху на тазовых костях — фрагменты шила; у правой берцовой кости найдено второе шило, неподалеку от ступни лежало третье шило (табл. III, 4—6). У края могилы обнаружен костяной, изображающий ногу с копытом на конце, фрагмент (табл. IV, 6).

Третья могила находилась поблизости от первых двух. Скелет лежал в неглубокой яме с неясными контурами. Дно могилы было посыпано темнокрасной охрой, местами с примесью кусочков угля и золы. Кости, сохранившиеся полностью, были красно-коричневого цвета от пропитавшей их охры. Скелет поражал своими размерами: длина его равнялась 1,93 метра (табл. II, 3). При нем найдено большое количество предметов: слева у черепа — фрагмент наконечника копья, обращенный острием к виску, другой фрагмент этого же наконечника лежал под черепом; у правого виска найден наконечник стрелы стилевидной формы, в области шеи пять привесок, составлявших ожерелье. Первая справа изображает голову лебедя (?), вторая, удлинненная, заканчивается как бы копытцем (?), третья напоминает по форме шило, четвертая представляет собой грифельную кость лося, обработанную на конце, а пятая — необработанную птичью кость (табл. I, 1; табл. III, 9—11). У предплечья правой руки найден второй наконечник стрелы, на тазовых костях — третий наконечник (табл. I, 2—4). Под тазовыми костями обнаружено 29 бляшек, изготовленных из резцов бобра, ниже лежали фрагменты челюстей выдры и куницы (табл. II, 2). У пояса найдена роговая рукоятка ножа или шила (табл. II, 5). Справа от тазовых костей лежало большое долото (табл. III, 1), а рядом с ним роговая человеческая фигурка, почти аморфная, в виде туловища и головы без рук и ног (табл. II, 1). У ле-

Из могилы № 3

1—Долото из кости.

2—Кремневый скребок.

3—Кремень для высекания огня.

7—Фрагмент костяной подвески.

8—Фрагменты кремневого наконечника
копья.

9—11—Подвески из кости.

12—Фрагмент бедренной кости медведя
или лося (2/7).

Из могилы № 2

4—6. Костяные шилья

(1—11 рисунки в $\frac{2}{3}$ нат. вел.)

вой бедренной кости найдены фрагменты пластинчатой подвески с резным орнаментом (табл. III, 7). Под предплечьем правой руки находились кремневый скребок (табл. III, 2) и обломок кремня, с сильно сработанным краем, служивший вероятно для высекания огня (табл. III, 3).

У берцовой кости левой ноги лежала трубчатая кость, расколота вдоль, принадлежавшая, повидимому, медведю. Здесь же найден коготь медведя (табл. III, 12; табл. II, 4).

Интересно отметить местонахождение человеческих фигурок — у бедра и тазовых костей, указывающее на способ ношения их у пояса подобно тому, как носят свои фетиши, как бы помогающие во всех случаях жизни, в Западной Африке⁹.

Все три захоронения, очевидно, были совершены одновременно в эпоху существования стоянки, что подтверждается и местонахождением скелетов, обнаруженных на одной глубине от поверхности, и одинаковой толщиной культурного слоя, образовавшегося над могилами. Так как глина, покрывавшая скелеты, не содержала никаких культурных остатков и по цвету резко отличалась от лежавшего сверху слоя, очевидно, что Кубенинские погребения были произведены до образования в этой части стоянки культурного слоя. Жизнь на этом месте стоянки по захоронении умерших не прерывалась, и с течением времени над могилами вырос культурный слой, покрывающий всю площадь стоянки.

Благодаря незначительной глубине могильных ям (дно их отстояло от современной поверхности на 0,4 метра) погребения нередко подвергались разрушению при естественном размывании почвы водой, рытье ям и т. п. Этим и следует объяснять присутствие в культурном слое Кубенина отдельных человеческих костей.

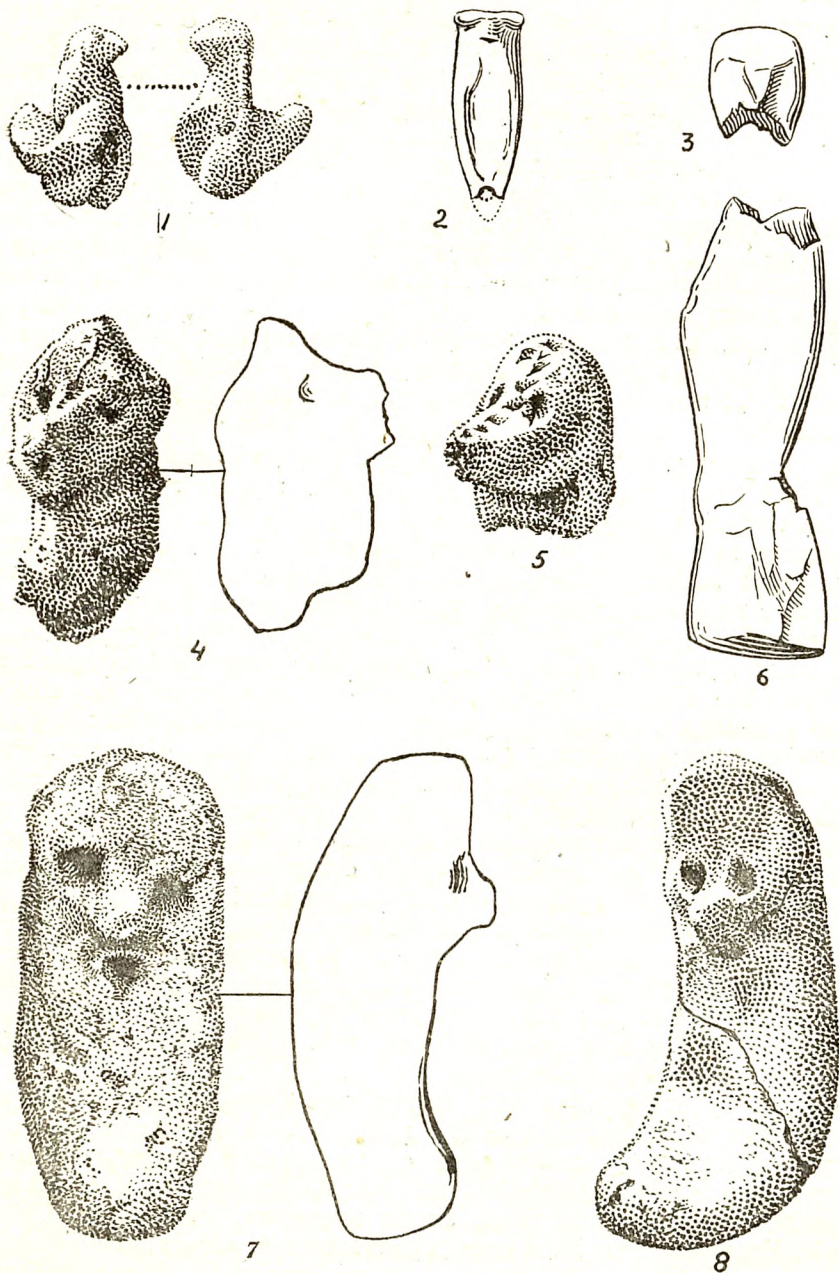
Хотя в задачу этой статьи и не входит обсуждение общей проблемы возникновения погребального культа, все же я считаю необходимым посвятить несколько слов тем вопросам, которые неизбежно возникают при попытке истолкования зафиксированного археологическими раскопками погребального обряда.

Почему погребения производились на площади поселения в непосредственной близости от землянки и очага? Почему умершие были положены в могилу лицом вниз с разбитым (по всей вероятности) черепом, а в одном случае труп был посыпан охрой?

Ответы на эти вопросы должны быть получены из сопоставления ряда фактов, отмеченных в археологии палеолита и подкрепленных некоторыми этнографическими наблюдениями.

Обычай захоронения на площади поселения прослеживается с глубочайшей древности, от самых ранних погребений палеолита, открытых в Западной Европе: гроте Гримальди, на юго-западе Франции, в Бельгии и Центральной Европе. Скелеты, сохранившиеся целиком или частично, находились в гротах и убежищах в культурном слое, в очагах или около них. В положении их наблюдалось большое разнообразие — скорченное на боку, вытянутое на спине и в одном случае на животе (открытое Ривьером в 1873 г. в одном из гротов Гримальди). «Живые не беспокоились соседством с мертвыми, зако-

⁹ Леви-Брюль, Первобытное мышление, 1930 г. Изд. „Атеист“, стр. 150.

Находки на стоянке Кубенино

1—Изображение птицы из глины.

2—Привеска в виде фигуры совы.

3—Фрагмент головы совы.

4, 7—8—Антропоморфные изображения из глины.

5—Голова животного из глины

6—Фрагмент ноги с копытом из кости (найдено у края могилы № 2).

Рисунки в нат. вел.

паннами неглубоко в землю или в очажный пепел, — пишет Дешелетт. — В этой внутренней связи могилы и очага пробивается первое выражение древнего культа домашних божеств, призванных образовывать позднее у народов классической античности фундаментальную базу семьи и социальной организации... «Некоторые другие обычаи внушались, может быть, религиозными представлениями, как например погребение умерших в скорченном положении. Мы видим, впрочем, что этот обычай не всегда наблюдается, в могилах иногда скелеты вытянутые, иногда скорченные. Мы будем находить это же самое разнообразие в эпоху неолита»... «впрочем могилы охотников за оленями ничем существенным не отличаются от погребений неолита наиболее простого типа»¹⁰.

Любопытно, что обычай захоронения умерших поблизости от очага существовал еще в XVII веке у лопарей в Скандинавии, хоронивших своих покойников под очагами, что выяснено при раскопках их могил¹¹.

Отношение к умершим в палеолите, по данным погребального обряда, не предполагает даже зачаточных представлений о душе. Понятие смерти ассоциировалось, очевидно, лишь с нарушением или изменением некоторых жизненных функций, к поддержанию которых и были направлены обрядовые действия. Умерший, по всей видимости, не переставал быть членом коллектива живых, а исполнение погребального обряда представляется как бы продолжением социальных функций. Тело хотя и потеряло способность двигаться, утратило свое собственное тепло, но оно сохраняет потребности живого организма, и поэтому умершие нуждаются в заботе и уходе, им предоставляется место наряду со всеми у очага. Свердруп¹² относит возникновение этого обычая к очень отдаленным временам и высказывает следующую мысль о происхождении его: неумение отличать умерших естественной смертью от людей в обморочном состоянии, редкие случаи наблюдения естественной смерти в условиях бродячего образа жизни, когда больных оставляли на стоянках, обычно у очага, послужили в дальнейшем, при переходе к оседлой жизни, причиной погребений умерших на стоянках. К сожалению, никаких доказательств в подтверждение своей мысли Свердрупом не приводится, так как сохранившиеся остатки поселений и могил относятся к более позднему времени, чем то, в котором проектируется им возникновение обряда.

Не менее интересен для нас обряд погребения, заключающийся в посыпании покойников красной краской. «Краска, в особенности красная, играла, судя по частоте ее находок в поздне-палеолитических стоянках Европы и Сибири, очень большую роль в эстетике и религиозных представлениях этого времени», пишет П. П. Ефименко¹³. Еще ранее то же отмечал Дешелетт¹⁴. «Мертвого хоронили одетым, около него клали несколько предметов из камня и кости, сопровождаемых часто красящим веществом. Телесная окраска была

¹⁰ Déchelette, Manuel d'archéologie.... t. I, стр. 301.

¹¹ Харузин Н., Русские лопари. Москва, 1890 г.

¹² Sverdrup G., Fra gravskikker til dødstro i nordisk stenalder. Oslo, 1927.

¹³ Ефименко, П. П., Дородовое общество. 1934 г., ОГИЗ, стр. 252.

¹⁴ Déchelette, ук. соч., стр. 301.

ценима примитивными народами не меньше в загробной жизни, чем в земной». Но роль красной краски не ограничивается палеолитом, мы встречаем ее в погребениях мезолитической эпохи (в Тевьек), в неолите и особенно в бронзовую эпоху. Окрашенные костяки скорченных погребений послужили темой многих обсуждений в археологической литературе, но внимание исследователей главным образом было обращено на расшифровку способа окраски костей: посыпалось ли краской тело умершего или красились самые кости, очищенные от мяса до погребения, и т. п. Были попытки и объяснения причин, побуждавших к применению краски в погребальном обряде.

Из всех существующих гипотез по этому вопросу больше всего заслуживает внимания гипотеза, принадлежащая Эберту¹⁵.

По его мнению, так же, как и Свердрупа, этот обряд возник в то время, когда смерть не воспринималась людьми, не осознавалось прекращение жизненных функций. Все, что выказывалось в эту эпоху в отношении к умершим, можно рассматривать как исполнение социальных обязанностей родичей: беззащитный, беспомощный сородич нуждался в еще большей степени, чем при жизни, в заботе. Необходимо было оградить его тело от хищных зверей, и умершего хоронили в яме, засыпая сверху землей и камнями. Веря в продолжение земной жизни после смерти, умершего снабжали необходимыми орудиями повседневного обихода, украшениями одежды и т. п., закапывали вблизи очага, чтобы ему было тепло, и клали в могилу пищу. Главной же заботой у родичей умершего было изыскание средств, восстанавливающих жизненную силу неподвижного тела. С этой целью, по мнению Эберта, в погребальный обряд введена была красная краска, употреблявшаяся для посыпания покойников, напоминающая по цвету кровь и возвращающая утраченный цвет телу, а вместе с этим как бы восстанавливающая жизненную энергию. Частые наблюдения на охоте над смертью животных могли навести на мысль, что с потерей крови прекращается движение, дыхание, прекращается самая жизнь живого существа.

Независимо от Эберта к такому же заключению, как и он, приходит Д. Я. Штернберг в своем большом труде о первобытной религии. Кровь, по убеждению многих малокультурных народов, это — жизненный элемент; питье крови полезно человеку, полезно и натирание тела кровью. Дальнейшая эволюция, по мнению Штернберга, — замена крови окрашиванием тела охрой, как бы придающей жизненную силу¹⁶.

Эта гипотеза, отвечающая представлению первобытного человека о смерти, согласуется с общим значением палеолитического погребального обряда и может быть принята как наиболее вероятное объяснение употребления красной краски. Но применение ее необходимо ограничить во времени, потому что значение обряда, существовавшего тысячелетия, должно было изменяться, как менялось отношение к мертвым. С переходом к оседлому образу жизни, при

¹⁵ Ebert, M., Die Anfänge des europäischen Totenkultus. Praehistorische Zeitschrift, XIII—XIV, 1921—1922, Berlin.

¹⁶ Штернберг Л. Я., Первобытная религия в свете этнографии. Материалы по этнографии, т. IV, 1936 г., стр. 296 и сл.

постоянном наблюдении смерти своих сородичей и последствий ее, — разрушения и полного уничтожения тела, — возникало новое представление о смерти. Потребовался длительный период времени, прежде чем смерть была осознана человеком, но и тогда представить себе полного уничтожения человек не мог, и в его сознании сложилось представление о раздвоении человека на тело и дух. Со и обморочное состояние могли навести на мысль о существовании души, духа, который при жизни иногда покидал тело, затем возвращался обратно. После смерти, когда тело разрушалось, дух продолжал жить самостоятельно, сохраняя все свойства и потребности живого человека. В Полинезии существовало поверье, что после смерти тело некоторое время сохраняет остатки чувств живого человека, а затем начинает жить дух человека, обладающий вкусами умершего¹⁷. Быть может нечто подобное происходило и в эпоху развития анимизма, когда создавалось представление о духе, продолжающем жить после смерти человека земной жизнью, о духе, сменившем «живущий труп» палеолита?

При создании религиозных представлений в сознании первобытного человека отражались те реальные социальные отношения, которые складывались в эпоху организации родового общества. Старейшие члены рода, хранившие и передававшие знания, навыки, обычаи и обряды младшему поколению, пользовались особым вниманием и уважением при жизни. Такое же отношение сохранялось к ним и после их смерти. К этому под влиянием страха присоединилось представление, что души умерших приобретали особое могущество и влияние над живыми. «Каждая религия, — пишет Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных»¹⁸. К духам обращаются за помощью как к более сильным существам, их начинают бояться.

Анимистические представления в неолите нашли свое отражение в материальных памятниках — скульптурных изображениях людей и животных, сохранившихся в довольно большом количестве до нашего времени. Известны находки фигурок из кремня и кости в Карелии¹⁹, на побережье Белого моря²⁰, в районе Белоозера²¹, р. Оки²², Ладожского озера²³ и других местах²⁴. Большая часть их найдена

¹⁷ Letourneau, Ch. L'évolution religieuse, 1892 г., стр. 137 и сл.

¹⁸ Энгельс, Ф., Анти-Дюринг, 1936 г., стр. 229.

¹⁹ Материалы из раскопок А. Я. Брюсова у Бесовых следков и Бесова носа. Находятся в Гос. Историческом музее. Неопубликованные материалы из раскопок В. И. Равдоникаса на Оленьем острове.

²⁰ Зенгер, Н. К., Поездка на золотицкую фабрику доисторических орудий. Из протоколов засед. Комит. по устр. антроп. выст. 1887 г., М., стр. 2

²¹ Материалы из раскопок М. Е. Арсаковой. Находятся в Череповецком музее.

²² Koudriavtsev, P., Les vestiges de l'homme préhistorique.... Congrès international de Moscou, 1892.

Коллекция находится в Гос. Историческом Музее. См. также коллекцию Леонова В. в том же музее.

²³ Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. 1882, СПб, табл. XI.

²⁴ Ефименко, П. П., Некоторые находки каменных орудий Тверской и Новгородской губ. Русский антрополог. журн. 1916 г., 37—38 кн.

Окладников А. П., Каменные рыбы. Советская археология, I, 1936, Изд. Ак. Наук.

в культурном слое наряду с бытовыми вещами, и, хотя не раз высказывалось мнение о связи их с религией, только в последние годы, благодаря нахождению фигурок в могилах вместе с погребениями, они были определены как предметы культа, как изображения духов предков.

Погребальный обряд в эпоху неолита сохранил свою древнюю форму — умершие хоронились попрежнему на площади поселения, вблизи очага и посыпались красной охрой. Но если дух, согласно анимистическим воззрениям, после смерти человека не только продолжал жить, но и приобретал еще большую силу, чем при земной жизни, то применение красной краски при погребении как бы становилось излишним, и значение ее в эпоху неолита, а затем бронзы, могло быть иным. Мы знаем, что обряды бытуют веками и что это особенно характерно для такой области, как религия. Просуществовав тысячелетия, погребальные обряды палеолита, по всей вероятности, утратили свое первоначальное значение, сохранив лишь форму. Они могли совершаться по традиции, установившейся с древних времен, существуя как пережиточные формы. Но вполне допустимо и то, что в старые формы было вложено новое содержание. Красная краска, например, найденная в могилах со скорченными костяками бронзовой эпохи, по мнению В. А. Городцова, служила символом огня²⁵.

Наличие красной краски в бескурганых погребениях обнаружено, кроме Кубенина, у сел Криволучья²⁶, на Оленьем острове²⁷, в погребениях могильника на стоянке Караваиха²⁸ и близ г. Мариуполя²⁹. В последнем пункте могилы были устроены в канаве, заполненной глиной красного цвета, заменявшей красную охру и намеренно привезенной сюда из другого места. Все эти погребения сопровождались погребальным инвентарем, состоявшим из орудий, украшений и других предметов, принадлежавших умершим при жизни, которые по анимистическим представлениям были необходимы их духам, сохранившим свойства и вкусы умерших. Подобный обычай наблюдался у многих народов в Южной Австралии, Новой Зеландии, Новой Гвинее и других странах.

Этот же обычай существовал еще очень недавно в Скандинавии, где в лопарских могилах, датируемых XVII веком, при раскопках обнаружены человеческие скелеты с луком, стрелами, топором, огнивом и костями животных, птиц и рыб³⁰.

В составе погребального инвентаря кубенинских могил мы видим предметы, тоже связанные с бытовой стороной жизни. В могиле № 2 найдено три шила — необходимые орудия женского труда в неолитическую эпоху, применявшиеся для проветывания отверстий при шитье кожаной и меховой одежды. В другой могиле, № 3, найдены охотничьи орудия и украшения — ожерелье и поясные бляхи из костей и зубов диких животных.

²⁵ Городцов В. И. Указ. соч. в Трудах XII Археологич. съезда, 1902 г., стр. 191.

²⁶ Гольмстен В. В., Сообщения ГАИМК, 1931 г., июнь.

²⁷ Раскопки В. И. Равдоникаса в Карелии на Оленьем острове.

²⁸ Раскопки А. Я. Брюсова в Чарозерском районе на р. Еломе в 1938 г.

²⁹ Коллекция Мариупольского музея.

³⁰ Харузин Н. Указ. соч.

Подобно тому, как олени рога, найденные в мезолитических погребениях в Тевбек над скелетами, автором раскопок, Пекар, совершенно правильно рассматриваются как знаки отличия похороненных здесь выдающихся охотников, я думаю, что могильный инвентарь погребения № 3 тоже свидетельствует о захоронении в этой могиле отличающегося своими знаниями и навыками лучшего охотника Кубенина.

Своеобразные украшения, изготовленные из звериных зубов, кости и рога, вероятно, служили не только украшением его одежды, но и были, по примеру, наблюдающемуся еще до сих пор у многих охотничьих народов, символами силы, храбрости и ловкости мужчины. Угловое долото и скребок, найденные в этой же могиле, указывают и на другую работу, выполняемую при жизни этим охотником. Состав погребального инвентаря, необычайные размеры скелета, свидетельствующие о большом росте и, вероятно, большой физической силе, а также некоторые подробности обряда: красная краска на костях и на дне могилы, остатки костей от пищи, поставленной в могилу, отсутствующие в двух других погребениях, позволяют предполагать об исключительном положении, занимаемом умершим в Кубенинском поселении.

Самым интересным предметом погребального инвентаря кубенинских могил безусловно является скульптурное изображение человека из рога, найденное в могиле № 2. Оно несколько напоминает одного деревянного остяцкого идола, происходящего из могильника, найденного возле женского погребения и не имеющего, как и все остяцкие идолы, называемые, «илян-ей», рук³¹. Но в отличие от него ноги кубенинской фигурки—нечеловеческие и оканчиваются копытами, что можно видеть по одной из них, сохранившейся целиком (табл. I, 5). Интересны также: фрагмент другой фигурки, найденный у края этой могилы, представляющий собой ногу с копытом (табл. IV, 6) и фигурка из могилы № 3, по примитивному выполнению и схематичности напоминающая палеолитические фигурки из Предмоста, состоящие лишь из туловища и головы. В этой же могиле имеется еще одно тоже схематическое изображение, представляющее голову лебедя (?) с длинной изогнутой шеей, украшенной по внешней стороне поперечными зарубками (табл. I, 1).

Эти находки необходимо пополнить рядом других фигурок, найденных в культурном слое стоянки, что поможет при выяснении значения первых, найденных в могилах. Из обнаруженных в культурном слое имеются фигурки, изображающие человека, животных и птиц. Две из них, подобные найденным в Финляндии (Börga)³² и в б. Костромской губ., Станок, состоят из туловища, слегка согнутого, с большой головой, на которой глубокими ямками обозначены глаза и рот; фигуры эти не имеют ни рук, ни ног (табл. IV, 7—8); верхняя часть головы одной из них сплющена и вытянута кверху. Обе сделаны из глины. От третей, тоже глиняной, сохранилась лишь голова с длинной шеей. На лице ее отчетливо выделяются тонкий нос и подбородок, выдающийся вперед; часть головы у лба тоже

³¹ Руденко, С. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. СП, 1914 г., стр. 21.

³² Suomen Museo, XXXXI, 1929, стр. 20.

вытянута кверху; глаза и рот намечены ямками (табл. IV, 4). От фигурок, изображающих животных, сделанных из глины, сохранились только фрагменты. Один из них представляет голову с короткой шеей, с вытянутой вперед широкой мордой, которая, начиная с переносицы, орнаментирована поперечной нарезкой (табл. IV, 5). Другой — неопределенный, повидимому незаконченной лепки, и третий очень небольшого размера фрагмент представляет, по отдаленному сходству, как будто голову рептилии. Из фигурок, изображающих птиц, одна — глиняная миниатюрных размеров, состоящая из туловища и головы (табл. IV, 1); от другой, сделанной из кости, сохранилась только голова, повидимому совы (?), с условным изображением клюва в виде треугольника (табл. IV, 3); третья фигурка, изготовленная из корня резака лося, изображает сову и представляет собой привеску (табл. IV, 2).

Присутствие в одном комплексе антропоморфных и зооморфных изображений духов и особенно человеческой фигурки с копытом, сочетающей в себе элементы тех и других, указывает на переходную стадию в формировании новых религиозных представлений в то время, когда старые еще сохранились. С развитием анимистических воззрений возникали представления о духах предков в образе человека наряду с существовавшими тотемическими предками — животными, являвшимися пережитками предшествующей эпохи.

Не случайно изображение человеческого существа с ногами, повидимому, лося; думаю, что лося, потому что в это время в лесистых местностях северной области лось был самым крупным и самым распространенным из копытных животных; об этом свидетельствует обилие костей его, найденных в этом же районе на другой стоянке — в Веретьи³⁴ (в 40 км от Кубенина), составляющих 50% всех костей, добытых раскопками, между тем как другое копытное животное, северный олень, найдено в очень незначительном количестве³⁵. Не случайно также сходство фигурки в чертах лица с совой. Независимо от примитивной трактовки, что принято мною во внимание, уподобление физиономии совы могло быть намеренным, что подтверждается двумя кубенинскими же находками, упомянутыми несколько выше, изображающими сову, и скульптурным украшением в виде головы совы или филина на одном орудии, происходящем из Веретья.

Возможно, что в изображениях, подобных кубенинской фигурке, отразилось то отношение примитивного человека к животным, о котором пишет Л. Я. Штернберг: «Человек переносит на мир животных те же взгляды, которые он выносит из своего социального строя, в частности то понятие..., которое по-русски надо передать словом «хозяин»³⁶. В понимании примитивного человека, как поясняет Штернберг, «хозяин» — это человек, выдающийся своими талантами, превосходящий своими качествами всех остальных и пользующийся всеобщим авторитетом. Соответственно этому примитивный человек выделяет среди животных наиболее выдающееся по физическим

³³ Материалы Костромск. Музея из собр. В. И. Смирнова.

³⁴ Фосс, М. Е., Стоянка доисторического человека на торфяном болоте. «Торфяное дело», 1934 г., № 6.

³⁵ Определение костей произведено В. Г. Кошелевым.

³⁶ Штернберг, Л. Я. Указ. соч., стр. 398 и сл.

признакам животное, называя его «хозяином» какого-либо класса животных. «Вследствие антропоморфирования всего окружающего мира человек постепенно начинает и это зооморфное существо, этого хозяина, который сначала представляется животным, превращать в существо антропоморфное».

Нельзя ли нашу кубенинскую фигурку рассматривать как изображение «хозяина» леса или «лешего» из суеверий недавнего прошлого? В ней мы находим и зооморфные элементы — копыта лося, самого крупного животного, водившегося в окрестных лесах Кубенина, лицу ее приданы черты физиономии самой большой хищной лесной птицы — совы, в основном же фигурка представляет собой человеческое существо.

В эпоху, в которую появилась эта фигурка, были созданы в соседней области с районом озера Лача в Карелии замечательные наскальные изображения. Исследуя их, А. Я. Брюсов совершенно правильно приходит к заключению, что в религиозных верованиях этого времени происходил процесс антропоморфизации божеств, и центральную человеческую фигуру петроглифов Бесовы следки Брюсов рассматривает по-штернбергски как изображение «хозяина» тех мест в окружении подвластных ему животных: медведей, оленей, птиц, рыб и т. д.³⁷ Среди карельских наскальных изображений имеются еще и зооморфные существа, вызывающие различные толкования: В. И. Равданикас видит в них замаскированных людей³⁸, А. Я. Брюсов связывает их с обычными сюжетами мифологии — оборотничеством³⁹.

Оставляя в стороне дискуссионную сторону вопроса расшифровки этих петроглифов, отметим лишь, что и в том и в другом случае зооморфные элементы могут быть объяснены как пережитки тотемических представлений, что отголоски их мы видим и в кубенинских фигурках, и что это отнюдь не противоречит определению фигурки с копытом как «хозяина» леса, так как понятия «хозяин» (в применении к животным) и тотемное божество имеют один и тот же источник — культ животных, прослеживаемый в разных видоизменениях на протяжении тысячелетий и до сих пор наблюдаемый еще у многих примитивных народов. Любопытно, что не так давно лопари имели божества из дерева или камня, изображавшие животных и птиц; так, божество Сторьюнкаре делалось из камня и имело вид птицы, человека или животного.

Имеют ли какое-либо отношение кубенинские фигурки к охотничьей магии? На этот вопрос, повидимому, придется ответить отрицательно; хотя в это время еще существовали магические приемы охоты, но среди кубенинских фигурок, как мы видим, очень немного изображений животных, и те неопределенного вида; из птиц же две представляют собой изображение совы, объект, мало интересный для охоты, и одна — неопределенная. Между тем, в магических изображениях обычно преобладают животные, служившие объектом

³⁷ Брюсов А. Я. Карельские петроглифы.

Вестник древней истории, т. I, 1937 г., стр. 175 и сл.

³⁸ Равданикас В. И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Советская археология, т. III, 1937 г. Изд. Акад. Наук, стр. 18 и сл.

³⁹ Брюсов А. Я., Указ. соч., стр. 190.

охоты, и в изображении их всегда заметно стремление передать наиболее характерные, иногда даже заведомо преувеличенные, с целью подчеркнутые, признаки этих животных.

Человеческие фигурки Кубенина, как и большинство подобных же поздне-неолитических, могут рассматриваться как изображения духов предков, и они, так же, как и другие изображения поздне-неолитического искусства, отличаются схематичностью выполнения, доведенного до примитива, что дает повод говорить об упадке в эту эпоху изобразительного искусства. Несомненно, что отдаленность глухого района озера Лача, слабо связанного даже с соседними областями в суббореальный период из-за мелководья рек, оказала влияние на развитие искусства в направлении своеобразного примитивизма. Но главная причина скрывалась, повидимому, в тех изменениях, которые произошли в эту эпоху в религиозных воззрениях с развитием анимизма. Противоположно тому, что наблюдалось в палеолитическом искусстве, связанном с магией, стремившейся воспроизвести возможно точно живое существо с его характерными особенностями, в неолите изображались не реальные существа, а их духи. Отдаленный предок, утративший индивидуальные черты, представлялся в образе человека «вообще» в виде схемы, наделенной характерными, отличающими его от животного, признаками, иногда изображающей даже не целиком всего человека, а частично, например, туловище с головой, но без рук и ног или только без рук и т. п. Возможно, что в условности изображений духов скрывалось чувство страха, испытываемое живыми перед умершими и их духами. Д. Н. Эдинг, сопоставляя «идолы» с другими деревянными изделиями Горбуновского торфяника, воспроизведениями животных и птиц, отличающимися особым мастерством и тщательностью отделки, приходит к заключению, что появление топорных человеческих фигур было обусловлено особыми причинами. «Причины, по которым опытные уральские резчики не применяли свое искусство в изображении человека, представляется двух родов. Во-первых, известно убеждение, характерное для невысокой стадии культуры, что духи умерших не всегда милостиво относятся даже к близким потомкам, не окончившим земное существование, и в обращении с первыми последние должны соблюдать известную меру. Д. Фрезер останавливается на боязни «диких племен» даже называть имена умерших...» «Во-вторых, связь души с телом считается настолько зависящей от внешнего вида последнего и настолько непрочной, что изменить облик спящего... считается достаточным, чтобы затруднить временно вышедшей душе возвращение...», поэтому «изображение духа не должно было отличаться удерживающими свойствами, т. е. иметь сходные черты с человеческим телом»⁴¹. «Первообытные народы постоянно колеблются между страхом перед мертвецом и уважением к нему,— пишет Фробениус,— поэтому и погребальные обычаи колеблются между двумя крайностями: уничтожением трупов и сохранением их»⁴². Самое совершенное погребальных обрядов у многих малокультурных народов диктуется страхом перед покойником.

⁴⁰ Харузин Н. Указ. соч.

⁴¹ Эдинг Д. Н., „Идолы“ горбуновского торфяника. Советская археология, т. IV, 1937 г., Изд. Акад. Наук, стр. 141.

⁴² Фробениус Л. Детство человечества. СПб, стр. 110.

В Западной Африке, например, распространено суеверное представление, что если погребальные предписания не совершены как следует, то покойник в состоянии покарать все племя, особенно если он пользовался могуществом и почетом при жизни. У некоторых австралийских племен вокруг могилы посыпают песком, чтобы проверить, не выходил ли из могилы покойник, и если на песке замечались какие-нибудь следы, считалось, что похороненный не доволен местом, и его вновь хоронили в другом месте. «В некоторых обществах... (в Западной Африке), — пишет Леви-Брюль, — иногда пытаются обезвредить покойника, уродуя его тело»⁴³. У австралийских племен тоже существует обряд, ограждающий живых от духа мстительного человека: покойнику переламывают хребет и отделяют голову от туловища.

Археологические материалы и наблюдения, производимые при раскопках могил, дают основания к подобного же рода заключениям: в погребальных обрядах, вроде, например, расчленения тела покойника, повидимому, выразилось то же чувство страха перед умершим, заставившее принять меры, препятствующие его возвращению.

Чувство страха перед умершим, испытываемое живыми наряду с заботой о них, отразилось и в погребальном обряде в Кубенине. В могилах скелеты найдены лежащими лицом вниз. В таком положении похороненный как бы не мог видеть выхода из могилы, и поэтому дух его не мог возвратиться к живым.

И не только забота, но и страх перед духом человека сильного, оказывавшего при жизни влияние на сородичей, которого почитали и боялись, выражен в особенно тщательном выполнении погребального обряда в могиле № 3. Быть может, и плохая сохранность черепов, найденных в кубенинских могилах во фрагментах, также объясняется намеренным разбиванием с целью обезвреживания мертвых? Вспомним поверье, распространенное в Новой Гвинее, на Соломоновых островах и других местах, по которому дух умершего остается в черепе, в особенности в глазах. Положение покойников вниз лицом, нигде больше не наблюдавшееся в эпоху неолита, кроме Кубенина, можно было бы рассматривать как местную особенность, но так как раскопанных могил очень мало, то при дальнейшей работе можно ожидать открытия подобных погребений, и этот обряд, что весьма вероятно, окажется характерным для эпохи неолита. Мое предположение в настоящее время уже находит себе подтверждение в раскопках А. П. Окладникова, произведенных в Сибири в бассейне р. Ангары (Усть-Уда и Гаранькин мыс), где было обнаружено три погребения с положением покойников ничком. Два из них находились на стоянках неолитической эпохи, третье — среди других могил в могильнике ранней бронзы⁴⁴.

Но древний обряд погребения вниз лицом совершался не только в древние времена: в Англии в 1913 г., по сведениям Hartland, S. (привожу это в качестве курьеза) из боязни, чтобы покойники не встали, некоторых умерших хоронили, перевернув их лицом к земле⁴⁵.

⁴³ Леви-Брюль, Первобытное мышление, 1930 г., Изд. «Атеист».

⁴⁴ Сведения были сообщены мне А. П. Окладниковым. См. также Археологические исследования на Ангаре. Советская археология, т. IV, стр. 319.

⁴⁵ Folklore-Society, 32; 1893. Hartland, S., Pinwels and rag-bushes.

Располагая обширным материалом, происходящим из неолитических стоянок, и констатируя наряду с этим редкость погребений, приходим к выводу, что на площади поселений хоронили не всех умерших. Повидимому, круг их ограничивался соответственно заслугам умерших перед обществом: хоронили по всей вероятности тех, кто выделялся среди сородичей своим положением в родовой группе или своими интеллектуальными качествами, может быть вождя, выдвинувшегося при враждебных столкновениях с другими племенами, или, если это была женщина, родоначальницу группы, и т. п.

Где и как хоронили рядовых членов рода?

Этот вопрос в настоящее время еще остается открытым. Но все же работы последнего десятилетия осветили во многом темную сторону жизни, касающуюся религиозных верований эпохи неолита. Кубенинские погребения, как и языковские, сохранили древнейшую форму погребального обряда — захоронения на стоянках, и могут считаться наиболее древними, известными нам в эпоху неолита на территории Союза погребениями. Другие же бескурганые захоронения — на Оленьем острове, у Криволучья, близ г. Мариуполя, представляющие собой могильники, самостоятельные комплексы, должны быть отнесены к более поздней стадии развития погребального культа, когда погребения выносятся за пределы жилья, и мертвые окончательно отделяются от живых.

Анализируя погребальные обряды, сопровождаемые соответствующими наблюдениями и инвентарем, на большом протяжении времени, сопоставляя неолитические и ранне-бронзовые с палеолитическими, я прихожу к заключению, что новый мир религиозных представлений, отразившийся отчасти в обрядах и предметах культа, дошедших до нас, не был создан вновь в эпоху неолита, что генетически он был связан с предшествующими эпохами и во многом являлся отголоском тысячелетней давности.

П. А. ДМИТРИЕВ

ВТОРАЯ АНДРЕЕВСКАЯ СТОЯНКА

Андреевское озеро, расположенное в 18 км к ЮВ от г. Тюмени, уже давно привлекало внимание исследователей местного края. Оно представляет собою целую систему озер, соединенных более или менее узкими проливами, которые называются переями. Самое большое озеро носит название Андреевского. Оно перегорожено в направлении с ССЗ и ЮЮВ узким и длинным (2½ км) песчаным островом, известным под именем Большого. Берега озера невысокие и болотистые. Возвышенные места имеют вид дюнообразных песчаных гряд, поросших то редким и невысоким сосновым лесом (северный берег), то березой, осинкой и т. д. (южный берег).

Геологическое строение берегов, как показали исследования И. Я. Словцова, таково: на холмах под тонким растительным слоем (5—15 см) залегает светлый, сыпучий озерный песок, который местами перемешивается с галькой. Ниже лежит желтоватый глинистый песок, толщиной до 70 см и еще ниже — песок, перемешанный с суглинками, окрашенными железистой маткой¹.

Первые археологические исследования на Андреевском озере были произведены И. Я. Словцовым в 1883 г. Его раскопки стоянки на «Козьем мысу» дали довольно обильный и своеобразный материал в виде каменных орудий, различных глиняных изделий и обломков от глиняных сосудов с разнообразным орнаментом. Вместе с этими вещами попадались куски железной руды и, кроме того, был открыт горн, служащий для выплавки железа. Желая определить отношение стоянки к близлежащим «городкам», И. Я. Словцов произвел пробные раскопки и на них. При описании результатов исследований он объединил находки на этих разнохарактерных памятниках и, таким образом, сильно осложнил их изучение. В настоящее время коллекция с Андреевского озера находится в Тюменском музее, но поскольку И. Я. Словцов не оставил никаких отчетов или дневников раскопок, разобраться в ней чрезвычайно трудно. Вследствие этого материал И. Я. Словцова потерял в значительной степени свою научную ценность.

Археологические исследования Тюменского края, возобновившиеся

¹ И. Я. Словцов — О находках предметов каменного периода близ г. Тюмени. Записки Зап.-сиб. отд. РГО, кн. VII, в. I.

в 1925 г. и давшие много новых наблюдений, потребовали более широкого изучения мест поселений. Поэтому в 1928 г. было решено произвести вторичные раскопки Андреевской стоянки. В экспедиции приняли участие представители Тюменского музея и Общества изучения местного края, а также студенты I МГУ. Прежде всего были произведены разведки с целью отыскать стоянку, раскопанную И. Я. Слобцовым. Но эти поиски не увенчались успехом, так как место стоянки на мелком плане было указано не совсем точно. По словам исследователя, стоянка расположена на так называемом «Козьем мысу» Андреевского озера, в узком проливе, соединяющем его с озером Бутурлинским. В настоящее время название «Козий мыс» уже неизвестно местным жителям и, кроме того, Андреевское и Бутурлинское озера нигде не соприкасаются друг с другом. Очевидно, стоянка находилась между озерами Андреевским и Грязным, но и в этом пункте никаких следов раскопок не было обнаружено.

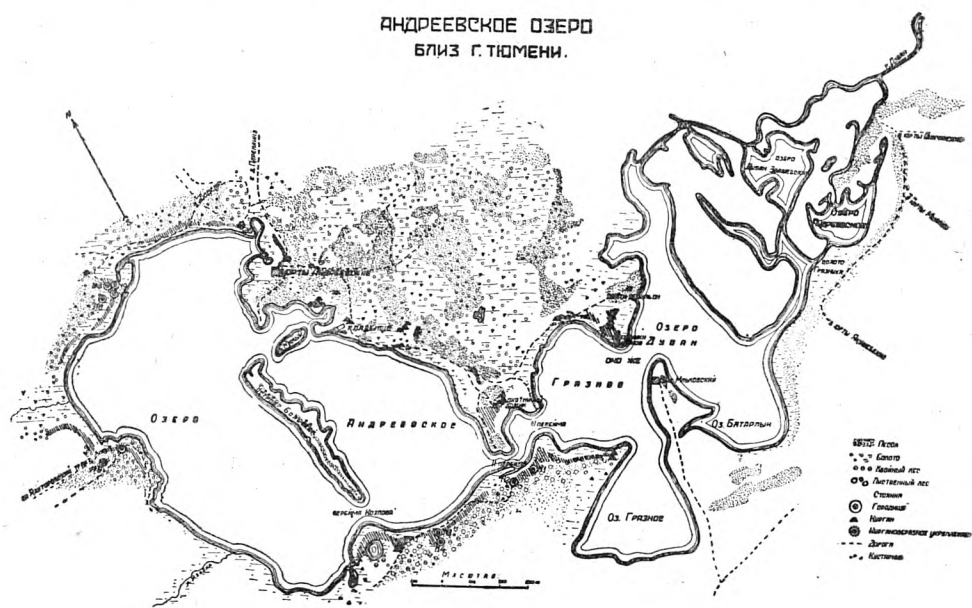

Рис. 1

Поэтому раскопки были начаты на так называемом «Козловом мысу» Андреевского озера, напротив южного конца Большого острова (приблизительно в двух километрах к западу от места, указанного на плане И. Я. Слобцова), где экспедицией была открыта новая стоянка, названная 2-й Андреевской. Пролив, омывающий этот мыс, называется переймой Козлова (рис. 1).

2-я Андреевская стоянка расположена на узком песчаном холме подковообразной формы. С севера холм ограничен болотистым берегом переймы, а с юга — болотом. Разведки показали, что культурный слой залегает главным образом на западном конце холма; толщина его достигает местами одного метра. В 1928 г. были заложены 9 шурфов, которые дали возможность определить наиболее благоприятные для раскопок пункты и, кроме того, проведены

четыре траншеи. В 1929 г. раскопки были продолжены, причем были проведены еще три траншеи. Общая площадь, вскрытая раскопками, равна 240 кв. метрам (рис. 2).

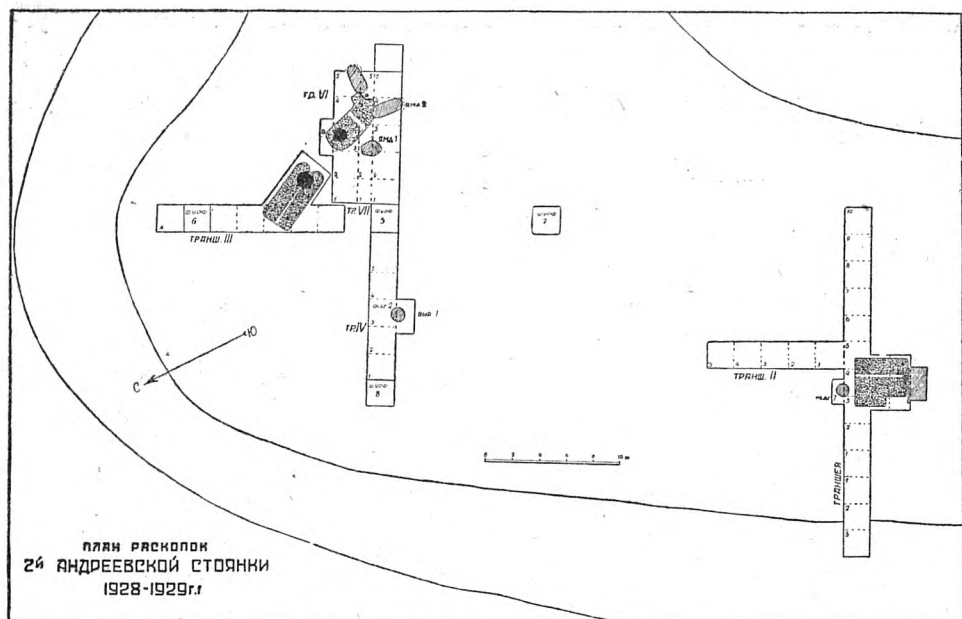

Рис. 2

Наиболее важным результатом исследований является открытие на стоянке трех небольших жилых землянок. Землянка № 1 в первой траншее имеет прямоугольную форму, ориентированную короткими сторонами с ССВ на ЮЮЗ. Длина ее — 3,80 м, ширина в ССВ конце — 3,60 м, а в ЮЮЗ — 2,80 м. Глубина от поверхности — 1,05 м и от нижней границы культурного слоя — 25 см. Посередине плоского дна, вдоль длинных стенок землянки возвышается узкий и невысокий гребень из грунтового суглинка. Стенки землянки крутые, почти отвесные. При расчистке землянки найдено около 40 разных черепков, 4 обломка от глиняных грузил липчинского типа, один осколок кремня и около ЮЮЗ стенки, на полу, раздавленный круглодонный горшок, который потом удалось склеить. Все предметы лежали без всякого порядка. Никаких остатков очага не сохранилось. К ЮЮЗ стенке примыкала другая яма, которая, однако, осталась нераскопанной.

Землянка № 2 в третьей траншее имела более отчетливые очертания. Она, так же как и предыдущая землянка, не была заметна в равномерно-интенсивном культурном слое траншеи и обнаружилась ярким черным пятном только на желтом грунте. Границы землянки были очень отчетливыми, и только ЮЮВ конец был неясным. В плане он имел вид двух абсид. Длина ее — 4,80 м, ширина — 2,35 м и глубина от поверхности — 1,13 м и от нижней границы культурного слоя — 0,50 м. Землянка, несомненно, прорезала и часть куль-

турного слоя, что подтверждается, например, большим количеством находок в вырезке.

При расчистке землянки обнаружилось, что посреди дна имеется такое же узкое, гребнеобразное возвышение, как и в первой землянке (рис. 3). В ЮЮВ конце находился очаг, состоявший из массы обуг-

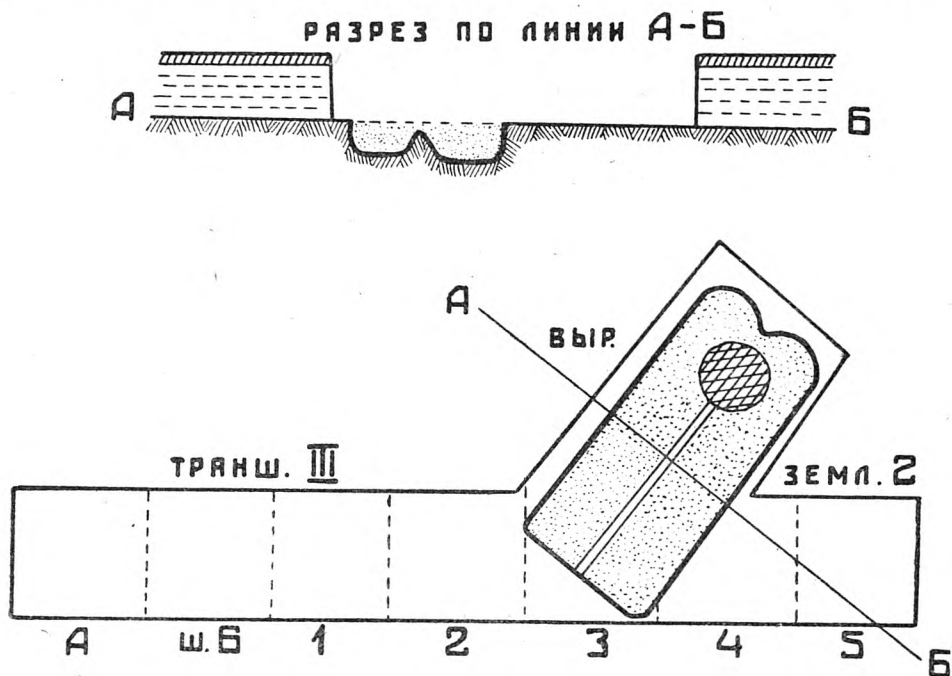

Рис. 3

ленных веток и угля. Дно землянки около костра было покрыто толстым (свыше 10 см) слоем рыбьей чешуи. К противоположному концу этот слой становился тоньше; здесь было найдено: 120 обломков от различных глиняных сосудов с круглым и плоским дном, покрытых преимущественно грубым орнаментом в виде крупных и глубоких треугольных ямок, три целых и 20 обломков от разных экземпляров глиняных цилиндрических грузил, обломок блоковидного грузила, глиняное грузило в виде моталки, кремневый наконечник стрелы, зуб собаки и др. К сожалению, мне не удалось точно проследить форму дна землянки и выяснить назначение продольного возвышения, так как почвенная вода быстро залила все углубление. Всякие попытки отвести воду кончились неудачей. На следующий год я снова раскопал эту землянку, но, несмотря на засушливую погоду, воды было еще больше.

Землянка № 3 в четвертой и седьмой траншеях также была замечена только после снятия культурного слоя на грунте (рис. 4). Форма ее — неправильная, овальная. Ориентировка коротких сторон — СЮ. Южный конец разрушен ямой № 2, вырытой несколько позднее. С восточной стороны к нему примыкало небольшое квадратное углубление, размером 75 × 75 см, которое, очевидно, представляло собою

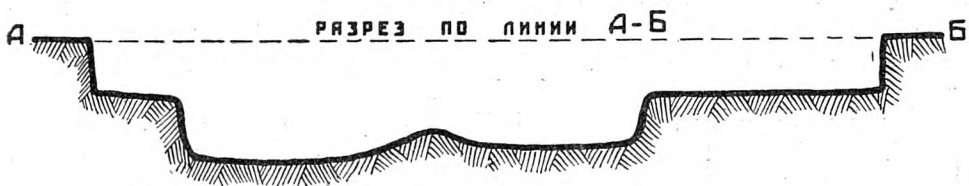
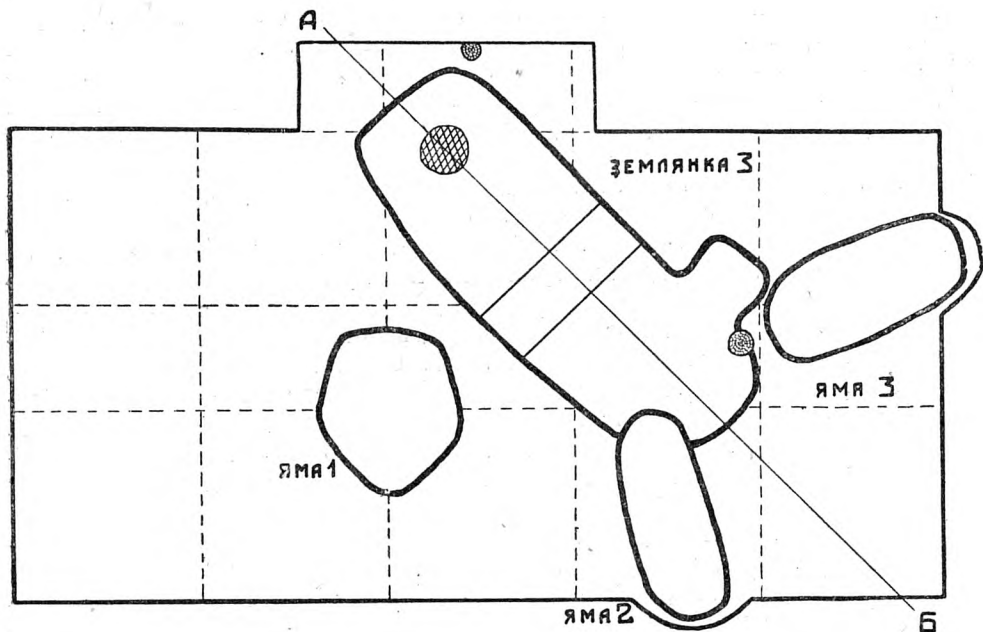

Рис. 4

ступеньку для входа. Стенки землянки отвесные. Длина ее — 4,70 м, ширина — 1,90 м, глубина в северной части — 71 см, в средней — 35 см и в южной — 53 см, от нижней границы культурного слоя, достигающего здесь 1,30 м толщины. Около ЮВ и СВ углов были обнаружены два столба, диаметр которых превышал 10 см. В отличие от первых двух землянок здесь не было продольного гребня, но вместо него посередине возвышался поперечный грунтовой валик. В северной, наиболее глубокой части землянки, сохранились следы очага в виде темного углистого и золистого слоя, вблизи которого лежали кухонные остатки, состоявшие из рыбьей чешуи и мелких птичьих косточек. Под ними найдены обломки большого глиняного горшка. Непосредственно над очагом собрано около 30 черепков, костяной нож, одно целое и 6 обломков от глиняных цилиндрических грузил. При расчистке землянки найдено 443 черепка от различных глиняных сосудов, два целых цилиндрических грузила и 40 обломков от разных экземпляров, два обломка от глиняных грузил с заостренными концами, кремневый наконечник стрелы, обломок кремневой ножевидной пластинки, много мелких косточек и рыбьей чешуи. В южном конце на дне был обнаружен тлен от до-

сок, лежащих вдоль длинных сторон землянки. Расчистке дна сильно препятствовала почвенная вода, которая быстро залила его.

Кроме трех землянок, на стоянке были открыты два отдельных костра. Один находился в первой траншее, на глубине 25 см от современной поверхности и состоял из плотного слоя мелких углей толщиной в 20 см и размером в один метр в диаметре. В нем найдено несколько черепков и обломков от цилиндрических грузил. Другой представлял собой яму диаметром в 1,25 м, глубиной от подошвы культурного слоя в 40 см, наполненную мелкими угольками, перемешанными с землей. Аналогичная яма была обнаружена на границе пятой и седьмой траншей, но при ее раскопке найдено только 24 черепка.

Совершенно иными представляются две овальных ямы, примыкающие к южному концу землянки № 3. Одна имела в длину 2,20 м, в ширину — 0,93 м, в глубину — 0,26 м. Размеры другой определяются следующими соответственными цифрами: 2,30 м, 1,25 м и 0,53 м. Обе ямы были заполнены темной землей, но в них ничего не найдено. Назначение их неясно, хотя возможно, что они представляют собою остатки каких-то хозяйственных построек.

Подобные землянки были открыты мною в 1925—1926 гг. на Липчинской стоянке¹. Они имели приблизительно те же размеры и ту же ориентировку, как и андреевские. Их характерной особенностью являлось такое же гребнеобразное возвышение, как и в только что описанных землянках. Если по отношению к липчинским землянкам еще оставалось некоторое сомнение в правильности определения их назначения, то ярко выраженные очаги и кухонные остатки в землянках 2-й Андреевской стоянки несомненно указывают на их жилой характер.

О конструкции землянок мы можем сделать только некоторые предположения. Столбы около стенок третьей землянки, повидимому, служили для поддержания одно- или двускатной крыши. Труднее объяснить происхождение грунтового гребня, идущего вдоль почти всех землянок. Возможно, что на нем лежало бревно или жердь, поддерживающие поперечные доски или жерди пола. В землянке № 3, где вместо продольного возвышения был поперечный валик, следы от досок шли в продольном направлении. Здесь может быть уместно упомянуть о находке в пятом шурфе глиняной трехгранной призмы, свидетельствующей о промазке деревянных щелей пола или стен глиною.

Что касается ям, которые предположительно названы хозяйственными постройками, то аналогичные им были открыты на той же Липчинской стоянке. Как там, так и тут эти ямы находились в непосредственной близости к землянкам, что и дало повод дать им такое определение.

Раскопки 2-й Андреевской стоянки дали довольно большое количество находок, состоящих из 435 предметов, 9½ тысяч обломков от глиняных сосудов и нескольких костей животных. Из последних удалось определить только две кости лося и один клык собаки. Мелкие трубчатые косточки принадлежали, повидимому, каким-то птицам или мелким животным.

¹ Труды Секции Археологии РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 61.

По материалу находки распределяются таким образом: глиняных предметов 393 (90,4%), каменных 34 (7,8%), костяных 4 (0,9%), медных 3 (0,7%) и железных одна (0,2%). На Липчинской стоянке каменные орудия составляли около 45% находок, здесь же этот процент уменьшается за счет увеличения количества глиняных изделий.

Из каменных вещей на 2-й Андреевской стоянке найдено 8 наконечников стрел, 3 обломка от полированных орудий, 9 ножевидных пластинок, 6 скребков (табл. I, рис. 7), 2 обломка от сланцевых плиток с ретушированными краями, один кремневый асимметричный нож, обломок шиферной привески (табл. I, рис. 8), нуклеус (табл. I, рис. 6), точильный камень и два камня с гладкой стертой поверхностью, из которых один был, очевидно, зернотеркой.

Наконечники стрел представлены несколькими типами (табл. I, рис. 1—5): листовидным (4 обломка из разных мест), двушипным с острым черешком (землянка № 2), треугольным с небольшой выемкой в основании (землянка № 2), одношипным (траншея VII) и секировидным с поперечным лезвием (шурф 5). Наиболее интересными являются два последних наконечника. Одношипные стрелы были найдены также на 1-й Андреевской стоянке¹, на дюне «Татарский Бор» близ д. Барсуковой на Исети и на Палкинской стоянке, относящейся к шигирской культуре². Секировидный наконечник, насколько мне известно, найден в Зауралье впервые.

Обломки шлифованных орудий свидетельствуют о том, что на 2-й Андреевской стоянке употреблялись и крупные каменные орудия. Один обломок, судя по граням, принадлежал шестигранному топору или долоту.

Кремневый двулезвийный нож найден в одном экземпляре. Он отретуширован со всех сторон (табл. I, рис. 9), одно лезвие прямое, другое выпуклое. Аналогичные асимметричные ножи известны как на Липчинской стоянке, так и на стоянках шигирской культуры.

Точильный камень, сильно сточенный со всех сторон, заставляет предполагать существование металлических орудий.

Костяные предметы употреблялись, вероятно, в значительно большем количестве, чем это отражает материал. Из-за неблагоприятных почвенных условий до нас дошли только единичные находки. На стоянке найдены один нож, одна пуговица и две кости со следами обработки.

Костяной нож с выпуклым лезвием найден непосредственно над очагом третьей землянки (табл. I, рис. 10). Он служил, повидимому, для очистки рыбы от чешуи. Это первая находка костяного орудия на стоянках Тюменского края.

Костяная пуговица имеет вид небольшого колесика с зубчиками по краю. Размер ее — 1,7 см в диаметре. Пуговица снабжена двумя отверстиями, просверленными с одной стороны. Аналогичная костя-

¹ И. Я. Слозцов, О находке предметов каменного периода близ г. Тюмени, табл. 14, рис. 60 а и в. Изображение очень плохое.

² П. А. Дмитриев, Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе, Известия ГАИМК, в. 106. «Из истории родового общества на территории СССР», М. Л., 1934, стр. 190, рис. 17, фиг. 10 а, б.

ная пуговица была найдена Д. Н. Маминым на 2-м Карасьем озере, относящемся к шигирской культуре¹.

Медные пластинки, найденные в трех экземплярах, и одна перержавевшая железная пластинка указывают на знакомство обитателей стоянки с металлом и, возможно, с железом.

Основную массу находок составляют глиняные изделия. Обломки от сосудов и разнообразные грузила встречались почти на каждом шагу. Значительно меньше глиняных пряслиц и предметов неизвестного назначения.

Глиняные грузила. Наиболее распространенным типом грузил являются глиняные цилиндрические палочки липчинского типа. На 2-й Андреевской стоянке найдено 25 целых штук и 266 обломков от разных экземпляров (табл. II, рис. 1—7). По форме они значительно разнообразнее липчинских. Наряду с массивными и довольно тяжелыми палочками встречаются и более тонкие и легкие. В большинстве случаев они имеют ясно выраженную шейку и заканчиваются круглыми площадками, которые иногда похожи на шляпку гвоздя, но у некоторых экземпляров шейки нет. Одни палочки прямые, другие более или менее изогнутые. Почти у всех грузил этого типа одна сторона более плоская, чем другие. Это объясняется тем, что при сушке они клялись на доску, отпечатки которой часто сохраняются в виде продольных штрихов. Поверхность почти у всех грузил гладкая и только некоторые несут на себе неглубокие зарубки или вертикальные следы от веревочек. На одном грузиле отпечатки веревочки заходят даже на шляпку (табл. II, рис. 7).

Назначение этих своеобразных глиняных палочек определено главным образом по материалу Липчинской стоянки. находка длинных тонких и сравнительно легких палочек принуждает привести еще новые доводы, подтверждающие правильность ранее высказанного предположения. Внимательное изучение всех целых палочек и концевых обломков показало, что большая часть сохранила на себе следы от привязи в виде неровных желобков и перехватов, образовавшихся в результате вдавления веревки или лыка в слабо обожженную глину. Перехваты чаще всего заметны на шейках (табл. II, рис. 3—6), но иногда и между шейкой и серединой палочки (табл. II, рис. 2). Очевидно палочки привязывались за оба конца, причем иногда они предварительно обматывались лыком. Некоторые экземпляры были так сильно стянуты этой обмоткой, что приняли уродливый винтообразный вид.

Все перечисленные признаки указывают на то, что эти палочки употреблялись действительно как грузила. Длинные и тонкие палочки вероятно прикреплялись к легким сетям с мелкими ячейками, о существовании которых известно по отпечаткам на грузилах с заостренными концами. Рубчики на некоторых палочках делались, повидимому, в целях наиболее прочного прикрепления обмотки.

Глиняные грузила с заостренными концами, аналогичные которым были найдены на Липчинской стоянке, встречены в количестве 5 целых и 21 обломка от разных экземпляров (табл. II, рис. 8—11). У всех грузил этого типа одна сторона более плоская, чем противоположная. Размеры их неодинаковы. Вместе с довольно крупными

¹ Гос. Исторический Музей в Москве.

1

2

3

4

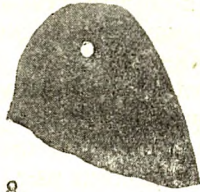
5

6

7

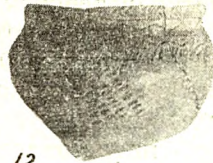
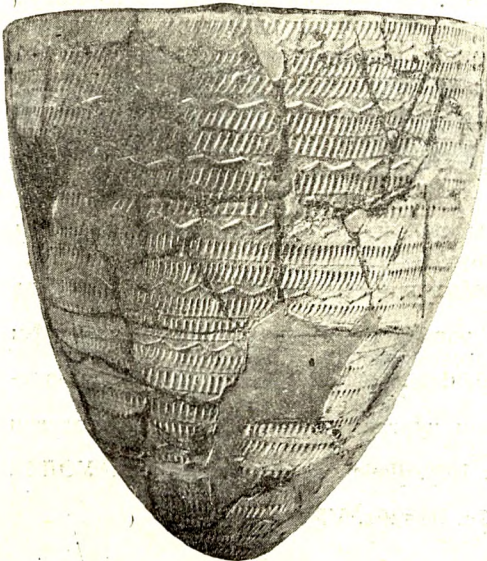
8

9

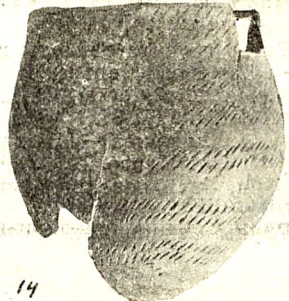
10

12

13

14

экземплярами встречаются и маленькие, которые несомненно имеют то же назначение. Интересно, что Д. П. Эдинг нашел при раскопках Горбуновского торфяника грузило этого типа обернутым в луб. Возможно, что оно прикреплялось к небольшому деревянному кольцу, являясь грузом для кибаса шигирского типа. Так же, может быть, прикреплялись грузила с заостренными концами на тюменских стоянках. На одном экземпляре ясно заметен отпечаток сети с мелкими ячейками (табл. II, рис. 11). Такие отпечатки были и на двух таких же грузилах, происходящих с Липчинской стоянки.

Разновидностью этих грузил являются сравнительно тонкие палочки с острыми концами (табл. II, рис. 12), находящие себе полные аналогии на стоянках шигирской культуры¹ и на 1-й Андреевской стоянке. На Липчинской и на 2-й Мысовской стоянках они совершенно отсутствуют. На 2-й Андреевской стоянке найдена одна почти целая такая палочка и 9 обломков от разных экземпляров.

Глиняные грузила в виде смятого шара с одним желобком (табл. II, рис. 14) найдены в количестве 4 целых штук и 4 обломков от разных экземпляров. Желобки довольно глубокие с плоским дном. В двух случаях в них ясно видны отпечатки волокон. Подобные грузила известны на 1-й Андреевской стоянке, на Чувашском мысу² и, в значительном количестве, на 2-й Мысовской стоянке³; на Липчинской стоянке их нет.

Грузила с продольным отверстием (табл. II, рис. 13), встреченные в трех экземплярах (два целых, один обломок), на других тюменских стоянках неизвестны. Но такие же грузила найдены на 2-м Карасьем и Ирбитском озерах⁴.

Массивные блоковидные грузила представляют собою совершенно новый тип (табл. II, рис. 18). Найдено одно целое и два изломанных грузила этого типа. Близкие по форме, но не по назначению, предметы (застежки?) найдены проф. В. А. Городцовым на Бельском городище.

Глиняные грузила в виде моталок с раздвоенными концами, которые всегда отогнуты в одну сторону (табл. II, рис. 15, 16), найдены в количестве трех целых экземпляров и 8 обломков. Они часто несут на себе отпечатки веревочек, которые идут в продольном направлении и заходят в развилчатый конец. Такие грузила известны на 1-й Андреевской и Липчинской стоянках⁵, а также на дюне «Татарский бор» близ д. Барсуковой на р. Исети.

Грузило с желобком наверху (табл. II, рис. 17) найдено в одном экземпляре. Оно представляет интерес только в том отношении, что по своей форме ближе подходит к грузилам шигирской культуры, чем к только что описанным. Эти «моталки», повидимому, составляли среднюю часть для кибасов шигирского типа.

Глиняные пряслица найдены только в четырех обломках, причем

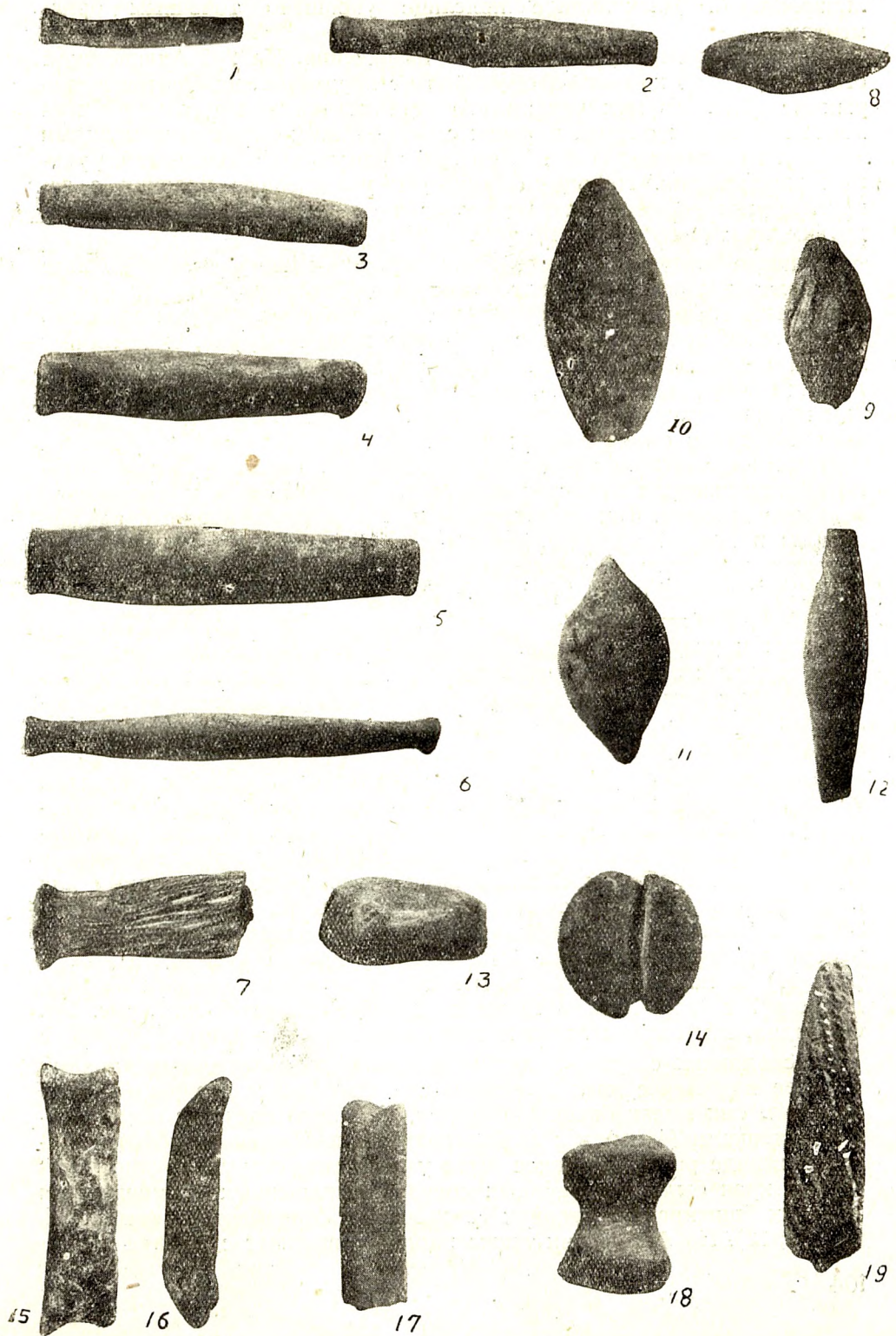
¹ Такие грузила найдены в шигирском торфянике, Палкинской стоянке, на 1-м и 2-м Карасьих, Черном, Ирбитском и Аятском озерах.

² A. Heikel, *Antiquités de la Sibirie Occidentale. Mémoires de la société finno-ougrienne*, VI, pl. IX, 37.

³ П. А. Дмитриев — Мысовские стоянки и курганы, Труды Секции Археологии РАНИОН, т. V, стр. 195, табл. XIII, рис. 2.

⁴ ГИМ, Свердловский Музей, № 1221 и 1223. Лобанов, «Каталог Музея УОЛЕ», 1898, № 679.

⁵ Труды Секции Археологии РАНИОН, т. II, табл. V, рис 13 и 14.

все они представляют собою различные типы. Одно — биконический, другое — дисковидный, третье — чечевицеобразный и четвертое — линзовидный. Дисковидное пряслице украшено точечным орнаментом.

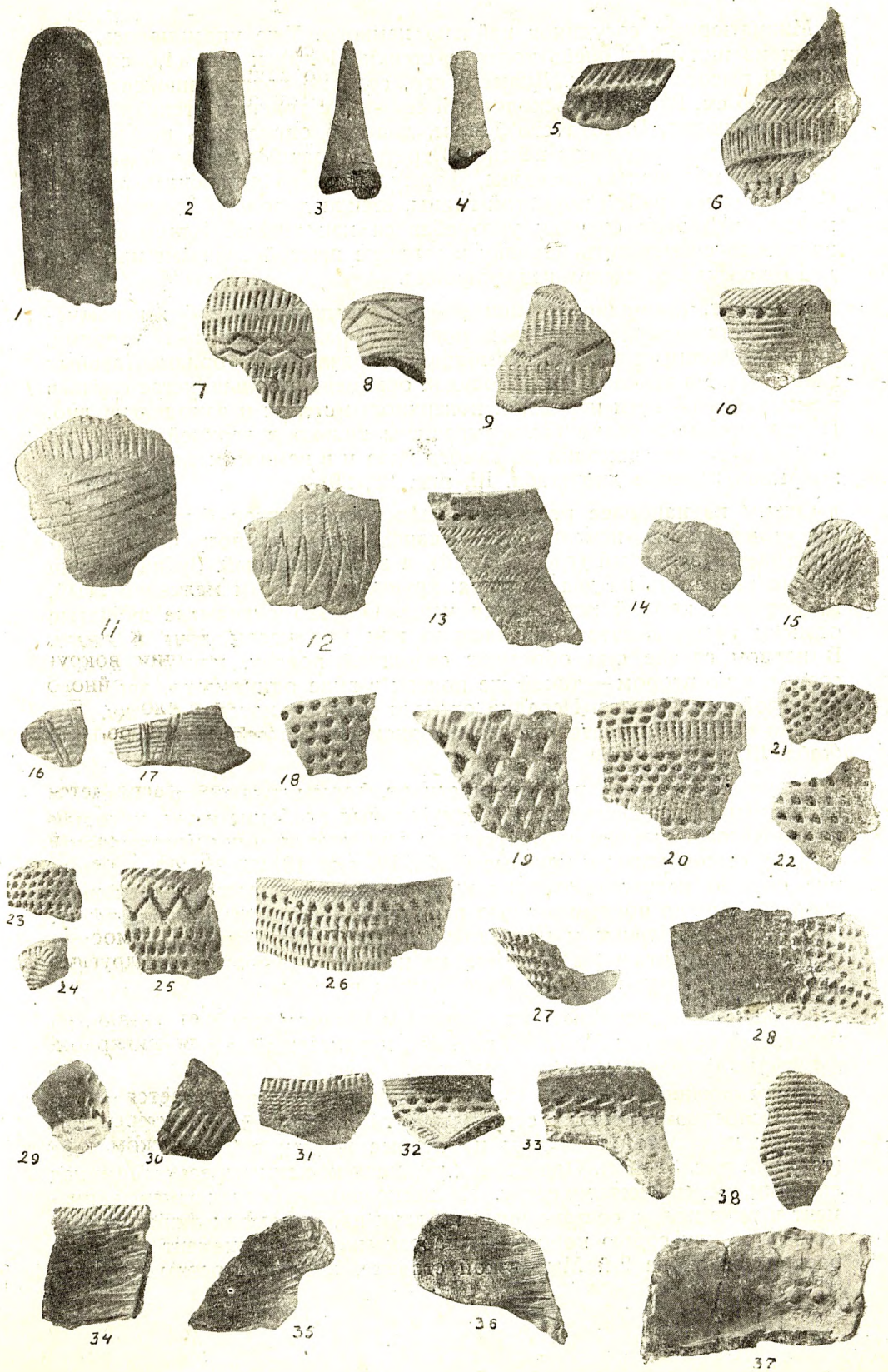
Глиняные предметы неизвестного назначения. На 2-й Андреевской стоянке найдено несколько обломков от предметов, назначение которых не ясно. Из них чаще всего встречаются обломки более или менее массивных острых палочек с отпечатками веревочек, идущими в косом направлении (табл. II, рис. 19); найдено 11 обломков от разных экземпляров. Непонятны также и уплощенные палочки с закругленными концами, встреченные в двух экземплярах и несколько других предметов (табл. III, рис. 1—4).

Глиняные сосуды. Обломки от глиняных сосудов, найденные в огромном количестве, дают возможность восстановить как форму отдельных сосудов, так и способ их изготовления. Сосуды делались из хорошей тонкой глины с примесью мелкого песка, к которому иногда прибавлялся еще тальк. Лепка производилась от руки при помощи ленточной техники, на что ясно указывают характерные изломы многочисленных черепков (табл. III, рис. 37). После формовки стенки сосудов сглаживались; следы от сглаживания часто заметны внутри в виде штрихов (табл. III, рис. 34—36). Толщина стенок обычно соответствовала величине сосуда, но часто бывали и отклонения от этого правила. Так например, большой сосуд, найденный раздавленным в первой траншее, имел очень тонкие стенки и, наоборот, миниатюрный сосудик высотой всего в 2,8 см был толстостенным. Совершенно очевидно, что толщина стенок зависела от назначения сосуда. Обжиг — средний.

Форма и размеры сосудов разнообразны. Преобладающими являются сосуды с полусферическим и коническим дном, хотя, несомненно, наряду с ними употреблялось и значительное количество плоскодонных горшков. Из 39 обломков, сохранивших часть дна, на долю круглодонных приходится 23 и на долю плоскодонных 16 (41%).

Круглодонные сосуды в большинстве случаев были с прямыми краями без шейки и без плечиков. Один сосуд (землянка № 1), который удалось склеить почти целиком (табл. I, рис. 14), имел едва намеченную шейку и слегка наклоненные к центру края. Некоторые сосуды были снабжены специальными отверстиями, служащими для подвешивания их. Такие отверстия имелись на большом (высота 34 см, диаметр 29 см) тонкостенном горшке с коническим дном (из первой траншеи), который был реконструирован целиком (табл. I, рис. 11) и на небольшом почти целом сосудике (высота 7,5 см, диаметр 7 см), найденном также в первой траншее (табл. I, рис. 13). Очевидно, эти сосуды служили для приготовления пищи.

Плоскодонные сосуды, повидимому, делались с отогнутыми краями и более или менее ярко выраженными шейками и плечиками, хотя иногда и они имели баночную форму. У одного сосуда с очень тонкими стенками (4 мм) и с сильно раздутыми боками края были отогнуты в виде раструба. Какое было у него дно, сказать трудно. Отогнутые края были и у крупных сосудов, украшенных типичным для поздних шигирских стоянок струйчатым орнаментом (табл. III, рис. 32, 33). По форме они также вполне совпадают с шигирскими.

Миниатюрных сосудиков найдено немного. Уже упоминалось, что один из них имел очень толстые стенки (1 см) и дно (1,5 см) при общей высоте в 2,8 см. Диаметр его, судя по сохранившейся части, равен 7,5 см. Второй плоскодонный сосудик с тонкими стенками имел форму блюдца. Высота его 1,8 см, диаметр определить нельзя. Назначение этих сосудиков неясно. В третьей траншее был найден край от очень маленького сосудика, форму которого установить трудно. Сделан он из грубой пористой глины, стенки довольно толстые. Возможно, что этот сосудик употреблялся как тигель. Рядом с этим интересно сопоставить находку в вырезке шестой траншеи плоского дна от сосуда со следами шлакировки.

Орнамент. Громадное большинство обломков и все без исключения восстановленные сосуды покрыты разнообразными узорами, представляющими собою комбинации различных орнаментальных элементов. На круглодонных сосудах орнамент в большинстве случаев размещался по всей наружной поверхности стенок и заходил на дно. Плоскодонные нередко были украшены только в верхней части, но иногда орнамент доходил до самого низа и в немногих случаях даже покрывал плоское дно (табл. III, рис. 28, 29).

Одним из наиболее распространенных орнаментов был чеканный. Среди элементов, исполненных чеканом или штампом, чаще всего встречается зубчатый (гребенчатый), а затем ямочный. Зубчатый тип можно разделить на два подтипа: крупнозубчатый и мелкозубчатый, из которых первый встречается чаще. Обычно отдельные зубчатые оттиски располагаются параллельно или под углом друг к другу. В первом случае они образуют сплошной поясok, идущий вокруг сосуда, а во втором — такой же поясok в виде одинарного, двойного или тройного зигзага. Нередко оттиски располагаются в елочку. Довольно часто встречается зубчатый орнамент, напоминающий росчерк (табл. III, рис. 5—14).

Ямочный орнамент, в зависимости от формы штампа, распадается на несколько разновидностей: трехугольные глубокие ямки, которым на внутренней стороне соответствуют выпуклости, ямки неправильной формы, серповидные и круглые (табл. III, рис. 18, 23, 25, 28). Последние обычно располагаются на краю сосуда и дополняют основной узор, но иногда покрывают всю поверхность черепка и, повидимому, сосуда. Трехугольные и неправильные ямки часто имеют самостоятельное орнаментальное значение, но иногда чередуются и с другими элементами, например с крупнозубчатым штампом.

Из элементов, исполненных фигурным чеканом, следует указать на крестовый орнамент (табл. III, рис. 30), характерный и для шигирской культуры. Встречен и кружковый тип.

Кроме чеканного орнамента, на сосудах нередко встречается и резной. Особенно интересен струйчатый тип, который характерен для стоянок шигирской культуры и впервые найден в Тюменском крае (табл. III, рис. 31—32). Один сосуд украшен косыми пересекающимися линиями, имитирующими сетку. На нескольких черепках замечен орнамент в виде полос, составленных из двух параллельных линий, соединенных между собою короткими нарезками. Этот орнамент особенно распространен на 2-й Мысовской стоянке. К группе резных должен

быть отнесен и псевдоплетенный орнамент, обнаруженный на некоторых обломках (табл. III, рис. 15—17).

Все указанные элементы и простейшие комбинации их в различных сочетаниях дают разнообразные узоры. Так, нередко наблюдается чередование поясков из отвесных или наклонных зубчатых оттисков с такими же зигзагами. Иногда к этому узору присоединяются еще ямки, идущие около края сосуда. Во многих случаях зубчатый орнамент сочетается с ямочным, причем и тот и другой занимают определенные чередующиеся между собою зоны. Несколько обломков украшено узором в виде заштрихованных зубчатых или резных трехугольников и ромбов.

Обзор находок во 2-й Андреевской стоянке показывает, что основным материалом для орудий служил камень. Находка медных пластинок и точильного камня дает основание полагать, что на стоянке были известны и металлические предметы, хотя их и нельзя считать типичными. Нуклеус, ножевидные пластинки, обломки шлифованных орудий свидетельствуют о большом развитии каменной техники. Несомненно, что употреблялись и костяные и деревянные орудия, но и они, вероятнее всего, вырабатывались при помощи каменных. Глиняные сосуды с коническим, полусферическим и плоским дном, сделанные без гончарного круга, углубленный, но разнообразный орнамент придают стоянке поздне-неолитический облик. Несколько костей лося и птиц, полное отсутствие костей домашних животных, за исключением клыка собаки, несколько наконечников стрел и большое количество глиняных грузил для сетей свидетельствуют об охотническо-рыболовческом характере хозяйства у обитателей стоянки.

Действительно, статистическая обработка собранного на стоянке материала показывает, что основными производствами древних обитателей Андреевского озера были охота и рыболовство с явным преобладанием последнего.

Если исключить обломки от глиняных сосудов, то главную массу находок (78%) составляют разнообразные грузила, тогда как предметы, прямо или косвенно говорящие об охоте, т. е. каменные наконечники стрел и скребки, которые частично употреблялись для обработки шкур животных, составляют всего лишь 3% от общего числа названных вещей. Отпечатки сетей на грузилах, толстый слой рыбьей чешуи во второй и третьей землянках особенно ярко подчеркивают рыболовческий характер поселения.

Самый тип стоянки также характерен для рыболовческих поселений. Стоянка расположена на невысоком холме на берегу озера. Она представляет собою небольшое поселение, состоящее из нескольких жилых землянок и примыкающих к ним сооружений хозяйственного значения, которые располагались на площади стоянки без всякого видимого порядка. Некоторая закономерность наблюдается только в ориентировке землянок. Кроме того, на территории стоянки существовали отдельные очаги, сохранившиеся в виде кострищ. Стоянка еще не раскопана, но если судить по вскрытой площади с наиболее мощным культурным слоем, на ней могло разместиться не больше 10—15 жилых построек. В каждой землянке, если принять во внимание их площадь, могла жить семья не более чем из 3-4 человек. Самая крупная землянка № 1 равна 12,5 кв. м. Таким образом насе-

ление стоянки состояло из 40—50 человек взрослого населения. Довольно толстый культурный слой свидетельствует о том, что здесь было постоянное и долго существовавшее поселение, а не временная стоянка охотников-рыболовов. Точно такой же характер имела и Липчинская стоянка, с той лишь разницей, что она расположена не на озере, а на берегу большой реки. Аналогичное расположение поселений наблюдается и у некоторых современных народов, занимающихся в основном рыболовством. Наличие очагов вне жилищ, находки обломков от крупных глиняных сосудов заставляют предполагать общность домашнего хозяйства.

Основным орудием рыбной ловли были невода и различные сети, о чем свидетельствует громадное количество разнообразных грузил. Представление о сетях мы можем иметь по их отпечаткам на глиняных грузилах, найденных на 2-й Андреевской и Липчинской стоянках. Эти отпечатки показывают, что сети делались из тонких веревок и имели мелкие ячейки, хотя это не исключает наличия сетей другого типа. Масса однотипных цилиндрических грузил, а также находка одного большого и тяжелого грузила, доказывают наличие на стоянке больших неводов и сетей, требовавших объединения значительного количества людей, а может быть даже всего населения стоянки.

Охота, как это показывают материалы стоянки, играла меньшую роль, чем рыболовство, хотя наличие разнообразных по форме наконечников стрел свидетельствует об известной специализации охотничьего оружия, а это может быть только при развитой охоте. Основным оружием охоты был, точно так же как и на восточно-уральских стоянках, лук.

Несмотря на резко выраженный рыболовческий характер этих поселений, их обитатели, возможно, были знакомы с примитивным земледелием. Я говорю так неопределенно потому, что находок зерноотерок на Липчинской и 2-й Андреевской стоянках еще недостаточно для такого утверждения. Никаких остатков от сельскохозяйственных орудий на этих стоянках не найдено. Правда, И. Я. Слозцов упоминает о каменной кирке, происходящей с 1-й Андреевской стоянки, но в материале Тюменского музея, где хранится его коллекция, этого орудия нет. А так как И. Я. Слозцов нередко ошибался в определении назначения предметов, то его указание вызывает некоторое сомнение. Во всяком случае, если здесь хозяйство и было осложнено земледелием, последнее имело подсобное значение.

Сравнение материала 2-й Андреевской стоянки с другими стоянками, относящимися к этой же культуре, позволяет определить ее хронологическое место. Мне уже приходилось писать о том, что наиболее древними из них являются Липчинская и 1-я Мысовская стоянки, затем идет 1-я Андреевская и, наконец, наиболее поздняя, 2-я Мысовская стоянка¹.

2-я Андреевская стоянка существовала, повидимому, позднее Липчинской, но ранее 1-й Андреевской. Если сравнить ее с первой, то можно заметить, что процент каменных орудий по отношению к общему числу находок на ней резко уменьшился. На Липчинской стоянке он равнялся приблизительно 45, здесь же он упал до 7,8. Процент грузил с заостренными концами, которые представляют собою наиболее древний тип, также снизился с 33 до 7. Что касается формы

¹ П. А. Дмитриев — Мысовские стоянки и курганы, стр. 197, 199.

сосудов и орнаментальных элементов, то и они подтверждают этот вывод: плоскодонные сосуды на 2-й Андреевской стоянке встречаются почти так же часто, как и круглодонные, тогда как на Липчинской стоянке из большого количества днищ найдено только одно плоское. Печатный орнамент почти совсем отсутствует на 2-й Андреевской стоянке, а чеканный и резной получают большое развитие.

Материал 1-й Андреевской стоянки, к сожалению, не может быть подвергнут статистической обработке по причинам, указанным в начале статьи, и потому мне приходится обосновывать свой вывод на менее прочном отрицательном моменте. На 2-й Андреевской стоянке, несмотря на большое разнообразие типов грузил, нет ни одного с двумя перекрещивающимися желобками, которые являются, несомненно, более поздними на стоянках Тюменского края; они в большом количестве найдены на 2-й Мысовской стоянке. На 1-й Андреевской стоянке грузила с двумя желобками уже употреблялись, хотя еще в небольшом количестве.

2-я Андреевская стоянка дала целый ряд предметов, связывающих ее со стоянками шигирской культуры. Помимо одношипных стрел и длинных грузил с острыми концами, которые известны также на 1-й Андреевской стоянке, здесь обнаружены и те орнаментальные элементы, которые до сих пор были известны и считались характерными исключительно для восточно-уральских стоянок (крестовый и струйчатый типы). Все эти факты позволяют предположить, что 2-я Андреевская стоянка относится к началу первого тысячелетия до н. эры.

Раскопки 2-й Андреевской стоянки дополняют и уточняют те наблюдения, которые были сделаны при предшествующих исследованиях. Новые данные о характере жилищ и поселений, многочисленные факты, доказывающие существование связи с шигирской культурой и, наконец, яркий материал, иллюстрирующий громадное развитие рыболовства, — все это очень важно для характеристики культуры тюменских стоянок.

Социальная структура общества, обитавшего на берегах Андреевского озера в начале первого тысячелетия до н. эры, может быть реконструирована лишь в самых общих чертах, поскольку археологический материал, относящийся к андреевской культуре в целом, еще далеко недостаточен. Известные нам стоянки этой культуры позволяют наметить довольно большую территорию распространения древнего рыболовно-охотничьего общества между течениями рек Туры и Исети¹. Все стоянки Тюменского края очень близки между собою, но они резко отличаются от синхроничных им стоянок соседней шигирской культуры как по форме отдельных бытовых предметов, так и по форме хозяйства. Такое резкое различие между крупными районами заставляет предполагать наличие объединения отдельных родов в племя, так как иначе оно трудно объяснимо. О том, что мы имеем здесь дело с родовой организацией общества, можно говорить на основе следующих заключений: 1) материал 2-й Андреевской и других стоянок доказывает, что ведущей отраслью производства было рыболовство и затем охота. За исключением собаки, никаких других домашних животных это общество не знало; 2) топография и характер

¹ Известия ГАИМК, в. 105 „Из истории родового общества на территории СССР“, стр. 183—185.

поселений, а также археологический материал 2-й Андреевской и других исследованных стоянок говорят о коллективной форме производства; 3) наличие на каждой стоянке разнообразных орудий, хотя бы и в незначительном количестве, своеобразии бытовых предметов не встречающихся за пределами территории, занимаемой изучаемым обществом, свидетельствуют о натуральном хозяйстве и об отсутствии обмена. Все эти признаки, к которым можно прибавить еще неолитический облик стоянок, очень характерны для обществ, находящихся на стадии материнского рода.

Население 2-й Андреевской стоянки составляло, вероятно, только часть рода, занимавшего более обширную территорию, чем одно небольшое поселение. Разведки, произведенные вокруг Андреевского озера П. А. Россомахиным, показали, что на его песчаных, слегка возвышенных берегах существовало еще несколько поселений, аналогичных 2-й Андреевской стоянке. П. А. Россомахин пришел к заключению, что стоянки расположены вокруг озера почти непрерывной полосой. Этот вывод несомненно преувеличен, так как находка отдельных фрагментов керамики и отдельных предметов не всегда служит доказательством того, что там были поселения. Сколько было этих стоянок и какие из них синхроничны друг другу, можно будет сказать только после дальнейших исследований берегов Андреевского озера; нет ничего невероятного в том, что некоторые из этих стоянок были одновременно со 2-й Андреевской стоянкой и служили местами поселений одного и того же рода.

Жилища, открытые на Липчинской и, особенно, на 2-й Андреевской стоянке, дают возможность более точно установить стадию общественного развития населения этих стоянок. Небольшие землянки, в которых могло поместиться 3—4 человека, позволяют предположить существование парной семьи, которая, по Энгельсу, возникает «на рубеже между дикостью и варварством, большей частью уже на высшей ступени дикости, в отдельных случаях только на низшей ступени варварства»¹.

Характеристика 2-й Андреевской стоянки, данная раньше, не только не противоречит, а наоборот, подтверждает правильность высказанного предположения. К сожалению, мы не имеем сейчас возможности проследить линию развития жилища у древних обитателей Тюменского края, так как пока землянки открыты только на двух стоянках. Землянка № 2 на Липчинской стоянке крупнее, чем землянки 2-й Андреевской стоянки, но является ли уменьшение жилища в более позднем поселении закономерным или случайным — сказать по одному только факту нельзя. Нам пока неизвестны ни более ранние поселения и жилища на данной территории, ни более поздние. Поэтому сейчас очень трудно осветить этот вопрос в исторической перспективе. Нужно надеяться, что дальнейшие археологические исследования в междуречьи Туры и Исети дадут материал к реконструкции предшествующей и последующей стадии развития древнего общества, обитавшего на территории Тюменского края.

¹ Ф. Энгельс — Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1937, Партиздат, стр. 50.

Л. А. ЕВТЮХОВА

К ВОПРОСУ О КАМЕННЫХ КУРГАНАХ НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в течение ряда лет под руководством С. В. Киселева производила раскопки в различных районах Минусинской котловины. Здесь исследовались многочисленные памятники, относящиеся к различным эпохам. В итоге собран материал для истории края за время бронзы и железа, позволяющий почти полностью сомкнуть древнейший период с событиями кануна русского завоевания.

В настоящее время накопленные материалы обрабатываются, учитывается и все сделанное экспедициями других учреждений, и в особенности большая и серьезно поставленная полевая работа Минусинского музея им. Мартьянова.

В настоящей статье говорится об изучении погребений, отмеченных на поверхности округлыми курганными насыпями, сложенными из обломков девонского плитняка.

Некоторые признаки и, прежде всего, единство керамики — наличие во всех погребениях так называемых «киргизских» ваз — высоких яйцевидных сосудов с хорошо отмоделированным горлом и плоским дном, сделанных из прекрасной, превратившейся в камень глины, позволяют объединить эти памятники в своеобразный комплекс. Это, однако, не значит, что все заключающееся в этом комплексе одновременно и однозначно.

Изучая постепенно собранные нами материалы, мы могли выделить среди них три группы, которые и попытаемся здесь охарактеризовать.

Первая представлена погребениями под маленькими (в 4—6 м диаметром) каменными курганчиками, незначительной (до 0,5 м) высоты.

Два таких кургана мы исследовали в 1936 г. в могильнике, расположенном на мысу над долиной р. Уйбата в 1,5 км к востоку от Уйбатского Чаатаса в окрестностях улуса Чиркова в Хакасии. Курганы этого типа отмечены здесь белым камнем, положенным в центре насыпи. Шесть аналогичных курганов, но без белого камня на вершине, в 1932 г. были раскопаны нами в двух, протянувшихся с С на Ю цепочках (4 и 5 курганов в каждой), у ВЮВ — скалистого мыса Георгиевской горы близ с. Тесь на р. Тубе в Минусинском районе.

Во всех случаях по удалении насыпи мы обнаружили одну или две,

а в одном случае даже три погребальные ямы неправильной круглой, овальной или подквадратной формы.

Сверху ямы были закрыты плохо сохранившимся накатом из тонких сосновых, лиственничных или березовых жердей.

Стенки ям были укреплены кольщиками, вбитыми почти вплотную друг к другу в дно могилы так, чтобы они подпирали землю. В одном случае кольщики были сильно обуглены.

Рис. 1. Погребение кургана № 2 с белым камнем на Уйбате

На грунтовом дне ям мы всегда обнаруживали одну и ту же картину, которая в Теси в ряде погребений была нарушена грабителями.

Обычно в одной или двух кучках лежали остатки пережженных костей человека. При каждой кучке стояло обособленной группой по несколько сосудов, и здесь же находились и другие вещи (рис. 1).

Всю остальную площадь, обычно ближе к восточной стенке, занимали кости животных. Прежде всего это были остатки тушек баранов, иногда их встречалось до шести штук. Ни разу не было найдено целого барана. Нигде не оказалось голов. Иногда не было таза и задних ног. Часто тушки были перерублены пополам и части их были положены отдельно. В трех случаях вместо баранов лежали только их передние и задние ноги. Как правило, тушки были ориентированы передом на восток с небольшим отклонением к северу или югу. Кроме этого, в одном случае встретилась положенная на шее двух бараньих костяков передняя нога коровы. Одно погребение,

правда, потревоженное грабителями, не имело совершенно каких-либо остатков животных.

В большинстве исследованных погребений трупосожжение было произведено где-то на стороне — в ямах лежали лишь выбранные из погребального костра остатки костей, и по особому ритуалу был расположен остальной инвентарь, не носивший на себе никаких следов действия огня.

Исключение составило лишь погребение в кургане № 6 из Теси. Здесь все стенки погребальной ямы были сильно прокалены под действием сильного жара. Почти целиком сгорели и подпиравшие стены бревнышки. Все дно было покрыто толстым слоем угля и золы, перемешанных с обуглившимися костями человека и может быть жертвенных животных. Здесь же попадались и отдельные, также перекаленные обломки хорошо выделанной «киргизской» вазы.

Вторым исключением является погребение № 2 в кургане № 2 близ Теси. Оно было открыто не под насыпью кургана, а под примыкавшей к его северной стороне плоской вымосткой из плиток, ограниченной по краям четырьмя плитами, врытыми на ребро. Расчистка здесь показала, что вертикальные плитки являются стенками каменного ящика длиной с ССЗ на ЮЮВ 1 м, шириной 0,5 м и глубиной 0,8 м. На глубине 0,15 м — 0,20 м ящик был закрыт двумя горизонтально положенными плитами. На грунтовом дне ящика оказался костяк ребенка лет 8, лежавший на спине, вытянуто, головой на ССЗ, с руками вытянутыми вдоль тела. По обеим сторонам головы ребенка стояло по горшку, совершенно аналогичному грубым сосудам основных погребений с сожжениями.

Кроме глиняной посуды в описываемых погребениях найдены лишь единичные вещи. Так в кургане № 1 Теси, среди жженных костей человека оказалась обоймочка из тонкой бронзовой пластинки, надетая на обломок деревянного предмета, может быть край сосуда. Здесь же был найден обломок бронзовой пластинки, вырезанной с одной стороны в виде головы животного (рис. 2). Эта находка весьма интересна.

Пластинка с головой животного — коня или лося — уже вторично находится в погребениях с «киргизскими» вазами¹. Таким образом устанавливается неслучайность их. В то же время они широко известны из погребений в подквадратных или кольцевидных плоских каменных насыпях, с погребальными масками, относящихся к таштыкской эпохе². Погребения эти также отличаются применением трупосожжения.

Антропологические определения говорят о смешанности физического типа таштыкского времени на Енисее. В более поздних каменных курганах с трупосожжением господствует уже один монголоидный тип. Таким образом намечается некоторая связь между двумя эпохами. Возможно, что традиция трупосожжения и наша находка

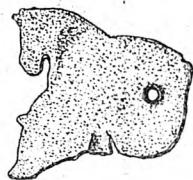

Рис. 2. Пластинка с головой животного

¹ Государственный этнографический музей в Ленинграде, коллекция предметов из „одиночных каменных курганов VII века н. эры“, исследованных близ Батеней, Хакаской автономной области.

² Киселев С. В., Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., т. IV, рис. 22, 33—48.

пластинки дает первые основания говорить и о преемственности культурного наследия от предшествующего таштыкского времени.

В кучках жженных костей, также были найдены железные наременные обоймы (к № 3, погребение III, в Теси) и наконечники ремня (курган № 1 с белым камнем на Уйбате). Последние из них несколько напоминают наконечники ремней курганов Алтая эпохи рунического письма (VI и следующие века).

Кроме того, в том же кургане № 1 оказался железный наконечник стрелы трехгранной, черешковый, но, к сожалению, не характерный для точного определения.

Посуда представлена тремя видами.

Прежде всего необходимо отметить найденную в кургане № 2 с белым камнем на Уйбате китайскую чашечку (рис. 3).

Снаружи она сплошь черная, внутри по черному фону красным нанесен орнамент. По стенкам это фестоны, на дне же прекрасная розетка. С наружной стороны дна имеется резная тамга в виде буквы С.

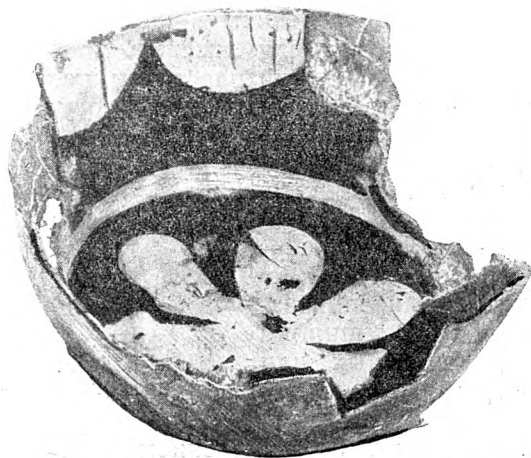

Рис. 3. Китайская лаковая чашка из кургана № 2 с белым камнем на Уйбате (1/2 н. в.)

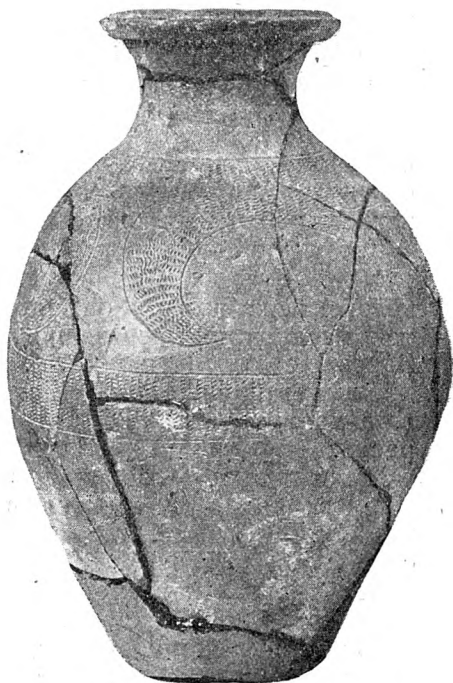

Рис. 4. Ваза с орнаментом из спиралевидных языков (1/4 н. в.)

Насколько мне известно, на Енисее, да и вообще в Советской Азии, это первая находка китайской лаковой чашечки в погребениях описываемого типа. На Алтае были находимы в обломках более древние лаковые сосудики старшей династии Хань. Близкая же нашей чашечке была найдена экспедицией Русского музея в погребении танского времени в северной части Тувинской народной республики.

Вторую группу посуды составляют так называемые «киргизские» вазы. Это, как уже говорилось, высокие яйцевидные вазы, с узким, хорошо отмоделированным горлом. Они сделаны из хорошо отмоленной глины, приобретающей при обжиге твердость камня. Лепка их производилась из спирально скручивавшейся ото дна глиняной ленты. Дно и горло прилеплялись отдельно. Весь сосуд в целом подвергался формовке на гончарном круге.

Большинство этих ваз орнаментировано идущим по основанию плечей широким поясом, составленным из елочных или квадратных вдавлений штампа. Одна ваза имеет на обычном месте пояс, но от него вниз по телу сосуда отходят спиралевидные языки, что придает вазе необычайно эффектный вид (курган № 3, погребение 1, с. Тесь) (рис. 4).

На днище одной из ваз имеется квадратное углубление, как бы от шипа в доске гончарного круга. На дне другой вазы отпечатались трещина в гончарном круге.

На вазе из кургана № 2 Теси в верхней части плечей имеется процарапанное клеймо, напоминающее перевернутую омегу (рис. 5), на другой вазе выцарапан знак (рис. 6), встречающийся на надмогильных камнях в рунических надписях¹.

Вазы были найдены почти во всех исследованных могилах. В трех погребениях было положено, даже по две (и у каждой из них кучка жженных костей).

В свое время было высказано предположение о завозном происхождении «киргизских» ваз, основанное на том, что они резко отличаются от остальной весьма грубой керамики, находимой вместе с ними, и на том, что они находятся также в Сев. Монголии.

Нам кажется мало вероятным такое допущение. Против этого говорит широкое распространение в Минусинском крае «киргизских» ваз. Они встречаются почти в каждом каменном кургане. Едва ли можно предположить в ту отдаленную эпоху по трудно проходимым дорогам-тропам из Монголии на Енисей массовый импорт такого громоздкого, тяжелого и хрупкого товара, каким являются эти вазы. Их отличие от всей остальной керамики скорее объясняется их особым назначением, а их сходство с монгольскими — близостью технических приемов, — достижения тесно связанных в культурном отношении районов.

Еще из прежних раскопок было известно, что «киргизские» вазы встречаются не только в описываемых погребениях, но и в курганах с орхоно-енисейскими руническими надписями. Это позволяет допустить связь между обеими группами памятников.

Из глины такого же высокого качества сделана и почти сферическая бутылочка с очень узким горлом, найденная в кургане № 3 погребения III Теси (рис. 7). Аналогию ей представляет бутылкообразный сосуд, найденный еще в раскопках 1894 г. в логе Джесос².

Остальная керамика низка и по качеству отягченной примесью дресвы глины, и по качеству обжига, не обеспечивающего ей прочности.

¹ Малов С. Е., Новые памятники с турецкими рунами (Язык и мышление, в. VI—VII), стр. 263, 264, 265, 266. Значение знака s или S.

² Хранятся в Гос. Историческом Музее. Ср. Адрианов А. В., Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924.

По форме здесь различаются вазы, подражающие стройным формам «киргизских», и банкообразные горшки. Особо следует отметить рюмковидный сосуд, весьма напоминающий сосуды на коническом поддоне конца тагарской и таштыкской эпохи. Может быть, это еще одно доказательство непосредственной связи погребений описываемого типа с таштыкскими.

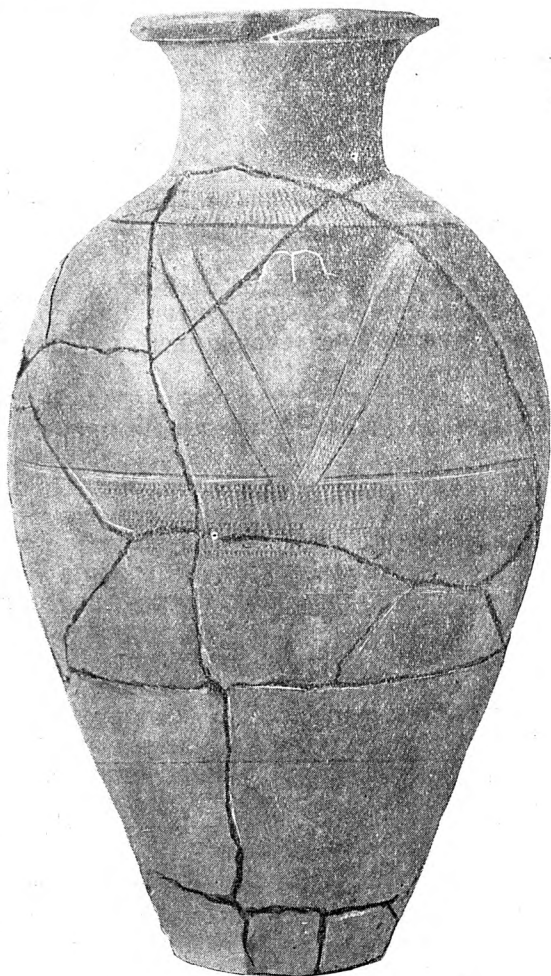

Рис. 5. Ваза с тамгой (1/4 н. в.)

При каждой кучке жженных костей ставилось по несколько сосудов этой группы, особенно горшков, и во всяком случае не менее двух.

* * *

Второй тип погребений под каменными курганчиками мы исследовали на территории так называемого Копенского Чаатаса, в двух километрах к западу от села Копены в Хакасии, на левом берегу реки Енисей. Большие каменные курганы, обставленные высокими камнями, протянулись здесь с севера на юг по вершине террасы. Все они носят следы грабительских раскопок, изменивших их первоначальную форму.

Рис. 6. Тамга на вазе

Ниже, к СВ от этих курганов, расположена вторая группа каменных насыпей, не обставленных плитами и отличающихся меньшими размерами, близкими к отмеченным для первого типа (диаметр 5,5—11 м, высота 0,3—0,8 м).

Мы раскопали здесь шесть курганов. Один из них был насыпан овальным в плане, остальные были округлые.

На всех насыпях были следы грабительских раскопок в виде воронкообразных углублений на вершине. При разборке насыпей ока-

залось, что под тремя из них (№ 2, 3 и 5) из более крупных обломков плитняка были выложены четырехугольники, № 2 — длиной с С на Ю 2,4 м, шириной 2,2 м, № 3 — длиной с ЗСЗ на ВЮВ 4 м, шириной 3 м, и № 5 — длиной с С на Ю 9 м, шириной 7 м.

Под пятью насыпями в центре оказалось по одной могильной яме; в № 5 — могильных ям было 2.

Рис. 7. Сферический сосуд (1/2 н. в.)

Все они были покрыты накатом из березовых бревен.

Лишь две ямы имели тот же вид, что и в курганах первого типа, это № 2 и № 5 погребения II. Они были квадратными в плане и ориентированы по странам света (размеры 0,95×0,95×0,45 м и 1,2×1,2×0,7).

Остальные в плане были вытянутыми четырехугольниками, как бы рассчитанными на обычное трупоположение.

Ориентировка их была различна

№ 1	длина с З	на В	2,1 м	ширина	1,25 м	глуб.	0,75 м
№ 3	„ „	ССЗ „	ЮЮВ	1,65 „	„	0,95 „	0,75 „
№ 4	„ „	З „	В	1,75 „	„	0,9 „	0,78 „
№ 5	„ „	С „	Ю	1,6 „	„	0,95 „	0,8 „
№ 6	„ „	С „	Ю	2 „	„	0,9 „	0,7 „

Весьма интересен случай совместного нахождения квадратной ямки с четырехугольной в кургане № 5, так как позволяет предполагать близость близость обоих типов.

Эта близость подчеркивается и обнаруженным обрядом погребения, правда, нарушенным кладоискателями.

Как в четырехугольных, так и в одной из квадратных (№ 5, 1) могил на грунтовом дне мы нашли обломки пережженных костей человека и при них сосуды и кости животных. Там, где последние не были раскиданы, оказалось, что клались части от нескольких (до

четырёх) баранов — отрубленные задние и передние ноги, спины, куски грудины. Кроме того, во втором погребении кургана № 5 были найдены 8 различных костей свиньи. Следует также отметить находку в засыпи грабительского хода кургана № 1 черепа лошади.

Так же как и в курганах первого типа, и здесь похороненный в кургане № 2 ребенок не был сожжен.

К сожалению, из-за грабителей из погребального инвентаря до нас дошли лишь обломки глиняных сосудов. Это уже известные нам грубые горшки и вазы и вместе с ними одна «киргизская» ваза из пре-красной тонко отмученной глины (курган № 1).

Подводя итоги исследованным двум типам каменных курганчиков, мы можем отметить следующее: они несомненно близки друг к другу. Это выражается не только в единстве обряда погребения и полной аналогичностью керамического материала, но и наличием квадратной и четырехугольной могилы под одной насыпью. Вместе с тем бросается в глаза, что курганы с квадратными могилами в массе оказались неграбленными, тогда как четырехугольные, удлиненные, все были посещены кладоискателями. Повидимому, различие формы могилы соответствует и различию в богатстве инвентаря. Очевидно в четырехугольных было что искать. Если же это так, то нет оснований видеть в разнице формы могильной ямы в обоих группах показателя хронологического различия. Скорее здесь мы имеем отражение внутренних причин одной эпохи.

* * *

Третий тип представляют большие каменные курганы, раскопанные нами в 1936 г. на Уйбатском Чаатасе.

Эти крупные каменные курганы протянулись на север от огромного земляного кургана, раскопанного в 1889 и 1890 гг. Д. Клеменцом¹. В большинстве случаев они расположены парами с запада на восток, иногда настолько тесно, что сливаются друг с другом. Вокруг них рытвины, отвалы, а с восточной стороны располагаются могилки, отмеченные на поверхности кольцом или небольшой насыпью из камней. Всего в этой самой восточной цепочке Чаатаса мы насчитали 16 насыпей (кроме них в этом могильнике есть еще две цепочки в 20 и 7 каменных курганов)².

Они в плане — округлой или подчетырёхугольной формы. Насыпи их состоят из большого количества крупных и мелких обломков плитняка девонского песчаника. Их окружают расположенные четырёхугольником, врытые вертикально, но далеко не так прямо и аккурратно, как это мы имеем на тагарских курганах, каменные плиты и столбы. Какой-либо закономерности в их числе не замечается. Придерживались, но далеко не всегда, только ориентировки плит узкими гранями на восток и на запад. Эти плиты и столбы для окружения насыпей свозились отовсюду и в том числе с тагарских курганов. Таким был, например, столб на южной стороне

¹ Отчет Археологической комиссии за 1889 г., стр. 6. Общие результаты работ 1890 г. не напечатаны, но отчет о них хранится в Архиве ИИМК Акад. Наук СССР.

² Детальное описание всех памятников, входящих состав Уйбатского Чаатаса, и сводный отчет о всех произведенных нами работах будет издан особо.

Для предварительной ориентировки можно пользоваться схематическим планом и описанием Аспелина — см. Briefe und Bildermaterial von I. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887 — 1889. Helsingfors, 1931.

раскопанного нами кургана № 1, на южной грани которого еще в раннее тагарское время были нанесены изображения людей и оленя. Последний с ветвистыми рогами и типичной для тагарского писаничного искусства трактовкой бедер в виде спирали. Однако при установке этого столба на новом месте изображением совершенно не интересовались и он был выг... нижней частью вверх, так что все изображения оказались перевернутыми вверх ногами.

Несомненно также и то, что часть стел были взяты с известного ряда камней, протянувшихся вдоль западной стороны Клеменцовского кургана. При раскопках в 1936 г. С. В. Киселев выяснил, что этот ряд был построен в таштыкское время.

У каменных курганов ставились также и карасукские изваяния, врытые в землю, как попало, без соблюдения однообразной ориентировки высеченных на них изображений человеческого лица.

Все каменные курганы имели на насыпи следы грабительских раскопок в виде траншеек и рытвин. Один из них, предпоследний с севера, был раскопан четырехугольным колодцем экспедицией Гос. Русского музея. Мы раскопали здесь три каменных кургана (№ 1, 2 и 3) и две каменных могилы из расположенных к востоку от двух больших курганов (каменные могилки № 1 и 2).

В современном виде крупные каменные курганы имели в плане неправильную округлую форму (высота 1—0,75 м, диаметр — 12—14 м). Однако раскопками было установлено, что это является результатом разрушения, особенно кладонискательского, а первоначально насыпи курганов были сложены из плиток правильной кладкой и имели вид квадратной «плиты», помещавшейся внутри четырехугольника, образованного каменными стелами.

Особенностью двух курганов (№ 2 и 3) явилось наличие у них с западной, а у № 3 с северной сторон, валообразных окаймлений из плитняка, сделанных сейчас же за линией стел.

Раскопки этих валов обнаружили под ними до 2—3 небольших ямок, заполненных обожженными костями с углями.

В одной северной ямке вала кургана № 2 были найдены обломки грубого горшка и «киргизской» вазы.

Под насыпями курганов, в центральной части было открыто по одной могильной яме подчетырехугольной формы, длиной с С на Ю до 2,8 м, при ширине до 2,4 м и глубиной до 1 м 20 см. Ямы первоначально были покрыты накатом из березовых бревен, целиком уничтоженным грабителями. Остались следы березовых столбиков, укреплявших, как и в курганах с белым камнем, стенки ямы.

В заполнявшей ямы земле с плитняком находились обломки «киргизских» ваз и кости разрушенных скелетов; весьма плохой сохранности. Их подсчет позволяет предполагать для кургана № 2 и № 3 парные погребения мужчины и женщины. Кроме обломков посуды и засыпи могилы кургана № 1 была найдена пряжка, а в кургане № 2 оковка-бубенчик (треугольная, скругленная сверху).

Особо следует отметить находку случайно ускользнувшего от внимания грабителей склада оружия в кургане № 1. Здесь под насыпью с южной и северной сторон могильной ямы оказались два кострища. Рядом с северным кострищем, на нижнем ряде плит, лежали: пара железных согнутых стремян с прорезным овальным подножьем и плоской квадратной петлей (рис. 8), удила железные, с эсовидными

псалями, украшенными головками баранчиков (рис. 9), плоские и трехгранные шипастые железные стрелы (последний тип из довольно ранних впервые встречается еще в Ишимском кладе, отличающемся сильным таштыкским влиянием), долото, нож и обломки от оковки седла.

Наконец, следует отметить находку в кургане № 2 обломка сосуда, с надписью тамгаобразными знаками на стенке. Эта находка интересна в связи с тем, что на ЮЗ стеле этого кургана также имеется надпись тамгаобразными и, по мнению С. В. Киселева, повидимому, доорхонскими знаками. Однако в эпоху исследуемых курганов орхоно-енисейская письменность уже существовала: на каменном столбе, стоящем у середины северной стенки кургана № 1, была надпись, от которой уцелели лишь две руны.

В связи с этим вопросом мы приняли меры к выяснению места, где была найдена экспедицией Русского музея серебряная чашка с орхонской надписью на дне¹ (архив этой экспедиции, к сожалению, утрачен). Все опрошенные нами хакасы, очевидцы раскопок, указали на единственный раскопанный в том же ряду, что и наши, курган, который расположен рядом с нашим № 3.

Таким образом связь орхоно-енисейской письменности с крупными каменными курганами Уйбатского Чаатаса устанавливается совершенно точно. Здесь следует напомнить, что к такому же выводу можно было прийти и в отношении аналогичных курганов Чаатаса около Соляного завода на озере Кызыл-куль «за рекой Ташебой».

Богатые каменные курганы, окруженные стелами с напыщенными эпитафиями, сопровождалась каждый одной могилкой с восточной стороны. Одна (№ 2) оказалась целиком разрушенной. В другой (№ 1) при кургане № 1 в неглубокой четырехугольной яме лежал также потревоженный костяк взрослого мужчины головой на восток. Вещей при нем найдено не было. Может быть это был раб, сопровождавший своего хозяина?

* * *

В заключение описания попытаюсь подвести некоторые итоги.

Не подлежит никакому сомнению, что все рассмотренные нами типы курганов весьма близки друг к другу. Однако весьма заметны и различия между ними, особенно в обряде погребения — трупосожжения у первых двух и трупоположение у третьего. Поэтому следует внимательнее выяснить причины их своеобразия.

Пока мы имеем определенно устанавливающиеся два факта. Первое — связь между нашими мелкими курганчиками с трупосожжениями и погребениями таштыкской эпохи, обоснованную близостью погребальной обрядовости² и нахождением типично таштыкских предметов (медных пластинок с головками животных, рюмковидных сосудов).

На основании вновь найденных нашими экспедициями материалов можно считать III—IV века нашей эры крайней датой таштыкской эпохи.

Второе — это постоянная связь больших курганов с трупоположением с орхоно-енисейской письменностью. Последняя вполне опре-

¹ Хранится в Гос. этнографическом музее в Ленинграде.

² В 1936 г. нашей экспедицией открыты позднее-таштыкские погребения, по обряду почти полностью совпадающие с описанными здесь первого типа.

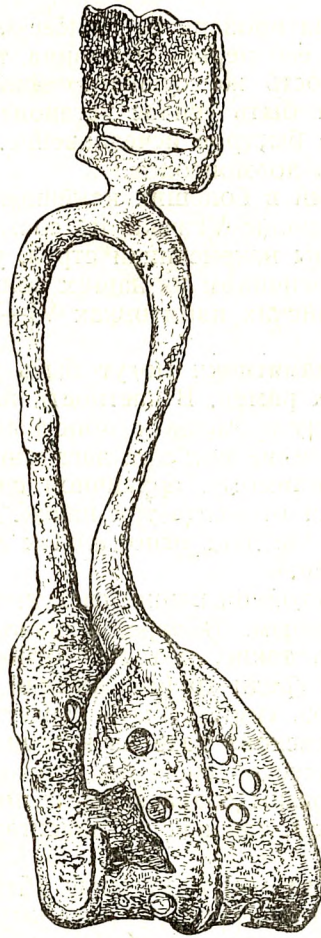

Рис. 8. Железное стремя (1/4 н. в.)

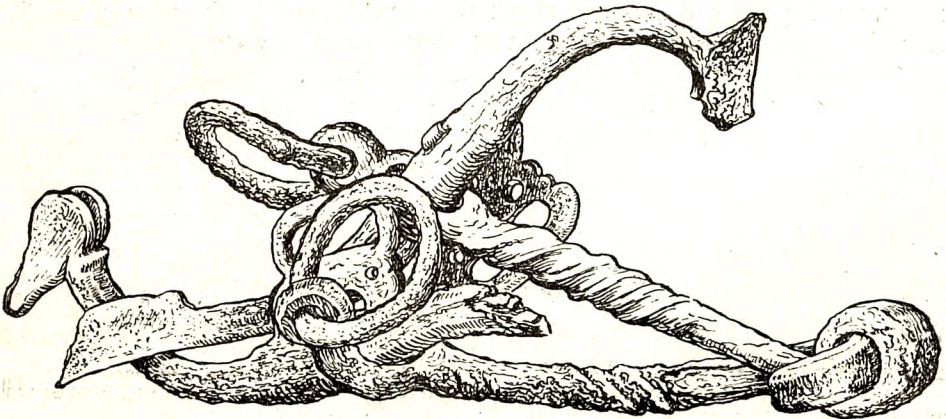

Рис. 9. Железные удила (1/2 н. в.)

деленно может быть датирована на Енисее лишь VII веком нашей эры (VI век, особенно его первая половина, может быть принят как допущение). Длительность же существования на Енисее орхонской руники едва ли может быть сейчас установлена, нет никаких оснований предполагать ее быстрое исчезновение. Вполне возможно, что она здесь применялась до монголов.

Инвентарь, находимый в больших каменных курганах, также относится ко времени не раньше VI века, но составлен из вещей, бытующих до IX века (таковы наконечники стрел, удила, стремена, медная пряжка и бляшка с бубенчиком из наших больших курганов, находящая аналогии и в алтайских памятниках VI—VIII веков¹ и в венгерских той же эпохи²).

Однако отдельные памятники могут быть распределены и внутри таких хронологических рамок. В частности наши три кургана должны относиться к раннему времени распространения рунического письма. За это говорит наличие при них загадочных надписей из тамгаобразных знаков, повидимому, архаичной системы. Но даже и эта поправка, позволяющая отнести три наших кургана к раннему времени их эпохи, все же не дает оснований к синхронизации I, II и III типов каменных курганов.

При современном состоянии наших сведений большего отметить не представляется возможным. Вполне, однако, вероятно, что среди курганов III типа есть такие, которые относятся к доруническому времени IV—V века, а среди трупосожжений и такие, которые были сооружены в VI—VII вв. (может быть отчасти на это указывает наличие на одной «киргизской» вазе из курганчика с трупосожжением около Теси тамги рунической системы). Также вполне возможно, что большие каменные курганы создавались и позднее во время господства погребений с конем, так как их инвентарь этому не противоречит.

Не противоречит этому и историческая обстановка. В это время на Енисее мы имеем кыргызов и их мощную кыргызскую аристократию, которая, будучи так традиционна в рунических эпитафиях, вряд ли имела основания к перемене погребальной обрядности. Вернее приходится думать, что сохранялся особый обряд аристократических похорон, отличающийся от применявшегося остальным населением. Такое наличие двух форм кыргызской погребальной обрядности не будет при этом неожиданным, так как ясно прослеживается еще с тагарской эпохи.

¹ Киселев С. В., Саяно-алтайская археологическая экспедиция 1935 г., Советская археология, т. I, стр. 282 и сл.

² Harnpel I., Altertümer des früher Mittelalters in Ungarn, Bd. II, S. 148—150, 229—230, 236—237, 246, 263—264, 293—294, 314, 345, 795—798, 842.

К ВОПРОСУ О ЮХНОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Юхновское городище на Десне является чрезвычайно любопытным памятником, могущим послужить темой обширной работы: его всестороннее исследование, как и ряда других черниговских городищ, доставило бы много материала и, возможно, осветило бы ряд недостаточно ясных еще вопросов, как, например, вопрос о взаимоотношениях племен юга с севером и северо-востоком хотя бы для определенного периода времени, нескольких веков до нашей эры. Возможно, что разрешение этих проблем пришлось бы связать с исследованием этого любопытного памятника. Но моею целью является, основываясь на раскопках и работах проф. Д. Я. Самоквасова, дать только обзор городища и найденного на нем материала, хранящегося в настоящее время в Государственном Историческом Музее в Москве, и на основании этого очень небольшого, но интересного материала сделать некоторые, предварительного характера, выводы. Самоквасов посвятил много времени исследованию городищ вообще. Изучению только внешних форм городищ было посвящено им два года, 1871 и 1872. Работы же на Юхновском городище падают на 1873 и 1876 гг. При этом в одной из своих работ Самоквасов сам замечает, что до конца им в сущности не было исследовано ни одно городище; повидимому, и Юхновское городище приходится отнести под рубрику до конца не раскопанных. Сведения об этом городище разбросаны по разным работам Самоквасова и наиболее полны даны в его «Описании археологических раскопок» в «Могилах русской земли» (М., 1908 г.).

Юхновское городище расположено на правом, высоком берегу р. Десны в одной версте от деревни Юхново близ Новгородсеверска в бывшем Новгородсеверском у. Черниговской губ. Городище, по Самоквасову, состоит из двух площадок («городков») овальной формы, отделенных друг от друга оврагом, приблизительно аршин в 50 ширины, и окружено оврагами и крутым спуском, к Десне, вернее к ее старому руслу (современное русло находится в одной версте, в стороне); и лишь с запада и северо-запада городище примыкает к полю, от которого в свое время оно было отделено валом и рвом. Многолетняя распахка поверхности городища привела к тому, что в настоящее время ров и вал мало заметны. Вал этот состоит из тех же меловых пород, что залегают в окрестности. Вход на городище

находился со стороны, примыкающей к полю. Площадки городищ имеют несколько вытянутую, овальную форму и почти равны; каждая около 350 шагов в окружности; поверхность их ровная.

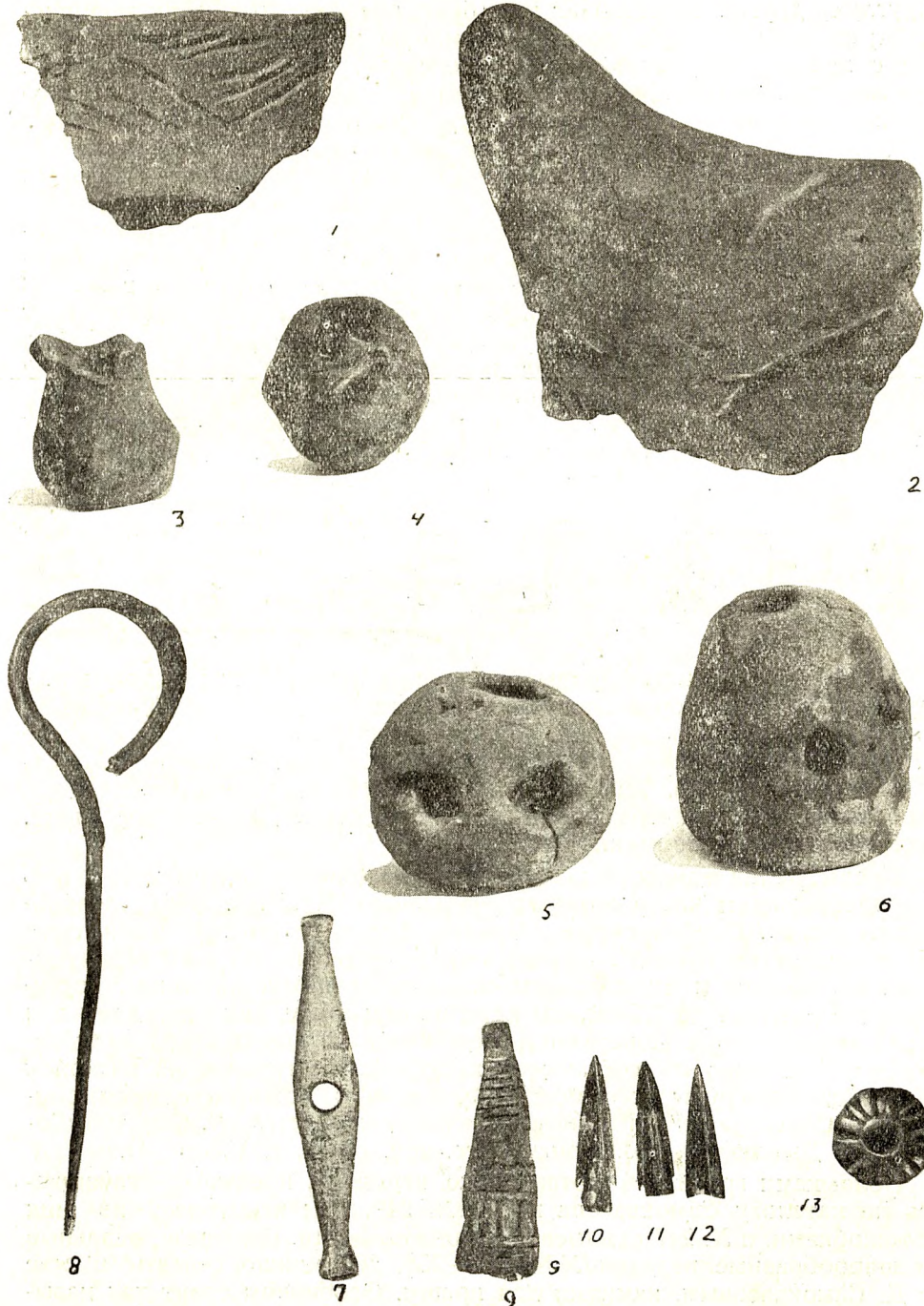
До раскопок на поверхности городища, при распашке, в большом числе находили черепки глиняных сосудов грубой работы, кости животных и битый булыжник. По донесению волостного правления в начале XIX столетия на городище были найдены серебряные и золотые обручи, проданные нашедшим их крестьянином стоявшим на постое в этих местах донским казакам.

Раскопки велись двумя траншеями размером в 4½ сажени в длину и до трех сажени в ширину каждая, с закладкой нескольких пробных ям в разных местах городища. О том, где были найдены те или другие вещи, у нас сведений нет, за исключением указания на то, что четыре бронзовых наконечника стрел, булавка, обломок браслета, бусина, бляшка, обломок рога и фрагменты сосудов были найдены на поверхности почвы до раскопок. Раскапывавшийся слой состоял из земли, пепла, угля, костей животных, речных раковин и обломков сосудов.

Коллекция предметов с Юхновского городища в каталоге Самоквасова («Основания хронологической классификации») значителен под №№ 244 по 300 и расположена на 6 отдельных планшетах (№№ 54—59); она состоит из предметов из глины, кости, камня и металла (бронзы). Что же касается большого количества обломков сосудов и костей животных, о которых говорит Самоквасов, то они в эту коллекцию не попали, кроме четырех обломков сосудов. Для удобства рассмотрения мы сгруппируем предметы по признаку материала, из которого они изготовлены.

1. Предметы из глины. Обломки сосудов (по каталогу № 286). Все четыре черепка грубой работы от руки. Обжиг слабый и неравномерный. Незначительный размер обломков не позволяет составить сколько-нибудь верного представления о форме сосудов. Три из черепков серой глины, с примесью толченой раковины и с орнаментом в виде рубцов по краю; один из них, кроме того, сохранил часть шнурового орнамента, другой снабжен сквозными отверстиями у края. Мотивы орнаментации скорее свойственны дяковскому северу и северо-востоку. Любопытен один обломок сосуда, из красной глины; размер этого обломка равняется 5×3 см; так же как и три предыдущие сосуда, он имеет слабый обжиг и был сделан от руки; орнамент, расположенный на нем по краю, состоит из грубо процарапанных и заштрихованных треугольников. Это сближает наш обломок с керамикой эпохи бронзы. Может быть, мы здесь имеем дело с пережитком в орнаменте, бытующем у местного населения в течение долгого времени. Как было уже замечено, о форме сосудов говорить затруднительно ввиду незначительной величины обломков. В трех случаях можно говорить об отогнутом бортике. Возможно, что сосуды эти имели баночную форму и приближались к подобным сосудам Бельского городища.

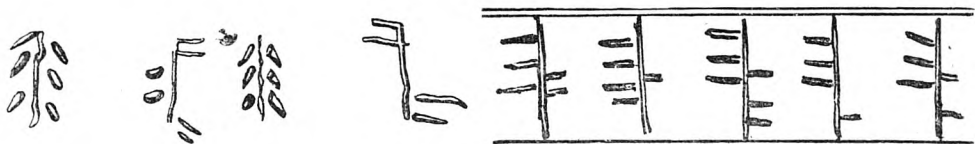
Другую группу предметов из глины образуют так называемые пряслица, в числе 24 штук (по каталогу Самоквасова №№ 244—246, 267—87, планшеты 54 и 59). Различные по форме и величине, одни из них, вероятно, действительно являлись пряслицами, в других же скорее можно видеть грузила. Одни из них

Предметы из Юхновского городища:

1—Обломок сосуда.	8—Булавка.
2—Обломок рогатого „кирпича“.	9—Ослонек браслета.
3-4—Пряслица.	10-12—Наконечники стрел.
5-6—Грузила.	13—Бляшка.
7—Костяная застежка.	

круглые, другие конические или биконические, третьи цилиндрические; форма некоторых скорее напоминает маленькие сосудики, только с продольным отверстием по середине. Поверхность некоторых из этих предметов покрыта орнаментом. В двух случаях это просто расположенные крестообразно вокруг отверстия линии; подобный узор встречается довольно часто на предметах этого рода. В другом случае мы имеем узор из чередующихся углубленных вертикальных и горизонтальных линий. Предмет № 289 имеет узор из углубленных точек, другой из черточек; углубленная вокруг отверстий часть третьего предмета имеет орнамент в виде двух треугольников, заполненных точками. Но особенный интерес представляют предмет № 288 (высота 4 см) и пряслице № 287. На предмете № 288 узор состоит из елочек, чередующихся со значком в виде вертикальной линии с отходящими от нее у концов в разные стороны двумя короткими штрихами. На верхней части пряслица № 287 (высота его 3 см) находится тот же орнамент, но число коротких штрихов, отходящих от вертикальной линии, различно (2—3) (см. рисунок).

Несколько вытянутая форма некоторых из этих предметов, напоминающих миниатюрные сосудики, имеет аналогию в подобных изделиях Дьякова городища близ Москвы (см. табл. XXV, рис. 16, в статье В. И. Сизова «Дьяково городище, близ Москвы». Труды 9-го Археологического съезда, 1893 г., т. II). Орнамент из углубленных точек, достаточно часто встречающийся на предметах Дьякова городища, встречен и на юхновских вещах.

Предметы из глины в коллекции с Юхновского городища очень разнообразны и часто находят себе аналогии в предметах дьяковского севера. Особенно разнообразны формы грузил. О назначении этих предметов трудно говорить определенно, но, по всей вероятности, конические и продолговато-овальные изделия из глины, достигающие размера до 7,3 см, служили не чем иным, как грузилами для рыболовных сетей. Поверхность некоторых из них покрыта углублениями. Аналогу им составляют подобные же грузила из раскопок Бобринского в курганах у мест. Смелы и, быть может, предметы, описанные Спициным и найденные в Дольцах на Оке (А. А. Спицын «Городища Дьякова типа», Записки Рус. арх. об-ва, т. V, стр. 4).

Обломками грузил являются также, вероятно, предметы, значащиеся по каталогу Самоквасова под №№ 249, 247; некоторые из них с желобками, а № 247 орнаментирован зарубками. Глиняные, овальные и шарообразные изделия №№ 256—258, 260 можно считать, вместе с Д. Самоквасовым, камнями для пращи. Особняком стоит так называемый рогатый кирпич (№ 250, размер обломка 7,5 см). Сделанный из красной глины отросток (рог) сильно выдается, образуя крутую дугу без желобка. К сожалению, мы имеем только обломок верхней части одной из сторон. Отверстие также не сохранилось. Район распространения таких кирпичей очень широк. Они встречаются от Оки до Краснодара.

Бус только две. Первая представлена половиной глазированной бусины круглой формы, желтого цвета с синими глазками по белому фону; подобные бусы довольно часто встречаются среди скифских комплексов; есть они и в материале из раскопок того же Д. Самоквасова, в аксютинских курганах, среди материала, добытого Линниченко в Сурмачевке и других местах; подобная находка ценна, как датирующий материал. Другая бусина — маленькая, серая, овальной формы, подобна бусам, найденным на Бельском городище.

2. Следующий раздел составляют предметы из кости: шилья, иглы, всевозможные проколки и просто заостренные кости (каталог №№ 279, 280, 281). Уже при поверхностном рассмотрении бросается в глаза сходство их с многочисленными костяными изделиями Дьякова городища и с аналогичными предметами из так называемых вятских «костеносных городищ».

Иглы и проколки Дьякова городища совершенно аналогичны иглам и проколкам Юхновского городища (№ 284).

Костяная полая внутри рукоять также имеет аналогию в коллекции предметов с Дьякова городища.

Кроме перечисленных предметов из кости, интерес представляют хорошо обработанный костяной предмет, сужающийся к концам, с круглым отверстием посередине, очевидно застежка, и тонкая костяная пластина № 253, с круглым отверстием у края; аналогию первой составляют довольно многочисленными, но несколько иной формы костяные застежки Бельского городища.

К разделу изделий из кости примыкают предметы из рога, нечто вроде кирки (№ 276) и несколько обрубков рога со следами обработки.

3. Изделия из раковин представлены просверленной морской раковиной.

4. К группе предметов из камня относятся прежде всего так называемые каменные куранты разной формы; следуя установившейся традиции, те из них, которые имеют неправильную форму и плоские бока, следует причислить к зернотеркам; круглые же скорее всего можно считать метательными камнями. Подобные каменные куранты довольно многочисленны в Бельском городище.

Грузилом для рыболовной сети может считаться неправильной формы камень (№ 271) с желобком посередине для подвешивания.

К этому же разделу примыкает несколько кремневых осколков. Подобное совместное нахождение предметов из кремня с комплексами значительно более позднего материала довольно обычно.

5. Предметы из металла немногочисленны. Это:

Бронзовые наконечники стрел (№ 295), втульчатые трехгранные, поздней, характерной для III века формы.

Обломок, по всей вероятности, браслета из бронзовой пластины с рубчатым узором на поверхности; орнамент его характерен для позднего времени, но нельзя упускать из вида, что он был найден на поверхности.

Бронзовая булавка в виде заостренного стержня с загнутым в петлю другим концом, имеет аналогию в железной булавке, найденной при раскопках старшего Каширского городища В. А. Городцовым; аналогичные формы булавок из бронзы мы имеем также в материале из раскопок Булычева в с. Гремячем.

Бляшка круглая, с остатком петли на обратной стороне (№ 300, длина 1,7 см); поверхность ее орнаментирована в виде розетки; совершенно аналогичная бляшка находится в коллекциях Гос. Исторического Музея из раскопок курганов скифосарматской эпохи Зарецким в Лихачевке, в быв. Харьковской губ., сходные, орнаментированные в виде розеток, бляхи имеются также среди золотых бляшек скифских курганов IV—III в. до н. эры. (Древности Геродотовой Скифии, в. I, атлас, табл. IX, СПб, 1866 г.).

Переходя к выводам, следует поставить вопрос о сходстве вещевого комплекса Юхновского городища с предметами более северных и северо-восточных городищ, с одной стороны, и с памятниками юга — с другой. Несомненно, что существовала связь между этими культурами. Впрочем, уже самое положение городища на берегу реки Десны может наводить на мысль о взаимоотношениях и обмене. Наличие среди материала с Юхновского городища морской раковины, наличие общих мотивов в орнаментике предметов, несомненная близость других предметов с подобными предметами северных и северо-восточных культур свидетельствуют в пользу такого предположения.

По некоторым предметам и мотивам орнаментации можно также сближать Юхновское городище с городищами скифского типа, в частности с Бельским городищем. Может быть о Юхновском городище можно говорить как о пограничном пункте между двумя культурами севера и юга.

Небезынтересен и такой факт, как большое количество городищ в этом районе. Самоквасов в своей работе «Древние города России» (СПб, 1873 г.) говорит о большом количестве городищ по Десне, расположенных на расстоянии до двух верст одно от другого. Для одной быв. Черниговской губ. он насчитывает, таким образом, до 150 городищ. Конечно, далеко не все эти городища одновременны, но их тщательное исследование дало бы очень много. Что касается времени Юхновского городища, то, исходя из формы бронзовых наконечников стрел III века и желтой с синими глазками бусины IV века, можно относить время существования Юхновского городища к четвертому — третьему столетиям до нашей эры.

ПРИКАМЬЕ В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ НАШЕЙ ЭРЫ

Западное Приуралье — одна из немногих областей нашего государства, где еще в дореволюционное время развернулись значительные археологические работы. Еще тогда помимо Петербурга исследовательская работа шла в Казани, Вятке и Перми¹. Накопленный большой материал дал возможность еще в то время приступить к сводным работам с историческими выводами. К этому толкало еще и то, что в Прикамье существовало Болгарское царство — один из культурных центров Восточной Европы. Там же в Приуралье искали богатую Биармию, воспетую в норвежских сказаниях.

Археологические работы очень скоро привели к открытию одного замечательного памятника эпохи раннего железа, Ананьинского могильника, который надолго приковал к себе внимание исследователей и дал свое имя целой эпохе.

Над этим материалом много и усердно работало большое число исследователей. Я не стану останавливаться на критическом разборе этих работ, так как эта задача выполнена ныне покойным исследователем Приуралья А. В. Шмидтом².

Древняя история западного Приуралья разработана на основе суммирования источников археологических и этнографических А. В. Шмидтом. Им разобран материал, относящийся к материнскому и отцовскому роду, характеризующемуся данными ананьинской культуры³. Последующая эпоха от времени ананьинской культуры до времени образования феодальных государств осталась мало изученной. Между тем эта эпоха весьма интересна, и уже накопленный материал показывает, что в первом тысячелетии нашей эры наметился ряд районов с особым хозяйственным укладом. В эту эпоху определились районы, в которых процесс развития пошел быстрее; но в некоторых районах трудно заметить по археологическому материалу какие-либо серьезные сдвиги. В этом отношении были высказаны две точки зрения. Мартынов полагал, что в первые века второго тысячелетия у удмуртов уже сложился феодальный строй. Покойный же А. В. Шмидт последовательно придерживался в ряде работ до конца своей жизни

¹ Здесь, как и ниже, см. соответственно номер в приложенной в конце статьи библиографии.

отрицания туземных феодальных княжеств. В своем последнем отчете о работе экспедиции на строительстве пермской гидроэлектрической станции он пишет: «В настоящее время существует склонность считать памятники Кировского (Вятского), Удмуртского и Пермского края X—XIII вв. оставленными феодальным обществом. Изыскания экспедиции не дали никаких данных в пользу этой точки зрения. Наоборот, отсутствие особых замков на городищах, относительно однообразный характер таких предметов домашнего пользования, как посуда и т. п., говорит как будто за то, что процесс общественного расслоения еще не привел к созданию классовых группировок, хотя этот момент и был уже недалек»⁴. Такая неопределенность положения побуждает к разработке материала этой безусловно интересной эпохи, являющейся эпилогом большого исторического отрезка — периода первобытной общины.

Эпоха, начиная со времени ананьинской культуры, времени, когда окончательно сложился отцовский род, до времени возникновения феодальных княжеств представляет единое целое, и поэтому я считаю нужным дать краткий анализ некоторых материалов ананьинской культуры, тем более что и в этом вопросе мы не имеем твердо установленных взглядов.

Область распространения памятников так называемой ананьинской культуры занимает нижнее течение реки Камы, течение реки Вятки до впадения реки Пижмы, среднее течение реки Камы (где мы имеем помимо городищ и стоянок крупнейшее жертвенное место этой эпохи — Гляденовское костыще) и область реки Чусовой. Отдельные находки предметов этой культуры встречены в Удмуртской республике в районе северней Ижевска. К югу область распространения вещей ананьинского типа можно продолжить на левый берег реки Камы не далее устья реки Белой. Я думаю, что отдельные находки бронзовых предметов, встречаемые на значительном расстоянии от Камы, не могут говорить о распространении этой культуры, так как отдельные бронзовые вещи могли попасть туда в результате обмена. Точно так же нет оснований для включения бассейна реки Белой в территорию распространения этой же культуры только на основании находки на городище Кара-Абыз кельта ананьинского типа⁵. Здесь нужно учесть, что вся керамика городищ реки Белой совершенно иная. Керамики, характерной для Ананьинского могильника и костеносных городищ, там нет⁶. Уфимский могильник, исследованный проф. В. В. Гольмстен, дал несколько иную картину, чем та, которую мы наблюдаем в погребениях ананьинской и пьяноборской культур. Сближают эти могильники только вещи, общие для этого времени: скифские стрелы и предметы звериного стиля⁷.

Одним из самых спорных вопросов при изучении ананьинской культуры является вопрос о роли скотоводства в хозяйстве края. Точка зрения, выдвинутая в свое время проф. А. А. Спицыным и П. А. Пономаревым, о том, что охота являлась основным занятием населения, а роль скотоводства была ничтожна, точка зрения, в последнее время поддержанная и Л. И. Вараксиной⁸, встретила возражения со стороны сторонников другого взгляда, признающего приоритет за скотоводством. Этот взгляд, основанный на материалах Пижемского городища, был высказан впервые А. В. Збруевой и А. В. Шмидтом⁹. Последний считает, что скотоводство возникло в Прикамье задолго до

ананьинской эпохи, во втором тысячелетии до н. эры. «Уровень развития производительных сил и известная степень оседлости в эпоху Карташихи, — пишет он, — создали условия для возникновения и другой более высокой формы добывания пищи. Находки многочисленных костей домашних животных: быка, свиньи, овцы, и даже лошади — на стоянках около Отар, коровы, овцы, свиньи, лошади (Табаево), — неопровержимо доказывают роль скотоводства. Приручение домашних животных имело место если не в эту эпоху, то очень незадолго до нее. Во всяком случае, пока неизвестны более древние следы скотоводства в крае. Ряд животных мог быть приручен на месте, в частности свинья, корова. Вопрос о приручении овцы остается открытым. Присутствие костей лошади в столь ранних памятниках довольно неожиданно. Если кости действительно принадлежат домашней лошади, а не дикой, то дату приручения лошади на северо-востоке Европы придется отнести во всяком случае глубоко во II тысячелетие до н. э.»

К сожалению, автор совсем не остановился на разборе материала и ничем не аргументировал датировку памятников. Если же мы обратимся к этому вопросу, то придется значительно понизить выставленную дату. Стоянка у селения Кокшайского¹⁰, Займищевская, у озера Вороний куст¹¹, Отары — Балымская¹², Карташихинская, Табаевская и др.¹³ дают материал частью подъемный, частью покупной, а частью полученный из рекогносцировочных раскопок. Все эти стоянки довольно однообразны. На них встречено большое число полированных орудий, кремневых стрел, копыя, скребки и керамика. Среди кремневых орудий заслуживают быть отмеченными наконечники стрел, аналогичные найденным в Сейменском могильнике. Керамика, однообразная по орнаментике, имеет аналогии в керамике Галической стоянки, в керамике береговой стоянки Горбуновского торфяника, Сейменского могильника, Ванвиздинской стоянки, стоянки на реке Юг близ Костромы и младшего Волосовского могильника. Таким образом с наибольшей долей вероятности все эти памятники придется датировать временем конца второго начала первого тысячелетия до н. эры.

В это время произошло впервые приручение домашних животных. Многочисленные и случайные находки костей домашних животных еще не дают никакого основания судить об удельном весе скотоводства в ту эпоху. Во всяком случае доводы, приведенные автором, еще не позволяют нам придавать скотоводству большое значение. Точно так же коллекции абашевской культуры не дали еще достаточного материала по этому вопросу. Выступая против точки зрения А. П. Пономарева, А. А. Спицына, автор в полемике несколько перегнул палку, придав скотоводству с самого начала большее значение, чем охоте. Но безусловно все основные формы хозяйства, получившие дальнейшее развитие в ананьинскую эпоху, возникли уже на рубеже второго и первого тысячелетия до н. эры.

Это развитие хозяйства в Прикамье привело к возникновению укрепленных поселков. Все они, как обычно для городищ этого времени, располагаются на малодоступных местах и защищены оврагами, а с напольной стороны рвом и валом, от 3 до 4,5 м высоты. Городища невелики. Их площадь равняется в среднем 2500 — 3000 кв. метров. В эпоху Ананьина, особенно в раннюю ее пору, укрепленные деревни не были господствующей формой поселений. Наряду с ними продол-

жали существовать открытые стоянки. Таковы, например, поселения у деревни Большой Скородум (между Усть-Горевой и Старой Горевой), где найдена керамика типа Пижемского городища и кельты ананьинского типа¹⁴, стоянка близ Каракулинского могильника, стоянка у селения Конец-гор на реке Чусовой, где разведками А. В. Шмидта открыто селище с типичной костеносной керамикой¹⁵, стоянка в устье реки Чусовой у дер. Нижней и Верхней Адищевой с керамикой этого же времени¹⁶ и нижний неукрепленный слой Пижемского городища. Количество стоянок значительно меньше числа городищ, что может быть объяснено трудностью их нахождения, а также и тем, что вытеснение этой формы поселения укрепленной деревней шло, повидимому, довольно быстро.

Я не стану останавливаться на датировке памятников этого времени, так как этому вопросу уделено достаточно внимания. Сравнение материала Ананьинского могильника и костеносных городищ со скифскими коллекциями дало возможность датировать памятники VII—II вв. до н. эры. Целый ряд вещей, сходных с архаическими курганами, дают все основания для такой ранней даты.

Возникновение укрепленных поселков было обусловлено здесь развитием хозяйства. Охота, скотоводство, мотыжное земледелие, развитие кузнечно-литейного дела привели к накоплению внутри рода, которое потребовало защиты. Совершенно естественно, что и обмен с югом, установившийся с начала этой эпохи, также содействовал процессу накопления внутри родовых групп. Доказательством такого раннего обмена служит наличие плоских шипастых стрел и крестовидная привеска, аналогичная скифским архаическим привескам Ананьинского и Зуевского могильников.

Вся совокупность развития хозяйства привела к появлению укрепленных поселений.

Некоторые исследователи, основываясь на материале Зуевского могильника, придают чересчур большое значение этому обмену и только этим фактором склонны объяснить появление первых укреплений в крае. По их мнению, вывозная «торговля» пушными мехами по необходимости должна была иметь оптовый характер: иноземные купцы, приезжавшие в Прикамье, не имели возможности покупать меха в розницу, а также по мелочам распродавать привезенные с собой товары. Они полагают несомненным, что скупались сразу большие, оптовые партии товаров. Это требовало устройства складов, предварительной заготовки, организованного подвоза пушнины, наличия транспортных средств, массовой организации промысловой охоты, массового снабжения охотничьим оружием. Складочные пункты для пушного товара устраивались на берегах судоходных рек в местах, недоступных для нападения, на высоких мысах горного берега, причем такие складочные пункты искусственно укреплялись валом. В эти укрепленные городища в конце зимы, по санному пути, свозились пушные товары — результаты зимней охоты. Весной сюда приплывали на кораблях скифские купцы, о путешествиях которых так картинно рассказывает Геродот. Происходил меновой торг, может быть даже немой торг. Южане оставляли свои товары — бронзовое оружие, украшения, бусы, в обмен получали крупные партии пушных мехов... Костеносные городища ананьинской эпохи являлись, в сущности, укрепленными складами пушных товаров, которые заготавливались

промысловыми охотниками для вывоза в далекие земли. Как видно, по их мнению, назначение костеносных городищ довольно сильно расходится с теми представлениями о первобытных охотниках-звероловах, которые имелись, например, у П. А. Пономарева. Костеносные городища были не только складами пушных товаров, но и родовыми гнездами, где сосредоточивалось все руководство коллективной жизни. Родовые старейшины жили непосредственно на городищах. Итак, не будь торговли, не было бы и причин к появлению укреплений. Эти авторы предполагают наряду с городищами существование неукрепленных стоянок, где жила масса родичей, но как раз таких стоянок сравнительно мало, а имеющиеся скорей всего являются последними представителями отживающих общественных отношений. Если мы возьмем для сравнения соседнюю волго-окскую область, область дьяковской культуры, где также связь с югом была, хотя и в несколько меньших масштабах, — там мы почти не встретим открытых селищ, а те же городища, появившиеся в результате тех же причин — для защиты накопленных ценностей, в первую очередь в виде скота, явившихся результатом развития хозяйства (открытые поселки появляются там в результате изменения хозяйства значительно позднее, только в конце I тысячелетия н. эры). Обмен Прикамья с югом безусловно усилил все эти причины, но основа их лежит в развитии хозяйства.

А. В. Шмидт в своей, несомненно, ценной, работе по истории Прикамья дает в основном правильную картину жизни общества в эпоху Ананьина. Но с некоторыми его положениями нельзя согласиться, так как они построены на отвлеченных предположениях и не соответствуют фактическому материалу. Я отметил, что в противовес старому мнению проф. П. А. Пономарева и А. А. Спицына, считавших население Прикамья той эпохи исключительно звероловческим, было выдвинуто положение, признающее ведущую роль в хозяйстве за скотоводством.

А. В. Шмидт в своей работе приводит ряд доказательств в пользу скотоводства. «Как показывает костный материал, скотоводство занимало ведущую роль в хозяйстве эпохи» — пишет он¹⁷. Остановимся на тех доказательствах, которые приведены А. В. Шмидтом в его исследовании:

«Тихогорское городище у Елабуги и разведки (Спицын А. А.) дали раздробленные кости животных (свиньи, лошади).

Свиногорское городище на устье Вятки (при разведке Спицына А. А.) — нашлось много костей (лошади, кабана, бобра, куницы, а более всего свиных и медвежьих).

В Ройском Шихане на Вятке (в раскопках С. К. Кузнецова и М. В. Малахова) нашлось значительное собрание костей и пробитых черепов разных животных (оленя, медведя, свиньи и т. д.). Количество находимых костей было поистине изумительно: находимы были кости диких и домашних животных, частью расколотые, частью обожженные. Штукенберг в своей заметке о Ройском Шихане указывает, что найденные кости принадлежат: медведю, лосю, кунице, зайцу, лошади, быку, барану и свинье.

Пижемское городище на Вятке: обнаружено в раскопках Алабина «множество свиных клыков». В раскопках А. А. Спицына и Пономарева «лошадиных бабок с признаками употребления найдено 62».

Буйское и Пижемское городища: по определению Д. Н. Анучина

в присланных ему двух ящиках костей оказалось из домашних — кости... собаки, лошади, свиньи (мало остатков, овцы, то же и быка). Из диких: медведя, лисицы, куницы, бобра, лося, некоторых грызунов и, кажется, оленя.

Городище Сорочьи Горы (на Каме у Лаишева): в раскопках П. А. Пономарева кости лошади, быка, овцы, собаки, свиньи. Любопытно, что после работ у Сорочьих гор и Шуран сам П. А. Пономарев пишет: «кухонные остатки, расколотые кости домашних и диких животных указывают на преобладание занятий скотоводством, охотой и рыбной ловлей», ставя таким образом скотоводство на первое место.

Штукенберг так определяет кости животных, обнаруженные на городищах Гремячий Ключ (с. Шуран) и Сорочьи Горы: «Исследование костей... убеждает, что обитатели этих городищ владели лошадьми, рогатым скотом (между прочим безрогой комолой коровой), овцами, свиньей, собакой. Совместно с костями домашних животных оказались и кости диких: медведя, выдры, куницы, волка, лисицы, лося, бобра и хомяка. Все домашние животные, а также многие дикие служили пищей сбитателям, доказательством чего могут служить разбитые и раздробленные кости и пробои черепов, очевидно служившие для извлечения мозга».

Накопец Ф. О. Нефедов сообщает, что «в Ананьинском, Котловском, Пьяноборском могильниках в могилах встретились кости рогатого скота, свиньи, овцы и лошади. В Зуевском могильнике встречены кости тех же животных». «Костей диких животных в могильниках ананьинской эпохи не обнаружено. Едва ли последнее обстоятельство говорит в пользу преобладания охоты над скотоводством»¹⁸.

Вот все доводы в пользу преобладания скотоводства над охотой у А. В. Шмидта. Прибавим к ним данные Пижемского городища, приведенные А. В. Збруевой. Из домашних животных, — пишет исследователь, — найдены кости лошади, коровы, свиньи, мелкого рогатого скота; из диких — медведя, лося, бобра, зайца, северного оленя, хомяка, куницы, мелких грызунов. Кроме того, имеется довольно большое количество костей рыбы, но, к сожалению, последние очень плохо сохранились, так что удалось определить лишь наличие осетровых.

Особенно интересны результаты подсчета, произведенные по слоям. При этом необходимо заметить, что большинство костей было в сильно раздробленном состоянии, повидимому, в связи с употреблением животных в пищу и добыванием костного мозга, и это обстоятельство сильно затрудняло анализ. Кроме того, нижний слой в раскопе 1928 г. был лишь на трех участках раскопа № II — правда, наиболее богатых находками. Поэтому костный материал из нижнего слоя был значительно меньше, чем из верхнего: он составлял лишь около $\frac{1}{3}$ последнего (99 костей из 300 с лишним). Тем не менее получились очень интересные выводы:

- 1) в верхнем слое число костей домашних животных составляет 66,5%, в нижнем 50,5%;
- 2) из костей домашних животных в нижнем слое отсутствуют кости крупного и мелкого рогатого скота;
- 3) из костей домашних животных в нижнем слое имеются лишь кости лошади (72%) и свиньи (28%);

4) из костей диких животных преобладают кости медведя (21 особь в верхнем слое, 4 в нижнем) и кости бобра (4 особи в верхнем и 1 в нижнем); кости куницы встречены в очень незначительном количестве (1 особь в верхнем и 1 особь в нижнем слое).

Таблица костей животных, найденных на Пижемском городище (по работе А. Б. Зубаревой).

Нижний слой		
Лошадь	36 костей	6 особей
Свинья	14 "	4 "
Верхний слой		
Лошадь	327 костей	22 особи
Корова	801 "	11 "
Свинья	49 "	13 "
Мелкий скот	50 "	6 "
Медведь	28 "	25 "
Лось	84 "	6 "
Бобр	21 "	5 "
Олень	5 2	2 "
Рысь	3 "	2 "
Заяц	1 "	1 "
Хомяк	2 "	2 "
Куница	3 "	3 "

Далее, приведя, кроме того, мнение П. А. Пономарева, автор утверждает, что основой хозяйства края в эпоху ананьинской культуры было скотоводство.

Материал, приводимый А. В. Шмидтом, А. В. Збруевой, доказывает сравнительно развитое скотоводство. Нужно согласиться, что точка зрения Спицына, «образ жизни этого народа, был кажется исключительно звероловческий (частью пастушеский)», не может быть принята. Скотоводство было развито значительно больше, чем он думал, но нельзя все же согласиться с тем, что скотоводство в эпоху Ананьинского могильника превалирует над охотой. Одно только наличие костей домашних животных об этом еще не говорит. Привлекать же материал Пижемского городища при решении этого вопроса нельзя, по причинам, на которых я останавлиюсь ниже. Совершенно верно, что кости домашних животных встречаются в погребениях ананьинской эпохи, но совершенно неверно утверждение А. В. Шмидта, что костей диких животных «в могильниках Ананьинской эпохи не обнаружено». Приведу выдержки из дневника раскопок Зуевского могильника, опровергающие это положение¹⁹.

«Могилы № 83. Непосредственно под № 81; кости малы, череп тонкий, у левого бедра 2 медных наконечника стрел (трехгранные) и медвежий клык, в ногах лошадиный зуб.

Могилы № 173. На глубине первого штыха мужской костяк довольно хорошей сохранности. Слева у головы галька (в виде плоской каменной плитки правильной круглой формы), у правой кисти осколок гальки, изображавшей нож и железный наконечник копья острием к ногам, у левого бедра клык какого-то животного (бобра), у ступени левой ноги медный кельт, на нем следы рогожки и три медные наконечника стрел остриями к ногам.

Погребение № 14 — неглубокое погребение. На месте череп и конечности ног. Грудь и таз перекопаны. У черепа положенные вместе

в виде как бы связки 6 птичьих косточек с просверленными на конце отверстиями».

В ряде погребений отмечены кости животных без всякого определения. Таковы могилы № 27, 67, 155, 21, а всего в Зуевском могильнике вообще только в десяти могилах из общего числа 218 встречены кости животных.

Далеко не во всех могилах при исследовании Нефедова²⁰ встречены кости домашних животных: барана и быка. Между прочим, как раз кости этих животных не найдены в нижнем слое Пижемского городища, по данным раскопок 1928 г. В ряде же могил не указано, каким животным принадлежат найденные кости (например, гробницы № 3, 8, 15, 16, 22). Кроме того, делать выводы о преобладании скотоводства над охотой, основываясь на подсчете костей животных в погребениях, неправильно, так как в могилу кладутся далеко не все животные и очень часто не преобладающие в хозяйстве.

В пользу мнения о преобладании скотоводства и А. В. Шмидт и А. В. Збруева приводят мнение П. А. Пономарева, который будто бы сам выдвигал после работ у Сорочьих Гор и Шурана скотоводство на первое место. Однако это мнение построено на явном недоразумении. Отчет об исследовании Сорочьих Гор и Шурана вышел в 1882 г.²¹, а позднее, в 1912 г., подводя итог накопленного материала, Пономарев писал: «Население местного края до водворения в нем тюркского племени болгар, занимавшегося скотоводством и хлебопашеством, было несомненно многочисленное, звероловное»²².

Самым серьезным доводом в пользу преобладания скотоводства над охотой является материал Пижемского городища, и однако, как я постараюсь доказать, привлечение его для решения этого вопроса незаконно. Городище исследовалось неоднократно. Благодаря работам П. А. Пономарева и А. А. Спицына²³ и Лебедева²⁴ и экспедиции Антропологического института МГУ 1928 г. памятник известен достаточно хорошо²⁵. В настоящее время можно утверждать наличие на городище двух слоев — первого древнего, относящегося к пьенборской культуре, и второго позднего, датируемого временем IX—X—XI вв. н. эры. В старых материалах, добытых раскопками А. А. Спицына, имеется часть посуды без характерного для древнего слоя городищенской керамики выступа и одна треугольной формы железная плоская черешковая стрела. Еще более убедительный материал дали исследования Антропологического института, благодаря которым известна стратиграфия культурного слоя городища. Как показали раскопки в центре, «интенсивно-окрашенный гумусом слой с культурными остатками залегает непосредственно под дерном, сливаясь с последним и имея в среднем наибольшую мощность в 30—40 см и утолщаясь к северо-западному склону, где он достигает около 1,5 м толщины. Под ним обычно залегает желтая глина, перемешанная с разлагающимся известняком, а ниже слой плитнякового известняка, напоминающего мергель». В северной части экспедиции удалось наблюдать разделение слоя на две части. «На участке № 10 в нижней части слоя с остатками появляется слой камня, того же самого мергелистого плитняка, который встречается в основании всего городища. На участках 11, 12 и 13 этот слой проходит в более светло окрашенный глинистый культурный слой с камнем, в котором залегает

значительное число находок. Этот слой постепенно утолщается к склону городища с глубины 0,70 и доходя до глубины 1,46 м²⁶.

Эта нижняя часть дала вещи, позволяющие установить относительную его датировку. Из них в отчете А. В. Збруевой указаны: обломок костяного предмета с орнаментом, напоминающим кельт, костяная лопаточка, головка лося, костяной трехгранный наконечник с выступом у основания и костяное острие. Если мы отбросим костяную пластинку с орнаментом, аналогии которой можно указать в материале самых разновременных культур, то тип стрелы безусловно говорит о древней стадии городища, точно так же как и прекрасная лосиная головка²⁷.

Кроме указанных мест экспедиция при исследовании вала установила по профилю северо-западно-западной стенки раскопа № III, что, начиная с участка № 6, слой с культурными остатками раздваивался. Одна часть поднимается на насыпь, вторая же, более тонкая, углистая, к сожалению, почти без находок, уходит под насыпь вала²⁸.

Самые интересные вещи из раскопа № III, отмечает А. В. Збруева, — обломки каменных жерновов.

Анализируя полученный материал, А. В. Збруева совершенно правильно отмечает, что часть вещей относится к позднему времени. К ним можно отнести железные наконечники стрел, уже упомянутые жернова, часть костяных наконечников, железные прямые ножи, и может быть железные кольца. Все — вещи, которые могут быть датированы IX—X веком нашей эры.

Несомненно, что городище существовало в продолжение весьма долгого времени. Первоначально оно являлось неукрепленной стоянкой, правда, очень непродолжительное время, а затем было обнесено рвом и валом. Какой же вывод можно сделать из наблюдений над культурным слоем? Несомненно, что по внешности однородный культурный слой, исследованный по линии А. В., относится к двум эпохам, доказательством чего служит его раздвоение в раскопе № III. Его однохарактерность может быть объяснена смешением в процессе жизни, что случается, например, при рытье землянок, при устройстве кладовок и очагов. А о наличии землянок на городище можно предполагать, основываясь на наблюдениях, сделанных Лебедевым. Делать вывод о развитии скотоводства в Ананьинскую эпоху на основании данных этого раскопа нельзя.

Не дает оснований для выводов и нижний слой на участке 10—13 раскопа № II в нижних участках раскопа № I. В этой части городища повидимому лежал смыш. Находки в нем весьма незначительные, и, если бы мы стали при выводах основываться только на нем, то должны бы были отрицать существование в то время крупного и мелкого рогатого скота, наличие которого устанавливается хотя бы по материалу могильников этой эпохи. Да и кроме того и здесь находки не говорят о превалировании скотоводства над охотой²⁹.

Другим доказательством, несомненно серьезным, является Галкинское городище, относимое А. В. Шмидтом к ранней ананьинской культуре.

Мелкого скота	22	шт.	от 4 особей
Свиньи	18	"	" 2 "
Лося	18	"	" 3 "
Сев. оленя	7	"	" 4 "
Бобра	8	"	" 1 "
Куницы	1	"	" 1 "
Медведя	1	"	" 1 "
Хомяка	1	"	" 1 "
Зайца	1	"	" 1 "

Если же мы обратимся к Гляденовскому костыщу, то увидим, наоборот, что большинство найденных изображений относится к диким, а не домашним животным. Лошадь представлена 10 экземплярами плюс 11 изображений всадников, баран — 1 изображение, коровы — 3, свинья представлена в незначительном числе изображений. Изображений же диких животных найдено: медведя 19, бобра, куницы, водка в большом числе; представлены в значительном числе и птицы³⁰. Этот крупнейший ритуальный памятник, кроме изображений животных, в массе диких, дал еще большое количество наконечников стрел, а это опять-таки говорит о большем значении охоты, а не скотоводства.

Не нужно упускать из виду и другое: тысячу лет спустя в этих местах охота далеко не утратила своего значения и продолжала играть еще очень большую роль в хозяйстве края. Если мы возьмем материал поздних городищ X—XII вв., которые датируются временем двух — трех столетий, то мы увидим следующую картину. На городище Сабанчи-Кар на реке Чепце костей домашних животных было найдено 50,3%, а диких 39,7%; в Донды-Карском городище найдено 62% костей домашних животных. Если мы сравним эти данные с материалом Пижемского городища, то увидим приблизительно ту же картину. Это давало бы основание утверждать, что со времени ананьинской эпохи за тысячу с лишним лет никакого прогресса в области хозяйства не было, но такое утверждение явно не верно³¹.

Приведенные соображения заставили меня не согласиться с мнением А. В. Шмидта и А. В. Збруевой и признать, что в эпоху Ананьинского могильника скотоводство превалировало над охотой только в районе Камы, в остальных же местах охота продолжала оставаться на первом месте (хотя я и должен оговориться, что далек от мысли полностью солидаризироваться с мнением А. А. Спицына и П. А. Пономарева, отводившими скотоводству слишком незначительное место).

Весь материал городищ и могильников дает возможность сделать следующий вывод.

Основой хозяйства являлась охота, в частности пушная, о развитии которой можно судить по ряду признаков, далее идет скотоводство и затем мотыжное земледелие. Некоторые авторы склонны слишком переоценивать значение земледелия. Но не нужно забывать, что, несмотря на большое количество костяных мотыг, которые в старой археологической литературе расценивались как боевые молоты, и на находку значительного числа зернотерок и отдельных зерен культурных злаков, земледелие играло весьма подчиненную роль, так как все орудия очень примитивны. Костяные мотыги весьма несовершенны. Зернотерки примитивной формы также свидетельствуют о небольшом удельном весе земледелия. Находки бронзовых земледельческих орудий относятся в большинстве своем не к территории ананьинской

культуры, а к области южной Камы и по типу, надо думать, к несколько более раннему времени. Во всяком случае серпов не было найдено в могильниках этой культуры.

В памятниках ананьинской культуры встречаются железные серповидные ножи, найденные на городищах Сорочьи Горы, Ройском и Аргыжском. Отсутствие в этой культуре железных рабочих топоров, позволивших расширить посевы в лесу, также является показателем сравнительно небольшого удельного веса земледелия.

А. В. Шмидт в своей весьма ценной работе³² правильно определяет общественные отношения ананьинцев стадией патриархального рода. В самом деле, характер разделения труда в семье свидетельствует о том, что женщине осталось только земледелие, игравшее незначительную роль, по сравнению с занятиями мужчины охотой и скотоводством, и домашнее хозяйство. Самое возникновение патриархальных отношений нужно отнести ко времени предшествующей культуры. Здесь же эти отношения получили дальнейшее развитие, на которое оказал свое влияние обмен с югом. Этому обмену уделялось всегда и уделяется теперь некоторыми исследователями большое внимание. А. В. Шмидт³³ правильно отмечает, что роль обмена в ананьинскую эпоху была не особенно велика.

В самом деле если мы возьмем археологический материал ананьинской эпохи, то увидим, что количество привезенных вещей не столь уж велико. Скифские стрелы на костеносных городищах встречаются единицами. В могильнике, например в Зуевском, они были найдены в весьма небольшом числе. Из 218 исследованных могил бронзовые стрелы найдены были только в каких-нибудь пятнадцати могилах. Часть стрел безусловно не являются привезенными скифскими, а выделывались на местах по скифским образцам. В частности этот момент отмечен уже Б. Н. Граковым³⁴. Об этом же свидетельствует и факт находки в Приуралье литейных форм для отливки стрел³⁵. Остальные бронзовые и железные вещи, кроме части скифских кинжалов типа акинака, производилась на месте. К числу привезенных вещей нужно отнести, кроме перечисленных стрел и кинжалов, различные украшения. Укажу, что бусы встречаются главным образом в более позднюю пьяноборскую эпоху, от которой они дошли до нас в тысячах штук. В могильниках же ананьинской эпохи привозные бусы, голубые и зеленые, попадаются лишь в отдельных погребениях.

Не нужно также забывать и другой стороны, что скифские племена, населявшие левое Поволжье и границу лесостепи, сами находились на стадии первобытной общины, и, конечно, ни о каких купцах применительно к их обществу говорить еще нельзя. Это, однако, все же не снимает другой стороны дела: обмен был и он оказал влияние и на общественные отношения и на культурный уклад, что сказывается хотя бы в зверином орнаменте.

В прежней литературе весь звериный орнамент исследователи склонны были относить за счет заимствования из других более культурных областей; за последние годы появился другой взгляд, пытавшийся все объяснить процессом местного развития. Я полагаю, нужно различать две стороны вопроса: сюжет и оформление его. Если содержание всех изображений звериного стиля нужно отнести за счет идеологии местного общества, то в оформлении этих фигур мы должны признать значительную долю культурного влияния скифских

племен. Трактовка отдельных частей звериных фигур (мышц, головы, ушей, глаз и других деталей), свернувшиеся в круг животные — все это роднит ананьинское искусство со скифским. И этого момента не следует упускать из виду, хотя по содержанию все эти предметы никоим образом нельзя считать привнесенными со стороны.

Помимо обмена с югом, несомненно намечаются и связи с севером. А. В. Шмидт³⁶ отмечает большое число находок ананьинского типа в районах нижнего течения северной Двины и в Финляндии. Автор полагает, что ананьинцы эксплуатировали своих северных соседей, особенно население Ветлужского края, где не встречено ананьинских изделий. Едва ли здесь можно говорить об эксплуатации. Дело значительно проще. Если мы учтем, что вещи ананьинских типов встречаются единицами, а не во множестве, то самое простое объяснение, которое подтверждается материалом, будет то, что на территории Приуралья существовала своя медная руда, которая и привела там к расцвету бронзового века. И поэтому в порядке этапного обмена эти вещи в виде готовых изделий и в виде руды могли заходить очень далеко. Совершенно естественно поэтому, что кельты финляндского типа носят черты, которые сближают их с ананьинцами.

А. В. Шмидт³⁷, правильно предостерегая против модернизации «тсргсвли» Прикамья с югом, сам чересчур подчеркнул ее роль, и общество ананьинской культуры предстало перед нами в виде своеобразного предшественника Великого Новгорода с тою только разницей, что экспансия Новгорода в основном шла к востоку, а у ананьинцев — на запад.

Обмен с югом носил обычный для этой эпохи характер полуграбежа. Археологический материал показывает на военные столкновения между скифскими племенами и населением Приуралья. Так, в Котловском могильнике между другими погребениями была обнаружена общая могила, где на глубине около двух метров открылось пять неполных скелетов: «у одного не оказалось левой руки, у другого нижних конечностей, у двоих голов и у пяти — головы и правой руки. Костяки лежали в разных направлениях: головами на север, восток и запад; у некоторых берцовые кости стояли почти перпендикулярно к бедренным. Из ребер, плечевых и тазовых костей вынуты бронзовые наконечники стрел. По сторонам покойников лежали глиняные черепки, угли и кости животных»³⁸. С другой стороны, известно погребение скифа в Поволжье с костяным наконечником стрелы в бедре. Эти материалы достаточно убедительно показывают, что обмен был далеко не мирным, и, возможно, часть скифского оружия попадала в Приуралье в результате военных столкновений.

Рост хозяйства привел к общественному разделению труда. Надо думать, что еще до ананьинской эпохи выделились мастера-литейщики. Во всяком случае для Ананьина мы имеем все основания утверждать выделение кузнеца-литейщика, работавшего на свою общину. Некоторые исследователи, основываясь на анализе бронзовых вещей пьяноборской культуры, склонны относить выделение кузнецов ко времени I—II века до н. эры. Они утверждают, что «Сложная структура гигантских «эполетообразных застёжек» говорит нам о специализации производства, о выделении из общей массы населения первых ремесленников — кузнецов»³⁹.

Если же мы обратимся к инвентарю погребений ананьинской куль-

туры, то встретим ряд погребений, куда положены куски руды и сплавы, указывающие на занятие погребенных. В качестве примера приведу погребение № 12 Котловского могильника. «У правого плеча костяная стрела и два костяных обломка; у левой руки — костяное острие и такая же стрела; подле черепа — кусок медной руды и сплав бронзы; выше — угли и глиняные черепки».

Или могила № 16, где найдено две кремневые стрелки, два кремневых осколка и костяной с нарезным примитивным орнаментом футляр (ручка от ножа), завернутый в истлевшую ткань, похожую на рогожку. «В трех вершках от этих вещей стоял глиняный с орнаментом сосуд, вроде чашки; рядом кусок медной руды и неопределенной формы бронзовая вещь, вероятно неудавшаяся при отливке; выше угли и глиняные черепки. Верхняя и нижняя части этих могил были выложены диким камнем»⁴⁰.

Точно так же в исследованиях 1894 г., произведенных Нефедовым, были встречены отдельные погребения мастеров-литейщиков, например в могиле № 1: «в головах лежали конусообразная глиняная чашечка, куски медной руды и черный обделанный камушек, у правой руки, подле кисти, оказались три кремневые стрелы и обломок грузила с отверстием; у кисти левой руки — три бронзовых наконечника стрел и красный, суженный с одного конца овальной формы камушек; в ногах — кости барана, глиняные черепки и древесные угли»⁴¹.

Приведенные инвентари погребений показывают, что умершие имели отношение к литейному делу. Им клали и руду, и сплав, и в одном случае неудавшуюся при отливке вещь. Да помимо этого анализ вещей показывает на широкое развитие металлургии. Кельты, стрелы, кинжалы, разные украшения — все это приготовлялось на месте. Железные орудия, о недооценке роли которых правильно поставил вопрос А. В. Шмидт⁴², также приготовлялись на месте. Безусловно, что в следующую эпоху II—I вв. техника обработки металла значительно выросла, но относить начало выделения мастеров-литейщиков к пьяноборской эпохе нет никаких оснований.

Развитие общественного разделения труда привело к возникновению частной собственности на средства производства. Все могильники дают картину экономического неравенства, и, конечно, ни о каком расцвете родового общества в ананьинскую эпоху говорить не приходится. Здесь мы имеем уже закат родового общества, первую стадию его разложения.

Какой бы могильник этого времени мы не взяли, всюду мы найдем деление могил на богатые и бедные. Правда, в более раннем Котловском могильнике мы еще не находим особенно резкой разницы, но уже в Зуевском и Ананьинском это различие совершенно определено.

В качестве примера богатого погребения приведу погребение № 27 Зуевского могильника, инвентарь которого состоит из железного кинжала, медной шейной гривны, целых и нескольких раздробившихся стеклянных бус, двух медных перстней, двух медных бляшек с ушками, глиняного сосуда с веревочным орнаментом.

Ту же картину дает погребение № 94, где найдены: большая глиняная чашка, две золотые согнутые пластинки, медный кельт, восемь медных и десять костяных наконечников стрел, железная кнопка с золотыми блестками, медная шейная гривна, железный нако-

нечник копья, кожаный пояс, украшенный 48 медными бляшками и снабженный двумя медными суживающимися бляхами на концах, медная застежка, две привески, костяная палочка с изображением двух медведей, копье и железный нож.

Погребение № 168: три кости животных, шесть медных наконечников стрел, медный кельт, медный наконечник копья, четыре костяных наконечника стрел, пояс с 49 медными бляшками и с двумя наконечниками, большая крестовидная бляха с двумя ушками, каменный оселок с отверстием.

Последнее из приведенных погребений относится к ранней стадии ананьинской культуры, так как крестовидная бляха имеет аналогию в материале архаических скифских погребений⁴³.

С другой стороны, мы имеем погребения иного типа, например, погребение № 3 того же Зуевского могильника: на глубине 8 вершков находился сравнительно хорошо сохранившийся скелет; ноги были приближены друг к другу в коленях, руки положены на таз; вещей не найдено. Или погребение № 11, где найдены у кисти левой руки кельт острием к ногам, у правого колена крупная галька. То же погребение № 23: на глубине одного аршина очень плохо сохранившийся костяк в чистой глине; в головах чашка и маленький сосудик. Погребение № 28: на глубине одного аршина костяк плохой сохранности; на животе медная витушка-спиралька. Ту же картину дают и другие могильники этой эпохи. Развитие хозяйства, охоты и быстро растущего скотоводства, обмен — все это привело к накоплению, которое в условиях военных столкновений являлось стимулом развития рабства. Об институте рабства почти никто из исследователей не говорил по вполне понятной причине. Вещественные остатки, свидетельствующие об этом институте, трудно определимы. Но, однако, есть некоторые погребения, которые могут дать ответ на этот вопрос. К ним принадлежит погребение № I—III из раскопок Алабина, где костяки были найдены в каменной оградке на одном уровне.

Один из них — скелет мужчины, при котором лежал между прочим железный кинжал, железное копье и две бронзовых стрелы. Другой скелет был женщины с железным крючком, ожерельем, стеклянной бусиной, подвеской в форме колокольчика, ременной пряжкой с кольцом. Третий был рабом, погребение которого было самым бедным на всем могильнике.

На вопросе рабства остановился А. В. Шмидт⁴⁴, определивший условно погребения без вещей как погребения рабов. Едва ли можно согласиться с мнением А. В. Шмидта, так как есть большая опасность спутать захоронения весьма бедных родичей с рабами. Другое дело погребение, раскопанное Алабиным № I—III. Там мы имеем два богатых погребения (такая их оценка не может вызвать возражения, так как оружие и стеклянные бусы — безусловно вещи высокой ценности), и если бы третий костяк принадлежал той же семье, то естественно мы были бы в праве ожидать соответствующего инвентаря.

Целый ряд семейных погребений, в частности приведенная выше могила с рабом, говорят еще об одном факте: женщина становится собственностью мужчины.

Возможно, что ряд женских костяков, лежавших с мужскими, свидетельствует о насильственном захоронении женщин. Интерес представляет погребение без вещей с обратной ориентировкой. Встает

вопрос, не могут ли они быть погребениями чужеземцев и в частности рабов.

Процесс распада рода, обусловленный ростом охоты, скотоводства, обмена, шел, повидимому, довольно интенсивно. А. В. Шмидт считает, что в связи с выросшим значением мужчины мужские погребения значительно богаче женских.

«Мужские могилы Ананьинской эпохи гораздо богаче женских, — пишет он. — Металл встречается преимущественно в мужских могилах. Железные изделия попадают почти исключительно в мужских могилах».

Я позволю себе не согласиться с мнением А. В. Шмидта. Просматривая дневники раскопок могильников, можно убедиться в том, что женский и мужской инвентарь — одной и той же ценности. Для примера приведу ряд погребений ананьинской эпохи.

Гробница № 5 Котловского могильника — мужской костяк. У тмени лежала бронзовая пряжка, около правой руки бронзовый наконечник копья, а выше головы глиняные черепки и бедренная кость быка; у головки последней лежали бронзовые пластинки числом 6, седельного набора, обернутые в какую-то истлевшую ткань⁴⁵.

Могила № 4 (Котловского могильника) — женский костяк. На шее лежал амулет из костей человеческого черепа, округленной формы с отверстием для привески, в ушах бронзовые подвески конусообразные, из коих одна спиралью, на височных и лобной костях бронзовые бляшки, а на груди — бронзовое украшение, состоящее из пяти слитых колец — половинка одного отломана — и три пуговицы вдоль груди; на пальцах правой руки два колечка: одно плоское, а другое с изображением змеиной головки. В ногах угли и глиняные черепки.

Могила № 5 Котловского могильника — женское погребение. На шее покойницы была бронзовая гривна и 9 бронзовых бусин, в левом ухе подвеска, изогнутая на тонком конце, а по обе стороны головы обломки бронзовых спиралей; на поясе — узорчатая бронзовая пряжка в виде банта и неопределенной формы украшение с петелькой; на правой ноге две бронзовые подвески, одна узкая и другая⁴⁶ широкая. По сторонам ног — черепки глиняных горшков и угли.

В Ананьинском могильнике в качестве богатых могил можно привести погребение № I — III раскопок Алабина. При мужском костяке — железный кинжал, копье, две бронзовых стрелы. При женском — ключик из железа, бусы стеклянные, привески бронзовые, пряжка.

Из раскопок П. А. Пономарева погребение Н (женское): помимо бронзовой пластинки и костяных бус — привозная *сургеа монета*. В погребении К (женское погребение): бронзовая пластинка, два пояса с 45 бронзовыми пластинками, две *сургеа монета*, две бронзовых овальных пластинки, различные бронзовые привески, бронзовые бусы и 289 мелких египетских бус. Тут же картину дало женское погребение L, где найдено 65 мелких египетских бус. Несколько богаче погребение M (женское), где найдена бронзовая пластинка, ряд бронзовых привесок различных типов, 569 мелких египетских бус. Количество примеров можно было бы увеличить данными Зуевского могильника, где, например, имеется могила № 27, содержащая мужской и женский костяки. К богатым можно отнести также и погребение № 138.

Эти примеры дают основание утверждать, что женские могилы не

мене богаты, чем мужские. Другое дело, что железных вещей в женских погребениях немного, но это объясняется тем, что в начале железно шло почти исключительно для приготовления оружия: стрел, кинжалов и клевцов, которые являлись частью мужского погребального инвентаря.

Несомненно, что сложившиеся патриархальные отношения отразились в делении общества на богатых и бедных, но ни в какой мере не отразились на уменьшении числа вещей, клавшихся в женские погребения. Женщина потеряла свое равноправное положение, и, может быть, в ряде случаев коллективного захоронения были отдельные погребения, где женщина насильственно умерщвлялась, но в данное время мы еще не обладаем достаточным материалом для подобного утверждения. Наоборот, этнографический материал удмуртов говорит об обратном. Еще в настоящее время в удмуртских семьях женщина пользуется большой долей самостоятельности и уважения. А. В. Шмидт, основываясь на этих пережитках материнского рода у населения Приуралья, считает, что в эпоху Ананьина значение женщины в общественной жизни было еще очень сильно, несмотря на развитие патриархальных отношений. Вообще же совершенно закономерно, чтобы черты, свойственные материнскому роду, продолжали существовать и позднее. К числу таких черт можно отнести также неоднократно наблюдавшиеся случаи захоронения умерших на площади поселка, — явление, обычное лишь для родового общества; такую картину мы наблюдаем в Котловке, где могилы находились на той же территории, где были и землянки.

Я не буду останавливаться на анализе различных сторон производственной жизни общества, так как эти вопросы освещены в работе А. В. Шмидта, точно так же как им разобран материал, характеризующий отдельные социальные группировки: деление на богатых и бедных, выделение военных дружин и вождей, закреплявших свое особое положение в сознании родичей особым обрядом погребения⁴⁷. Все эти институты характерны для эпохи распада родового строя.

Характеризуя общественные отношения эпохи Ананьина, А. В. Шмидт пришел к выводу, что «на данной ступени общественного развития продолжали существовать племенные объединения. Укреплению их благоприятствовала упрочившаяся оседлость, доказательством которой служит как сооружение оборонительных валов, так и мощность культурного слоя на городищах, превышающая таковую на более древних стоянках. Ирокезы и другие северо-американские племена, находившиеся на более низкой ступени развития, чем ананьинцы, уже знали такую форму общественного объединения, как союз племен. Нет ничего невозможного, что ананьинцы уже были объединены в такой союз. Культурное единство, проявляющееся в оружии, орудиях труда, глиняной посуде, даже орнаменте посуды, можно было бы рассматривать как доказательство относительно тесного объединения ряда отдельных племен Волжско-Камского края в рассматриваемую эпоху»⁴⁸.

Едва ли можно согласиться с этим мнением А. В. Шмидта и предположить существование племенного союза в первом тысячелетии до н. эры. Не надо забывать, что в эпоху Ананьина мы имеем еще сравнительно слабую заселенность Прикамья. Городища ранней эпохи известны в весьма небольшом количестве. Едва ли такая разобщенность могла служить стимулом образования племенных союзов. Сравнение

с ирокезами незакономерно, так как у ирокезов были особые условия, которые привели к образованию племенного союза. «Так как область эта была вновь завоевана, — пишет Энгельс, — то естественным являлось вошедшее в обычай сплочение этих племен против племен вытесненных ими». Это соединение, самое позднее в начале XV столетия, превратилось в формальный вечный союз — федерацию⁴⁹. Эти условия и привели ирокезов к племенному союзу, в то время как большинство американских индейцев, находившихся на той же ступени развития, дальше соединения в племя не пошло. «Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабленные вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадные пространства»⁵⁰. В эпоху Ананьина разобщенные роды, которым принадлежали городища, повидимому, враждовали между собой, и этим в значительной мере объясняется существование укреплений. Не нужно забывать и другого фактора — набегов военных дружин соседей, результатом войны с которыми и явилось, например, коллективное погребение Котловского могильника. Если А. В. Шмидт несколько склонен модернизировать общественные отношения ананьинской культуры, то некоторые исследователи впадают в другую крайность. Они склонны утверждать, что только в эту эпоху наметились первые признаки социального расслоения внутри производственных коллективов. Внешняя «торговля» содействовала якобы ускорению этого социального расслоения⁵¹. Едва ли можно говорить об эпохе Ананьина как о времени, когда появляются первые признаки расслоения.

Первые, хотя и слабые, доказательства имущественного неравенства относятся еще ко времени абашевской культуры, где мы встречаем первые признаки экономического неравенства⁵². В эпоху Ананьинского могильника развитие хозяйства и обмена двинуло вперед процесс распада рода, что и нашло яркое отражение в погребальных инвентарях могильников этой эпохи.

Следующая эпоха, пьяноборская, теснейшим образом связана с ананьинской, которая, в свою очередь, связана с предшествующей эпохой⁵³. Старые исследователи выделяли пьяноборскую культуру в нечто постороннее, привнесенное со стороны. В последнее время этот взгляд уже оставлен.

Пьяноборская эпоха характерна последующим развитием хозяйства. Быстро растет скотоводство, и уже к началу нашей эры мы можем говорить о том, что охота и скотоводство равны по своему удельному весу в экономике края, а в некоторых местах скотоводство уже значительно превалирует над охотой. К таким местам нужно отнести Каму, где еще в ананьинскую эпоху, судя по материалу Галкинского городища и Конец-горского селища, охота начинала уступать место скотоводству. Но на Вятке, повидимому, скотоводство отеснило охоту только в пьяноборскую эпоху: материал Пижемского городища в нижнем слое дает 50,5% костей домашних животных⁵⁴. В связи с этим необходимо несколько уточнить датировку нижнего слоя этого памятника. Впервые индивидуальная датировка Пижемского городища была сделана А. В. Збруевой. Тогда как А. А. Спицын, П. А. Пономарев, А. М. Тальгрэн и Л. И. Варакина давали только общее определение времени всех костеносных городищ, А. В. Збруева весьма убедительно датировала памятник приблизительно временем IX века н. эры, но нижний слой городища есть все основания да-

тировать временем ранней стадии пьяноборской культуры, т. е. приблизительно II—I вв. до н. эры. Об этом времени свидетельствует костяная головка лося с закушенным языком; ее можно сблизить с памятниками позднего скифского искусства, и с фигуркой лошади, найденной на Дьяковом городище⁵⁵. Та грань стилизованности и реализма, которая характерна для дьяковой фигурки, повторяется и в пижемской находке. Другие вещи, найденные раньше, также свидетельствуют о времени пьяноборской культуры. Одна из таких вещей — бронзовое кольцо овальной формы с косыми насечками и пятью круглыми выступами, аналогии которому можно указать в ряде ранних памятников пьяноборской культуры; сюда же надо отнести фигуру лошади⁵⁶ с поджатыми ногами и линией косых насечек вдоль спины, занимающую среднее место по трактовке между фигурами лежащих оленей с поджатыми ногами, характерными для тагарской культуры среднего Енисея (отдельные находки которых сделаны в Приуралье)⁵⁷ и фигурками лошадок из ранних погребений Кошибевского могильника⁵⁸. Все это позволяет датировать фигурку временем около начала нашей эры.

Наблюдения над прочими костяными вещами также приводят к этой же дате. Среди костяных рукояток в форме звериных головок есть одна головка лося, довольно больших размеров, напоминающая по трактовке головку, опубликованную А. В. Збруевой, и имеющая со стороны втулки изображение медведя, напоминающее такие же фигурки с Гляденовского костыща⁵⁹. Другой предмет, сближающий находки на Пижемском городище с находками на Гляденовском костыще⁶⁰, — костяная лопаточка⁶¹ с изображением волка на лицевой стороне⁶².

Материал, опубликованный А. А. Спицыным, также дает основания для поздней даты. Как я отметил выше, из костяных вещей несомненно к поздним относятся рукоятки со стилизованным изображением головы животных, в которых можно уловить только отдаленные черты сходства с оригиналом⁶³. Эти предметы относятся приблизительно к IX—X вв. н. эры.

Основной нижний слой пижемского городища, как указано, относится к пьяноборской культуре.

В настоящее время установлены только общие хронологические этапы этой эпохи, но нам необходимо знать более точную датировку нижнего слоя Пижемского городища. Для этого я обращусь к Глядену. О датировке Гляденовского костыща писалось неоднократно. Н. Н. Новокрещенных датировал костыще первыми веками⁶⁴. К значительно более позднему времени — III—VI вв. н. эры — отнес его А. А. Спицын⁶⁵. В. А. Городцов определил время его существования I—VI вв. н. эры⁶⁶. А. В. Шмидт в данном вопросе был, по моему мнению, ближе к истине, определяя время существования костыща II веком до н. эры⁶⁷. В самом деле, в Глядене был найден ряд бронзовых наконечников стрел, напоминающих скифские: стрелы трехлопастные с выходящей втулкой; стрелы трехлопастные со срезанной втулкой и тремя шипами; круглые бронзовые наконечники втульчатые⁶⁸. Подобные наконечники у скифов относятся к эпохе раннего эллинизма. Нет никакого основания выбрасывать эти предметы при определении времени. Этот материал и дает основание для ранней датировки памятника третьим веком до н. эры. Затем большое количе-

ство железных трехлопастных черешковых наконечников стрел также дает основание для даты II—I вв. до н. эры. И наконец, несколько вильчатых стрел дают уже позднюю дату—середины первого тысячелетия н. эры. Ко времени около начала нашей эры относятся серьги в виде конуса, скрученные спиралью. В Гляденовском костыще среди ряда железных орудий имеются вотивные миниатюры, из которых заслуживает внимания обломки рукоятки кинжала с наверхием в виде спирали⁶⁹. Он напоминает аналогичные прототипы скифских кинжалов и относится к раннему слою, представленному бронзовыми наконечниками стрел. Указанные соображения заставляют меня признать точку зрения А. В. Шмидта более верной. Время возникновения Гляденовского костыща надо отнести к III—II вв. до н. эры. Приведенные материалы дают возможность датировать и нижнее наслоение Пижемского городища первым веком до н. эры.

Итак, уже к началу нашей эры значительно выросло значение скотоводства по сравнению с охотой. Однако не нужно забывать, что и в пьяноборскую эпоху, и даже поздней охота, в особенности пушная, играет весьма значительную роль.

За время пьяноборской культуры, которая продолжала существовать приблизительно до IV—V вв. н. эры, произошло значительное изменение в области скотоводства, но едва ли какой-либо значительный прогресс можно установить в технике земледелия. Пьяноборская эпоха — это еще время мотыжного земледелия.

Переход к подсечному земледелию, как можно видеть на ряде примеров, всюду приводит к изменению типа поселка. Это положение доказано С. В. Киселевым⁷⁰. Да и сами орудия пьяноборской эпохи для размола зерна, примитивные зернотерки, аналогичные таким же ананьинской эпохи, не говорят о том, чтобы наступило какое-то изменение в земледельческой технике. Как я отметил, мы не видим в это время селищ и детинцев; продолжают существовать городища типа ананьинской эпохи. Таковы Пижемское городище, уже отмеченное выше, и ряд городищ в окрестностях Сарапуля. К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом для датировки этих памятников, что уже сделано в отношении могильников. Целый ряд городищ еще не прошел даже стадии предварительного изучения, и для нас неясно, к какой эпохе они относятся. Раскопки, произведенные на них, были весьма незначительными, рекогносцировочного характера, а в иных случаях исследователи ограничились только сбором подъемного материала. Датировку этого рода памятников затрудняет еще то обстоятельство, что массовый материал, керамика, весьма не типичен. Эта керамика, судя по отдельным фрагментам, напоминает керамику пьяноборской эпохи и более позднего времени. К пьяноборской культуре относятся также костеносные городища, сохраняющие еще тип ананьинской эпохи. Эту картину не нарушает Мари-луговское селище, открытое и исследованное Е. И. Горюновой. Селище находится у деревни Мари-Луговая, Июменецкого района, Звеничского района в Марийской АО на левом низменном берегу, в двух километрах к северу от берега реки. При исследовании могильника IV—V вв. н. эры там был открыт культурный слой, нарушенный захоронениями. Экспедицией был заложен в стороне от погребений контрольный шурф, давший большое число обломков керамики. На основании изучения материала в лаборатории Московского Антропологического института Е. И. Горюнова делит всю керамику на четыре следующие группы⁷¹.

1-я группа. Керамика с отпечатками ткани на внешней поверхности (сетчатая). Группа эта количественно составляет около четвертой части всего материала и может быть охарактеризована как наиболее ранний тип этого рода керамики, неоднократно встреченной экспедициями Антропологического института при раскопках преимущественно в бассейнах нижней Оки, на стоянках, где она обычно связана с кремневой индустрией и комплексами керамики, в свою очередь связанными со стоянками переходного типа от неолита к металлу.

2-я группа представлена немногочисленными обломками сосудов с ямочным и зубчатым орнаментом. Эта группа аналогична керамическим комплексам поздних стоянок с кремневой индустрией на нижней Оке, где последняя связана с керамикой, распространенной в более южных, граничащих с лесостепью, районах и относящейся, повидимому, ко времени поздней бронзы.

3-я группа составляет довольно значительное число обломков сосудов, повидимому, круглодонных и в отличие от всех остальных с сильной примесью в глине толченой раковины, с шнуровым, тонкозубчатым и ямочным орнаментом, расположенным в верхней части сосуда. Эта группа легко сопоставляется с керамикой ранних горизонтов так называемых костеносных ветлужских и отчасти вятско-камских городищ.

4-я группа представляет немногочисленные обломки сосудов красного цвета, плоскодонных, из хорошей глины, звонких с лощеной поверхностью. Эта группа может быть связана как с болгаро-татарскими, так возможно с позднерусскими селищами.

Автор считает совершенно справедливо первую и вторую группы керамики одновременными и наиболее древними. Эта керамика может быть отнесена на основании сравнения с рядом стоянок междуречья Оки и Волги, например младшим Волосовским могильником, ко времени рубежа между вторым и первым тысячелетиями до н. эры.

Третья группа, по мнению Е. И. Горюновой, может быть отнесена ко времени Пьяноборского могильника, что мало вероятно. Прекрасный орнамент керамики скорее говорит о времени ананьинской культуры. Четвертая группа относится ко времени болгар-татар. Итак, добытый материал позволяет прийти к выводу, что Мари-луговское селище относится ко времени первого тысячелетия до н. эры. Верхний слой говорит о том, что на этом же месте существовало селище и в более позднюю эпоху болгаро-татарского царства.

Ряд небольших стоянок, о которых упоминает А. В. Шмидт в своем отчете о работе экспедиции, как, например, стоянки на реке Чусовой у д.д. Нижней и Верхней Адищевой, где были найдены черепки первых веков нашей эры⁷², являются временными охотничьими стойбищами и не могут дать материала для суждения об изменении формы поселения.

Разбор всего материала позволяет утверждать, что в эпоху пьяноборской культуры мы имеем большое развитие скотоводства, дальнейший рост промысловой охоты, развитие обработки железа; но в области земледелия мы не видим большого сдвига: те же мотыги, те же архаические мукомольные плиты, говорящие о том, что не было еще импульса к введению новых более усовершенствованных методов размола зерна.

В эпоху пьяноборской культуры мы наблюдаем интенсивный процесс распада первобытной общины, процесс усиленного обмена с югом, который прослеживается на ряде вещей. Не говоря уже о монетах Кадфиза I из династии Турушки (Индо-Бактрия) и о монете Санабара, царя Сакастана, найденных в Гляденовском костыше⁷³, и о большом количестве золоченых бус, мы встречаем сверх того римскую медную посуду и вооружение.

В эту эпоху значительно возрастает плотность населения. Общее количество коллективных и отдельных памятников пьяноборской эпохи во много раз увеличивается по сравнению со временем Ананьинского могильника. Область распространения этой культуры занимает, повидимому, несколько большую площадь, чем ананьинская, хотя в основном она налегает на эту же территорию. Отдельные вещи, характерные для нее, заходят далеко на север; так например, на реке Выми у селения Княж-погост АО Коми была найдена эполетообразная пряжка.

Территориальное разделение труда, которое существовало в ананьинскую эпоху, теперь углубилось и в некоторых отношениях могло измениться. Рост населения, рост производительных сил повел к большому сближению отдельных разрозненных родовых групп. Их объединения в союзы племен можно отнести к концу этой эпохи, так как все условия для этого были уже налицо. Однако я должен оговориться, что дальше предположения в этой области мы пойти не можем, так как этот общественный институт — союз племен, археологически документировать пока еще не удастся, а в других источниках ответа на этот вопрос, к сожалению, мы не находим. Энгельс, привлекая к своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» большой сравнительный материал, отмечает, что одним из условий для образования племенных союзов является возросшая плотность населения. Он пишет: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению, как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью; а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа»⁷⁴.

Археологически совершенно очевидно, что Приуралье до V века нашей эры представляет однородную культуру: ананьинскую до II века до н. эры, а затем пьяноборскую. К этой же эпохе, и безусловно к пьяноборской культуре, нужно отнести и могильник Качка, открытый в 1924 г. около деревни того же имени недалеко от Перми, так как он дает аналогичную керамику и отдельные предметы, сходные с таковыми пьяноборского могильника⁷⁵. Правда, в его инвентаре отсутствуют эполетообразные застёжки, предметы, весьма характерные для этой культуры, но их отсутствие можно объяснить только случайностью, так как они не являются необходимой частью каждого погребения.

Дальнейшее развитие совершалось постепенно приблизительно до VIII—IX вв., когда произошли значительные хозяйственные сдвиги, выразившиеся, с одной стороны, в переходе к плужному земледелию и, с другой, — в отделении ремесла от сельского хозяйства.

В VIII—IX вв. и позднее становятся заметными культурные различия между отдельными районами. Эти различия прежде всего сказываются в частях костюма. Если мы возьмем отдельные украше-

ния костюма в районах Чепцы и Вятки и сравним их с частями костюма в области реки Камы с притоками или в области реки Вычегды с притоками, то мы заметим существенную разницу. В каждой такой сравнительно небольшой области существуют, наряду с другими, отдельные типы вещей, присущие именно этому району и весьма редко встречающиеся в других местах. Аналогичные наблюдения над материалом славянских курганов дали возможность А. А. Спицыну выделить украшения женского костюма, типичные для отдельных славянских племен, сделав выводы, подтвержденные данными летописи. Для мордовских племен удалось в археологическом материале выделить особый тип привесок, которые доходят до весьма позднего времени.

Большое количество исследованных славянских курганов дало в руки археологов весьма большой материал, которого, к сожалению, не имеют еще археологи, занимающиеся историей Прикамья. Но случайный материал имеется в значительном количестве, и при наличии некоторого числа исследованных памятников он дает возможность прийти к следующему положению. Как уже неоднократно отмечалось, генетическая зависимость между ананьинской, пъяноборской и поздними культурами края сейчас не вызывает никаких возражений, точно так же как не вызывает сомнения единство культурного и общественного строя для всех районов, хотя здесь и наметились некоторые различия уже в эпоху ананьинской культуры.

Весь материал Западного Приуралья с IV до IX века н. эры довольно однороден. Тип городищ Вятских, Камских однообразен. Во всех случаях они занимают мысы, выступающие вперед, огражденные с двух сторон оврагами и с напольной стороны рвом и валом. В иных случаях имеется не один, а два или три вала, причем расстояние между ними весьма значительно, что указывает на то, что насыпка валов происходила не одновременно, а по мере постепенного развития поселения.

Материал, находимый на городищах, довольно однороден, костяные поделки, представленные стрелами, стругами, копоушками, ложками, однообразные по форме и очень часто украшенные одним и тем же орнаментом; железные вещи, как лемеха в разных вариантах, топоры, секиры, долота, кельты, ножи и стрелы — одних и тех же типов; бронзовые бытовые поделки немногочисленны. Они исчерпываются почти исключительно ведеркообразными сосудами цилиндрической формы и с округленным дном; керамические изделия, если мы исключим керамику болгарского и славянского типа, находимую в небольшом числе фрагментов, тоже довольно однохарактерны: во всех группах преобладают чашевидные сосуды с закругленным уплощенным дном; другой формы сосуды, как, например, небольшие полушарные чаши, встречаются почти исключительно на костяках и являются, повидимому, предметами ритуала. Орнаментация сосудов совпадает не только по отдельным элементам, но нередко и целыми узорами; преобладающим элементом орнамента являются типы веревочный, зубчатый и некоторые отделы граненых и полых (звездчатый).

Могильники содержат материал, дающий возможность связать их с городищами и костяками края, так как и керамические изделия, и отдельные орудия труда, и украшения — одни и те же; но сравнивая могильники разных мест Приуралья, мы заметим некоторую разницу в обряде погребения и в некоторых типах украшений.

Могильники Чепецкого края дают следующий обряд погребения: в прямоугольных неглубоких ямах с ориентировкой преимущественно в восточном или западном направлении. По типу некоторых вещей эти могильники напоминают аналогичные погребения окских могильников. Так например, сходны ажурные прямоугольные шумящие привески. Однако имеются и оригинальные, почти не встречающиеся в других местах, украшения. Таковы, например, привески трехугольной формы, украшенные зернью по краю и на поверхности пластинки и имеющие снизу на щитковых цепочках шаровидные однопрорезные бубенчики. В чепецкой культуре их много было найдено в погребениях могильника Чем-шай; они встречаются в материале ряда городищ, как например в материале, собранном Н. Г. Первухиным.

Вятские могильники исследованы в незначительном числе. Лопьяловский и Юмский могильники напоминают по вещам, с одной стороны окские могильники, с другой — примыкают к чепецким. Повидимому, относятся они к одной группе с чепецкими могильниками.

Могильники в районе верхней части Вычегды и ее притоков по обряду погребения отличаются от погребений в районе Вятки и Камы. Обитатели края хоронили своих умерших путем трупосожжения, остатки же зарывали в ямы прямоугольной формы, иногда выложенные срубом. В могилу вместе с остатками трупосожжения клались украшения и бытовые вещи. Весь инвентарь не носит никаких следов действия огня. Вещи погребального инвентаря близко стоят по типу к вещам пермских могильников.

Могильники, расположенные в районе верхней Камы, исследованы Н. Г. Первухиным. Обряд погребения обычный для грунтовых «пермских» могильников. Умерших хоронили в неглубоких ямах, ориентированных с севера на юг (выяснено только для двух могильников Селятского и Горд-Кушетского).

Область Средней Камы в районе Чердынского и Соликамского уездов представлена могильниками с обычным ритуалом: погребение покойников совершалось в неглубоких ямах прямоугольной формы с ориентировкой с севера на юг (редко головой на юг). Таким образом камские могильники верхней и средней части сходны по ритуалу. Из особенностей пермских могильников нужно указать на серебряные маски, в некоторых редких случаях налагаемые на лица покойников. Из вещей же, характерных для Пермского края, являются: пронизки в виде прямых трубочек с шаровидными или овальными утолщениями или перехватами. Пронизки-трубочки и с ажурными утолщениями, по назначению аналогичные проволочным спиральям окских могильников; они являются характерной частью костюма населения Прикамья, редко встречаются среди вятских и костромских древностей и совершенно отсутствуют в приокских могильниках. Из других вещей необходимо отметить особый тип шумящих привесок прямоугольной формы с пластинкой, заполненной рядами имитации простой и перевитой веревочки; по краям у них — вертикальные столбики, заканчивающиеся двурогими выступами (так называемые двурогие). К тому же времени относятся могилы № 3 и 8 Котловского могильника. По характеру вещей они подходят скорее к вятским древностям и костромским курганам, исследованным Нефедовым.

Таким образом, мы имеем три группы: первая — Вятско-Чепецкая, вторая — Вычегодского района и третья — Камского. Провести точно границу между ними при современном состоянии знания не представ-

ляется возможным, но, повидимому, они группировались по рекам. Указанные различия, повидимому, обусловлены племенными различиями.

Эти различия замечаются совершенно четко с эпохи VIII—IX вв., в ранних же памятниках они отсутствуют, хотя, несомненно, некоторые штрихи уже намечаются после V века. Это видно хотя бы в том более дробном делении культур этого времени, на которое указывает наличие культуры типа ломоватовской. Эти наметившиеся культурные различия, повидимому, были обусловлены процессом образования народов Приуралья, и поэтому, прежде чем приступить к анализу этой эпохи, совершенно закономерно поставить вопрос, с какими из существующих народов можно связать материальную культуру Прикамья VIII—IX—X и последующих веков н. эры.

Для этой цели я считаю необходимым привлечь материал поздний — XIX—XVIII вв. н. эры, материал, который исторически связан с определенными народами, и, устанавливая генетическую связь их с более ранними памятниками, подойти к исходному пункту VIII—IX—X вв., когда они выделились из общей для них всех культуры, связанной с пьяноборской и ананьинской.

Наиболее поздние памятники, имеющие генетическую связь с более ранними, прослежены в районе Вятки, Чепцы и по среднему течению Камы. Так как ряд материалов остается неизданным, то я остановлюсь только на типичных памятниках для разных эпох.

Почти около всех селений Удмуртского края расположены кладбища Вуж-шай, на которых в недавнем прошлом хоронили умерших. Эти могильники изучались сравнительно мало; в виду отсутствия в них большого числа вещей они почти не привлекали внимания археологов. Эти могильники известны по работам Н. Г. Первухина⁷⁶, проф. Казанского университета И. Н. Смирнова⁷⁷ и по отчетам археологической экспедиции института археологии и искусствоведения РАНИОН.

Наиболее полный материал получен из могильника Вуж-шай, расположенного около селения Адамского, Глазовского района, на берегу реки Чепцы. Это кладбище среди местного населения деревни Адамской почитается как место упокоения дедов и прадедов, и два раза в год там совершаются поминки с принесением даров. Поверхность могильника в настоящее время покрыта небольшими углублениями овальной, реже круглой формы.

Как выяснилось в процессе работы, каждое углубление, овальное или круглое, точно соответствует могиле.

Сохранность костяков прекрасная, благодаря чему обряд погребения удалось установить довольно точно. Покойники полагались в прямоугольные ямы. Размеры их колеблются в зависимости от роста покойника от 2,30 до двух метров при ширине от 0,80 до 0,70 м. Размеры детских могил колеблются от 1,5 до 0,55 м в длину и от 0,70 до 0,25 м в ширину. Глубина захоронений не зависит ни от пола, ни от возраста погребенного и варьирует от 0,45 до 0,80 м. На дне могильных ям находились гроба. Покойники полагались в гробу на спине с руками, вытянутыми вдоль тела или полусогнутыми, с кистями на тазовых костях. Ориентированы покойники в северном направлении с отклонением на запад.

Могильный инвентарь весьма скуден: железный нож, скобка для ношения топора у пояса, топор в ногах, иногда монеты в области груди, вот и все предметы, сопровождающие мужские погребения.

В женских — те же ножи, ожерелье из бус, монеты в области груди, исчерпывают весь инвентарь покойницы. Ни одно из погребений не содержало глиняной посуды.

Датировка могильника устанавливается довольно точно, по монетам конца XVII, начала XVIII века. Три такие монеты найдены в погребениях вместе с топорами, так что они датируют и последние.

Могильники, аналогичные Вуж-шай, имеются в значительном числе в пределах теперешней Удмуртской АССР. И. Н. Смирнов, проф. Казанского университета, исследовавший могильники XVIII века Пурга-шай и Чабья-шай, имевшие аналогичные Вуж-шаю внешние признаки в виде едва заметных могильных ям и ориентировку головой на север и северо-запад, получил точно так же весьма скудный могильный инвентарь: монеты, стеклянные бусы, железные ножи и топоры. Проф. И. Н. Смирнов отмечает: «наряд вотяков 200 лет тому назад был столь же беден металлическими украшениями, как и ныне»⁷⁸.

Аналогичную картину дает Ляль-шурский могильник Пурга-шай. На его территории профессор И. Н. Смирнов открыл погребения XVIII века⁷⁹. Экспедиция РАНИОНа там же наткнулась на более ранние погребения XV—XVII вв. Дата установлена по серьгам из проволоки, изогнутой в виде знака вопроса, с напускной бусиной, и по русским серебряным копейкам. Ориентировка погребений, форма могил и обряд захоронения в ранних погребениях те же, что и в поздних: головой на запад, юго-запад и север. В более ранних могилах инвентарь значительно богаче, чем в поздних. Больше и монет, и женских украшений.

В мужских погребениях встречены бронзовые ведерки с закругленным дном, топоры типа топоров Тушинского лагеря, ножи прямые, огниво, близкое к колачевидной форме, кочедыги, скобы и кремь. В женских погребениях — стеклянные зеленые мелкие бусы, монетообразные привески, пластинчатые несомкнутые широкие браслеты⁸⁰, железные пряжки, бронзовые бубенчики, употреблявшиеся вместо пуговиц, щитковые перстни, глазчатые бусы, бронзовые фигурные пряжки, конические привески, серьги проволочные, щитки от пояса. Глиняной посуды в погребениях не обнаружено. И наконец, исследован ряд могильников эпохи X—XII вв., как-то: Поломский, Бигер-шай, что у селения Адамского, Чем-шай близ Глазова, Вятский могильник. Из этих могильников Половский остается пока неизданным. Бигер-шай, как мне кажется, несколько отличен по вещественному материалу от памятников местной культуры; наиболее же типичным является Чем-шай, расположенный около городища Иднакар X—XIII вв. н. эры.

Анализ материала могильников XVII—XV—X вв. позволяет установить следующие точки соприкосновения между ними: обряд захоронения умерших один и тот же на протяжении всего времени, преобладающая ориентировка могил в западном направлении сохраняется в течение долгого времени; в вещах устанавливается прямая преемственность; сохраняется почти на всем протяжении времени состав могильного инвентаря.

Эти соображения, при наличии единой территории и хронологической последовательности, заставляют сделать вывод, что удмурты сформировались на территории Чепцы-Вятки из общего конгломерата

родовых групп, известных под именем пьяноборской и ананьинской культуры, и еще более древних культур.

Если мы обратимся к материалу среднего течения Камы, то увидим следующую картину. Имеющиеся городища, могильники и жертвенные места относятся к одной культуре. Керамика, орудия труда, различные украшения, культовые вещи встречаются на всех видах памятников.

К сожалению, как в первом случае, при разборе материала из района Вятки-Чепцы, мы не имеем достаточно большого количества материалов для установления связи между поздними, современными нам, и более ранними памятниками. В этом районе такую связь мы можем установить только по материалу костяц. Наиболее древние из них — Гляденовское костяц и костяц у Горовой. На этом костяце были найдены костяные и железные стрелы, бусы, а близ костяца у деревни Старой Горовой одна литая фигура идола. Весь материал — стрелы, бусы и идол — дают возможность отнести костяц к первой половине первого тысячелетия нашей эры. Следующее место в хронологическом порядке занимает костяц (первоначально пещера, разрушенная в XIX веке при добывании известняка) на реке Колве близ деревни Подбозьки у так называемого камня Светика⁸¹. На этом костяце были найдены ряд литых чудских идолов, бусы, стрелы, сосуды, один сасанидский диргем Хозроя II, царствовавшего в 7 веке нашей эры (591—628). Эта монета служила в качестве украшения, на что указывает ушко для подвешивания, почему она и не может служить достоверным материалом для датировки памятника. Самые чудские идолы аналогичны по трактовке идолам, найденным в Чаньвенской пещере. И наконец, самым поздним памятником, относящимся уже к эпохе XI века н. эры, является второй слой Чаньвенской пещеры, в котором, помимо вещей, обычных для этого рода памятников, костей животных, украшений и сосудов, найдены следующие монеты: саманидский диргем халифа Наср-бен-Ахмеда, чеканенный в городе Берде, и англосаксонская монета IX—X вв. нашей эры. Этот второй слой отделяется от нижнего, который кроме огнища и костей животных ничего не имеет и поэтому не может быть датирован. Верхний слой пещеры существовал еще на памяти путешественников XVIII—XIX вв. Мощностъ этого второго слоя весьма велика и указывает на непродолжителностъ существования памятника. Дата его — XI век нашей эры. Кроме указанных костяц, необходимо отметить еще ритуальные пещеры, расположенные по течению реки Яйвы, которые Сергеевым отмечены под №№ 5 и 6. В обоих найдены были огнища и кости животных. Оба эти костяца были разрыты крестьянами с кладоискательскими целями.

Подводя итог, мы должны сказать, что характер жертвенных мест за все время их существования не изменился. Во всех типах вещей мы видим прямую преемственностъ от более древних к более поздним.

Поздние слои костяц — XIX века — связываются с вогулами и остяками. Академик И. И. Лепехин писал в конце XVIII века: «по сказкам жителей»... (Чаньвенская пещера)... достойна внимания для вогульской древности. Говорят, что она служила общим капищем всего Вогульского народа, куда они около масляницы собирались со всех сторон. Хотя от самых Вогуличей ничего, о старом богомольи спроведать я

не мог, но жители сказывают, что и до днесь в сей пещере можно видеть утлые деревянные болваны, составляющие старинное вогульское божество. Пещера почти вся завалена оленьими и сохатых костями, из чего вероятно заключить можно, что древние вогульские обряды были идолопоклоннические и что они оленей и лосей богам своим приносили в жертву»⁸².

В этих же местах помещает вогулов и путешественник Иоганн Готтлиб Георги, отметивший в своих замечаниях во время путешествия в Российской империи в 1773—1774 гг. вогулов на реке Чусовой и подробно описавший их жертвоприношения. По другим историческим документам можно проследить остояков и вогулов по западную сторону Урала. Так, в житии св. Трифона отмечается и крещение остояков, живших на реке Н. Мулянке близ Перми⁸³. «Иде по той реце в гору яко пять поприщ и дошед идеже обе реки глаголемыя Муллы, из единого места разъидошася надвое, каяждо своими источником и ту преподобный обрете в стыни поле чисто, пусто и лесом окружено... и возлюби е зело. Место же то идеже вселися блаженный, бяше кладбище остяцкое или паки рещи жертвище идольское». Под 1662 г. в акте сказано: «171 февраля в 14 день... и в теж де поры Чердынской тот Остяк говорил Кошелю: купили де мы у Ивашка Легманова Чордынские остяки десять человек парня Остяцкого для того, чтоб де убил его Чордынский шайтан»⁸⁴. Под тем же годом известно показание некоего остяка Умбы Панджиева: «171 февраля в 16 день... и они де Березовского уезду Остяки сказали, что готовы де идти с ними на город и служилых людей побить, а придти было же им под город войною в прошлом во 170 году, весною по полою же воде, да за тем де они в прошлом во 170 году под город войною не пришли, что де они с собою в измену на город не могли самоедь призвать; а в нынешнем де они во 171 году с тою Самоедью все остяки свестились и с Чордынскими Остяками и с Пельмскими. И придти де им под город войною, всем свестясь, в нынешнем во 171 году, весною по полевой воде, город де взять и служилых людей побить; а где де им Березовского уезду всех волостей Остякам с Чордонскими и с Пельмскими остяками съехаться...»⁸⁵. Эти данные дают основание утверждать, что жертвенные места XVIII—XIX вв., а также и более ранние слои X—XI вв., как, например, в Чаньвенской пещере, безусловно могут считаться вогульскими и остяцкими. Я далек от мысли только остякам и вогулам приписать эти костыща, так как, связанные генетически с более ранними памятниками вплоть до Гляденовского костыща, они характерны для всего населения западного Приуралья. Правда, в более позднюю эпоху характер религиозной системы и обрядовая сторона сохранились в большей мере у вогулов и остояков, чем, например, у коми-пермяков, у которых охота и связанная с ней система производственных отношений отошли на второй план, что, конечно, в известной мере отразилось и на религиозных верованиях. Весь имеющийся в наших руках материал позволяет утверждать, что остяки и вогулы сложились, как народы, частично на базе той же ананьинской и пьяноборской культуры.

В настоящее время у нас нет материалов, дающих возможность точно так же шаг за шагом проследить археологическую преемственность культуры VIII—X вв. по отношению к современным коми-зырянам и коми-пермякам. Исторические же сведения дает нам мате-

риал, позволяющий утверждать, что эти народы являются автохтонами западного Приуралья, и что именно со вторыми необходимо связать ряд городищ и могильников в западной части Пермского края и отнести шумящие привески с роговыми выступами сверху к частям их костюма. Погребения с трупосожжениями, обнаруженные в районе реки Вычегды, дали культуру, близкую пермской — коми-зырянам. Итак, все эти народы — коми-зыряне и коми-пермяки, удмурты, вогулы и остяки — все сложилось в результате развития общественных отношений на одной базе родовых объединений, известных под именем ананьинской-пьяноборской культуры. Эта дифференциация начинается в IX веке и окончательно оформилась уже в эпоху X—XI—XII веков.

Как я выше отметил, пьяноборская эпоха не представляет чего-нибудь нового, принципиально отличного от ананьинской культуры. В это время происходит лишь количественное изменение, сказывающееся в росте скотоводства, дальнейшем развитии пушной охоты, дальнейшем росте кузнечно-литейного дела, причем необходимо оговориться, что хотя специализация кузнецов-литейщиков уже определилась совершенно отчетливо в ананьинскую эпоху, однако еще нет никаких оснований утверждать об отделении ремесла от сельского хозяйства. Здесь мы имеем дифференциацию внутри родовой группы.

Ту же картину мы имеем и в пьяноборскую эпоху. Изменение наметилось значительно позднее и связано с переходом от мотыжной к подсечной системе земледелия. С этим изменением хозяйства изменяется и тип поселения.

Население, естественно, не может ограничиться площадью, расположенной около городища, особенно при условии необходимости частой смены пахотных участков. Поэтому селище и детинцы, куда спасается сельское население, становятся необходимыми. Этот переход, как можно предполагать, свершился не ранее VIII века. У нас нет совершенно точных данных для датировки этого перехода, но есть некоторые соображения, которые и заставили меня выдвинуть эту дату.

Пижемское городище на основании исследования Антропологического института можно датировать временем, начиная с ранней пьяноборской культуры и кончая IX—X вв. н. эры. Верхний слой городища относится к эпохе подсечного земледелия, так как найдены жернова ручной мельницы, которые никоим образом не могут возникнуть при мотыжной обработке земли, при которой удовлетворялись простой зернотеркой.

Вместе с тем исследователи отметили отсутствие разрыва между древним слоем городища и поздним; это отсутствие *hiatus'a* показывает, что или жизнь на городище почти не замирала, или часть населения, — а именно ремесленники, — остались на своих местах. Последнее предположение, повидимому, верней, так как около городища за линией вала продолжался культурный слой. Повидимому, за валом городища, по направлению к современной деревне Городища, находилось древнее селище, подобно тому, как за стенами древнеславянских городов обычно находились незащищенные пригороды⁸⁶.

Второе соображение, не позволяющее отнести далеко вглубь дату перехода к подсечной системе, — это отсутствие хорошего лесорубного топора, который появляется приблизительно с IX в. н. эры, так

как кельт дьяковского типа или пьяноборского никак не мог служить в качестве лесорубного топора. Эти соображения и заставили меня отнестись к изменению в системе земледелия к VIII—IX вв., причем вначале, как это установлено исследованиями П. Н. Третьякова, землю обрабатывали без плуга или сохи, и лишь с X века в крае появляются первые сошники, отмеченные рядом археологических находок⁸⁷.

Одновременно произошло еще и другое крупное событие: ремесло отделилось от сельского хозяйства. Это выделение кузнецов, зародившееся еще в древней ананьинской культуре, теперь окончательно оформилось. Оно состояло не только в том, что кузнецы остались на старых местах в укрепленных поселках, в то время как остальные сородичи расселились по заимкам, но и в том, что введение сыродутного горна, о существовании которого в эту эпоху мы можем судить по наличию крупных железных орудий, значительно усложнило, вернее увеличило, размеры производства и тем самым проложило более резкую грань между земледелием и ремеслом. В данных конкретных условиях это и будет вторым великим разделением труда, непосредственно связанным с возникновением классового общества.

О времени перехода к плужному земледелию в западном Приуралье в литературе высказывались различные точки зрения. Одни относили возникновение его к VI—VII в. н. эры. Другие придерживались другой точки зрения, выдвинутой еще работами Теплоухова, относившего возникновение плужного земледелия к X веку. Эта точка зрения подтвердилась новыми находками земледельческих орудий.

Переход к подсечному земледелию тесно связан с переходом населения на селища. А. В. Шмидт отрицал существование селищ в эту эпоху. «Мне кажется, что неукрепленных постоянных мест поселений в данную эпоху вовсе не было. Следы их не были обнаружены и экспедицией, несмотря на специальные поиски»⁸⁸.

Однако, не говоря уже о неоднократно упоминавшихся в литературе чудских ямах около селения Верхне-Боровского, которые представляют собой селища эпохи IX—XII в. н. эры, как об этом можно судить по исследованию Сергеева⁸⁹, известно не мало селищ, которые, к сожалению, остаются еще малоисследованными. Все они представляют собой ровную площадь, ясно выделяющуюся цветом культурного слоя на фоне суглинка. Они не имеют никаких следов укреплений. Главными находками являются земледельческие орудия: ральники, топоры, пшени и т. д. Отвечу, что подавляющее число земледельческих орудий, собранных в свое время Н. Г. Первухиным, найдено им на селищах. Большинство из этих памятников относится к X—XII вв. н. эры.

Из них отмечу: селище у села Афанасьевского; оно не имело никаких следов искусственных сооружений; из вещей на нем найдены бусы: большие многогранные, стеклянные, желтые круглые, посеребренные, золоченые и синие круглые; из бронзовых украшений найдены привески в форме уточки, полые внутри с подвесками в виде утиных (гусиных) лапок; обломков украшения в виде круглой слегка вогнутой бляхи, украшенной по кругу кружковым орнаментом, а в центре — жгутовым; в верхней части имеется в нем петля для подвешивания, а снизу четыре отверстия для цепочек. Аналогичный предмет с цепочками и коническими колокольцами найден в Аников-

ском могильнике с арабскими диргемами первой половины X века. Из орудий труда на селище найдены: топоры железные с прямым верхом — плоским обухом, овальным лезвием и полукруглой выемкой снизу; железный кочедыг и обломок стремени. Большинство вещей приобретено Первухиным у крестьян покупкой. Селище может быть условно датировано: бронзовой фигурой уточки, аналогичной таковой же из костромских курганов, раскопанных Нефедовым, и круглой привеской. По этим вещам время селища относятся к X—XI в. н. эры.

Урочище Важ-город также является неукрепленным селищем. Н. Г. Первухиным при раскопках добыты следующие вещи: круглая прорезная бляха с изображением свернувшейся по кругу медведицы с медвежатами, серьги проволочные овальной формы с бипирамидальной привеской, сделанной из зерен, и две серьги проволочные круглые, с длинными стержнями с нанизанными из них бусами и пронизками, оканчивающимися круглыми привесками; небольшая медная четырехугольная пряжка от пояса, круглая железная пряжка, железные удила, железное стремя и четырехугольная продолговатая пряжка, скованная из довольно тонкого прута. Датировка устанавливается по пластинке с изображением медведей и по серьгам «татарского» типа — приблизительно X—XIV вв. н. эры.

Селище близ деревни⁹⁰ Порубово находится в 13 км от села Афанасьева у тракта в сторону села Бисерова. Мощностъ культурного слоя достигает 0,5 м. Здесь были найдены: ральник длинный и узкий, железное тесло и ряд топоров: 1) удлиненой формы с четырехгранным обухом-молотком, небольшими щековицами, выступающими вверх и вниз, и овальным проухом; 2) аналогичный предыдущему, но отличающийся от него закруглением на конце обуха; 3) с закругленным обухом, прямой верхней линией, овальным лезвием, парой щековиц внизу проуха и полукруглой выемкой в нижней части; кроме топоров найдена мотыга с поперечным лезвием и обухом в виде закругленного молотка. Селище датируется находкой топоров X—XII вв. н. эры.

Селище у дер. Лагиново, находящейся на речке Кыгдеза, притоке Лолога, Юкеев-Чердынского района, где при постройке мельницы на речке Пуштомья были уничтожены чудские ямы. При разработке земли найдены ральники и топоры⁹¹.

Селище в урочище Чемкас. Урочище находится в 5 верстах от деревни Среднее Бачманово. Там были открыты в 1886 г. чудские ямы. Исследованы они, к сожалению, не были⁹².

Селище у дер. Бондыжской на р. Каме в пределах бывшей Бондыжской волости Чердынского района. Исследований не производилось⁹³.

Селище у сел. Верхне-Язвинского, расположенного на р. Язьве, притоке Вишеры, в быв. Верхне-Язвинской волости. Селище занимало поле, ныне распаханное; здесь находили земледельческие и другие орудия: топоры, ральники, замки и т. п. X—XII вв.⁹⁴ Исследований не было.

Селище у дер. Коноваловой в местности Гонько, на правом берегу Язьвы. На этом поле обычны находки ральников, топоров, мотыг и других орудий. Исследований не было⁹⁵.

Селище у дер. Исады, находящейся у впадения р. Лиможко в Каму,

в Пантежской волости. На селище находится ряд чудских ям. Исследований их не производилось⁹⁶.

Селище близ сел. Коретино на р. Колве, в быв. Кератинской вол. На селище неоднократно были находимы ральники, стрелы, подвески. Раскопок не производилось⁹⁷.

Селище у дер. Кокорина на Боровице, притоке р. Камы, в быв. Мошевской волости. На селище обнаружено несколько чудских ям, около которых найдены ральники и топоры. Исследований селища не было⁹⁸.

Селище близ дер. Салтаново (Шайтановка), на речке Салтановка, притоке Лызовки, впадающей в р. Колву; в быв. Анисимовской волости; в урочище Шатино имеются многочисленные следы чудских ям, вблизи которых были находки чудских вещей⁹⁹.

Селище вблизи Салтаново в урочище Черной Лог или Подскурышено, где имеются признаки чудских ям, рядом с ямами выпашиваются чудские топоры, ральники, мотыги¹⁰⁰.

Селище вблизи дер. Салтаново — в урочище Чуша, где найдены чудские топоры и ральники¹⁰¹.

Селище у дер. Татарской, расположенной на Талице, притоке р. Мошевицы, впадающей в Каму, в быв. Мошевской волости. На селище обнаружены чудские ямы и сделаны находки чудских ральников и топоров¹⁰².

Наличие селищ указывает на большое значение земледелия, что подтверждается всем комплексом вещей, находимых на них.

Эта эпоха IX—X вв. является не только временем существования патриархальной семьи, но и территориальной общины, времени, когда происходит перемещение семейств различных родов. Это перемещение очень рельефно отражается на археологическом материале, давая иногда очень нечеткую и спутанную картину характерных для данного района украшений костюма с вещами, характерными для соседних культур.

В свое время А. А. Спицыным были выделены типы височных колец, характерные для отдельных славянских племен. В последнее время его точка зрения оспаривалась рядом археологов.

Если же мы обратимся к этнографическому материалу, то увидим, что различные народы действительно имеют особенности в костюме, которые выдерживаются во всех деталях. Эти различия особенно рельефно заметны в женском костюме. Чем ближе к нашим дням, тем это своеобразие все больше и больше стирается. Естественно, что в более древние эпохи своеобразие костюмов было еще более резким, и границы между ними проходили более отчетливо. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что племенные особенности костюма никак не отражаются в археологическом материале. Естественно думать, что существовали особые, присущие только данному району, типы украшений; и лучшим доказательством этого является классическая работа А. А. Спицына, в выводах своих совпадавшая с данными первоначальной летописи.

При господстве же территориальной общины, когда представители различных племен живут рядом, естественно, что в одних и тех же местах мы найдем вещи, характерные для разных районов. Различие заключается лишь в том, что вещи, характерные для данного района, будут в большинстве, а вещи, характерные для других районов, бу-

дут в меньшинстве, и это обстоятельство учитывалось А. А. Спицыным в его работе. То же самое мы встречаем и в Приуралье.

Едва ли можно относить нахождение некоторых чуждых данной области таких вещей за счет торговли, так как при одном и том же уровне развития мы имеем дело с однокачественными вещами, и трудно себе представить, чтобы какие-нибудь приволжские височные кольца находили сбыт в области вятичей. Другое дело, когда мы имеем дело с особыми типами вещей более высокой техники, как например киевские ювелирные изделия или болгарские на Северной Каме. Но эти вещи сравнительно редки, а общая перемешанность вещей должна быть отнесена за счет новых общественных отношений.

А так как нередко в одних и тех же могилах в эту эпоху мы встречаем вещи, характерные для различных племен, то можно объяснить это тем, что при господстве территориальной общины вступающие в брак с родичами чужаки, естественно, могли давать в своем костюме такую нечеткую картину перемешанности украшений, свойственных разным племенам. Так, если мы обратимся к западному Приуралью, то встретим отдельные вещи, не характерные для Приуралья и вместе с тем не представляющие предметов более высокой техники, которые можно было бы отнести за счет торговых связей. К числу их нужно отнести фигуры уток, не характерные для районов Камы и являющиеся типичными для костромских курганов; они были найдены около сел. Елена и дер. Иванчина и Михалева¹⁰³.

В качестве иллюстрации этого положения можно привести некоторые погребения Котловского могильника, исследованные Ф. Д. Нефедовым в 1893 году¹⁰⁴. Такова могила № 3, где были найдены бронзовые украшения с фигурками коньков, бронзовая большая бусина, металлическая фигурка с петелькою у головки и с привескою внизу, изображающая как бы птицу с звериной головой; в головах лежали кости животных и глиняные черепки, а в ногах два камня. В могиле № 8 были найдены на голове покойницы бронзовые бляшки из двух круглых плоских пуговиц с петелькою внизу, на шее — ожерелье из эмалированных бусин с большой сердоликовой бусой посредине, на плечах бронзовые привески с фигурками коньков и лапками на цепочках, у пояса — бронзовая круглая узорчатая пряжка с висящими петочками. Аналогии им можно указать в инвентаре костромских курганов¹⁰⁵.

В районе Чепцы также можно указать на плоские и дурые фигурки птичек, имеющиеся в коллекции Н. Г. Первухина и весьма редкие в материалах этого края¹⁰⁶. Редкой находкой является также бронзовая трубочка с фигурой птички, служившая пронизкой и весьма типичная для пермской группы¹⁰⁷. Этот предмет в коллекции Н. Г. Первухина единичный.

И, наконец, к этой группе памятников нужно отнести могильники Бигер-шай, находящиеся во многих местах современной Удмуртской АССР. Наименование Бигер-шай означает, по мнению некоторых исследователей, болгарский могильник, но на самом деле эта категория значительно более широка. Так, могильник Бигер-шай, открытый у сел. Лудошур и сел. Ягошура, оказался татарским; с другой стороны, могильник Бигер-шай у сел. Адамского Глазовского района дал вещи типичные для окских могильников, иного облика, чем обычные для Чепцы могильники, как например Чем-шай. Повиди-

тому, понятие Бигер-шай значительно шире, чем болгарский или татарский могильник, и слово «Бигер» обозначало всякого чужеземца, а отсюда это понятие перешло на могильники.

Однако было бы неверно относить господство территориальной общины ко всей территории западного Приуралья. Так, несомненно, что в районе Ветлуги этот процесс еще не начинался. Нет у нас данных и для доказательства существования соседской общины в районе реки Вычегды.

Этот район дает несколько иную картину, чем район средней Камы. Я уже отмечал выше при анализе материала этих могильников особый обряд погребения и отсутствие в могильниках особых украшений костюма, которые бы дали возможность четко выделить его из числа других. Но на территории Вятки, Чепцы, Нижней Камы территориальная община сменила патриархальную.

Хозяйственный прогресс, приведший к образованию территориальной общины и к господству индивидуальной семьи, окончательно разрушал первобытную общину, пережитки которой, однако, продолжали существовать еще очень долго, на протяжении нескольких столетий. Это господство мелкого хозяйства создало весьма благоприятную почву для дальнейшего накопления богатства в виде металла, скота, другого движимого имущества и рабов, институт которых в Прикамье существовал еще в эпоху Ананьинского могильника. Земля продолжает еще оставаться общинной собственностью, исключая усадьбу, которая, как отметил Энгельс, явилась первой частной земельной собственностью¹⁰⁸. Род теряет возможность контролировать отдельных своих сочленов. Имущественное неравенство приводит к закабалению маломощных членов рода их богатыми сородичами; эти маломощные члены рода становятся рабами наряду с военнопленными. В этом процессе закабаления большую роль сыграл переход к плужной системе земледелия, которая потребовала дорого стоящих по тому времени железных орудий, как рало и топор. Все это и привело к антагонизму между двумя социальными слоями тогдашнего общества, массой родичей и немногочисленной экономически сильной частью, которая в большинстве состояла из членов военных дружин и вождей. Эта часть экономически стала выделяться из общего числа членов рода еще значительно раньше. Во всяком случае уже ананьинская эпоха дает погребения воинов, выделяющиеся более богатым инвентарем из числа рядовых погребений. Но эта эпоха была временем, когда древние родовые устои еще крепко держались, а процесс накопления и его методы были иными. Тогда накопление имущества шло в основном за счет соседей. Теперь же, с усилением территориальной общины, значение родовых связей падало. Господствующим становилось деление на знатных и рядовых родичей. Естественно, что бедная часть рода крепче держалась за родовые устои, которые являлись защитой от закабаления. Новая социальная верхушка, опиравшаяся на родовые военные дружины, которые сами входили в ее число, естественно боролась с родовой традицией. В результате общество разделилось на классы. Социальная верхушка руками рабов и закабаленных родичей укрепляет свои усадьбы, и таким образом создаются княжеские замки на новых, по возможности неприступных, местах; или же эта верхушка захватывает родовые убежища — детинцы, чтобы иметь возможность осуществить свое классовое гос-

подство. Родовая дружина, служившая раньше интересам всего рода, начинает защищать интересы только той ее части, к которой сама принадлежит. Так создаются замки, небольшие городища с мощной системой обороны, которые широко известны в значительной части западного Приуралья: на Чепце, Средней и Нижней Каме ¹⁰⁹.

А. В. Шмидт отрицает возможность отнесения памятников Приуралья X—XIII вв. к феодальному строю. «Изыскания экспедиций, — пишет он, — не дали никаких данных в пользу этой точки зрения. Наоборот, отсутствие особых замков на городищах, относительно однообразный характер таких предметов домашнего пользования, как посуда и т. п., говорят как будто за то, что процесс общественного расслоения еще не привел к созданию классовых группировок, хотя этот момент и был уже недалек. Полагаю, что примерно с конца XIV века, во всяком случае в XV веке, можно говорить уже о туземных классовых общественных образованиях на Верхней Каме и в смежных областях» ¹¹⁰. Я далек от мысли, что культура феодалов эпохи становления классового общества представляет нечто, качественно отличное от культуры массы населения. Самый процесс развития показывает, что у них мы можем констатировать только количественное накопление, наличие отдельных ценных предметов. Если мы для сравнения возьмем материал соседних областей, русские княжества и болгарское царство, где наличие феодальных отношений никем не подвергнуто сомнению, то получим ту же самую картину. Примером может служить город Тушков на Москва-реке, выше Можайска. У этого города территория, занимаемая валом, больше, чем самая площадка городища. Городище было выстроено, как полагает А. В. Арциховский, для защиты одного большого дома. Дата крепости XIV—XV вв. ¹¹¹. И. И. Воронин в своей работе по истории сельского поселения феодальной Руси приводит ряд таких городков, расположенных на мало доступных местах, на обрывах над реками ¹¹². Ту же картину мы встретим и у болгар, где имеются небольшие городища. В качестве примера укажу на городок около дер. Уразимской на левом берегу р. Алгаши. Городок, кругообразной формы с площадью в 540 м, окружен валом в 640 м длины и в 6 м ширины ¹¹³. Городок близ сел. Большие Кляри, овальной формы 654 м; длина вала и рва равняется 92 м; вал шириной в 6 м, ров глубиной в 10 м, а шириной в 8 м ¹¹⁴. Городок на горе Сокол близ селения Кирельского на горном берегу реки Волги; городок «на дачах Сюкеева» расположен между двух оврагов на мысу и огражден с напольной стороны двумя земляными валами метров в шесть ширины. Городок датируется находками монет Хызр-хана 1360 г. н. э. ¹¹⁵. Городок у дер. Средняя Войкина на Ахтае, четырехугольной формы, площадью в 500 м; с северной и западной стороны сохранились валы, обведенные валом высотой в 6 м и рвом глубиной в 2 м ¹¹⁶. Этот список мог быть значительно больше, но и этого достаточно, чтобы убедиться, что никакой разницы с городищами Чепцы и Камы они не представляют, точно так же, как никаких особых предметов более высокой материальной культуры на них не находят, как не находят и особых замков; ибо городище в целом и заменяет собою замок. Напрасно на ранней стадии классового общества стали бы мы искать особой культуры феодалов; такой мы нигде не найдем. Особая культура придет значительно позднее,

когда произойдет значительное накопление, дающее возможность получить предметы быта у более культурных соседей. Что выделяет класс феодалов от массы родичей, — это наличие более совершенного оружия, каким была кольчуга и франкский меч. Такими мы их знаем по летописным миниатюрам¹¹⁷. Примером погребения русского феодала раннего времени может служить курган Черная могила.

В Приуралье также имеется аналогичное погребение, открытое в Юмском могильнике близ починка Загребинского на берегу р. Юм.

Исследования этого могильника были произведены проф. А. А. Спицыным¹¹⁸, который обнаружил на скате берега Юм несколько могил со следующим погребальным ритуалом. Вещи покойника, поломанные и разорванные, складывались кучками, обертывались в остатки одежды и затем зарывались в землю, приблизительно на 0,70 м глубины. Костей человека около погребенных таким образом предметов не найдено. Проф. А. А. Спицын высказал соображения, что труп сжигался где-либо отдельно и кости оставлялись на кострище, либо их бросали в реку, овраг или в другое подобное место; но, повидимому, наиболее вероятным является предположение, что здесь наблюдается случай погребального обряда в честь лиц, погибших вдали от места погребения. Материал этого могильника весьма интересен. К сожалению, вещи, как изданные, так и хранящиеся в коллекции Государственного Исторического Музея, нельзя разбить по отдельным погребениям и приходится рассматривать их суммарно. Из предметов вооружения представляет интерес меч в серебряных ножнах с изображением животных на пластинках¹¹⁹. Украшения представлены серебряными гривнами с колбочками и петлями на концах, двумя серьгами овальными проволочными с подвесками сбоку и четырьмя шумящими привесками.

Приведенные сравнения показывают, что памятники Прикамья в основном аналогичны болгарским и древнерусским. Я отнюдь не хочу сказать, что они повторяют их во всех деталях. Несомненно, район к северу от Камы отставал в своем развитии от болгарского царства и русских княжеств, но все же тип общественных отношений был приблизительно один и тот же, а он в основном определил типы поселений.

К тому же надо учесть еще один момент. Если мы сравним процесс развития общества в Волго-Окском междуречье с историческим процессом развития общества в Прикамье, то увидим весьма много совпадений. Совершенно бесспорно, что дьякова культура аналогична ананьинской. Процесс перехода к плужному земледелию совершился одновременно. Весьма сходна и материальная культура обоих районов; разница, пожалуй, заключается только в том, что восточная торговля оказала большее влияние на Прикамье, чем на западные области. Эта торговля, безусловно, внесла свою долю в процесс распада первобытной общины, ускорив процесс классового образования. Таким образом и анализ археологического материала и сравнение его по материалам соседних государств приводят к выводу о том, что с X—XI вв. здесь на Каме возникли феодальные отношения.

Уже выше я отмечал, что эпоха становления феодализма характеризуется борьбой старых первобытно-общинных отношений с новыми классовыми. Эта борьба заставляет феодалов защищать свои усадьбы крепкой системой обороны, напоминающей укрепления княжеских

усадеб и городов русских. Отсутствие письменных документов, относящихся к этой эпохе, заставляет обратиться к весьма недостоверному на первый взгляд источнику — легендам и преданиям. Просуществовав несколько столетий, они неизбежно несут на себе наслоения более поздних эпох. Однако критическое отношение к ним дает возможность очистить основу их от поздних наслоений и использовать их в качестве исторических материалов.

У населения Чепецкого края сохранились легенды, связанные с городищами и рисующие нам борьбу крестьян с удмуртскими феодалами. Так, Н. Г. Первухиным записано предание о Донды-Карском городище.

«У Донды было два главных места поселения: Донды-Кар и Донды-гурт... и окрестные селения платили ему дань отчасти своими произведениями, а отчасти работой. До сего времени население указывает дорогу, — пишет Первухин, — от Донды-Кара к деревне Кляногурт, жители которой будто бы ежедневно ходили к Донде работать у него на полях».

Так было и в Узя-Каре в старинные годы, когда русские еще не пришли в эту страну; вотяки были покорны своим князьям. Здесь, на горе, окруженной реками и непроходимыми болотами, жил со своими приближенными какой-то князь (эксей), собиравший весьма строго подати с окрестных селений, но за то предводительствовавший, когда на страну нападали неприятели. Предание сохранило нам память об одном восстании, связанном с городищем Узя-Кар. В легенде говорится, что крестьяне, возмущившись на жестокость поборов, чинимых князем и его свитой, решили убить их и завладеть их крепостью. Это решение было проведено в жизнь. В одну темную ночь крестьяне подняли восстание, захватили кар, подожгли жилище, а самого князя со свитой утопили в озере.

Это предание показывает, что общество, оставившее нам это городище, было классовым, и как во всяком классовом обществе, там неизбежно происходили восстания эксплуатируемых слоев населения. Такое общество, естественно, не могло обходиться без государственной власти¹²⁰, которая здесь олицетворялась князем и его дружиной, названной в преданиях свитой. Это государство весьма примитивное, державшееся только исключительно силой оружия. А так как военная техника этих феодалов была все же выше крестьянской, то она обеспечила победу нового общественного строя.

Помимо классово-борьбы между крестьянами и феодалами шла борьба и среди самих феодалов. Народное предание сохранило нам легенды, широко распространенные не только в этом крае, о богатых, сражающихся камнями и топорами, бросая их за несколько верст один в другого.

Вся совокупность материалов показывает, что X—XI вв. явились временем перехода к феодализму у удмуртов, у которых на Чепце находился центр их государственного образования. У их соседей, коми-пермяков, центр государства лежал в Чердынском районе; граница же проходила близ устья р. Иньвы¹²¹, за которой шла пустынная пограничная область.

Несколько иную картину дают памятники бассейна р. Вычегды. Здесь пока не найдено городищ типа княжеских замков, и эта область представляет несколько иную картину. В пределах восточной части Вологодской губернии, в бассейне реки Вычегды, археологические

исследования почти не производились. В моем распоряжении имеется материал, собранный А. А. Сидоровым, добытый раскопками экспедиции Главнауки 1925 г., и материал Усть-Сысольского областного музея. Исследованные городища и могильники не могут быть за немногим исключением точно датированы, в виду отсутствия вещественного материала. А. А. Сидоров производил только рекогносцировочные разведки для составления археологической карты. Экспедиция Главнауки исследовала только три памятника.

Городища, расположенные по р. р. Выми и Вычегде, обычно имеют форму треугольника, выступающего к реке, огражденного с двух сторон крупными оврагами и защищенного с napольной стороны валом и рвом. Таковы исследованные А. А. Сидоровым: Гучертское, Зовренское, Турьинское городища и городища по реке Вымь. В некоторых случаях они имеют форму четырехугольника, огражденного с двух сторон оврагами и с двух napольных сторон системой валов и рвов. Примером такого рода городищ может служить Княж-погостское на р. Вымь. Несколько особняком стоит Комыское городище, расположенное на р. Комыс. Оно помещается среди болот и имеет вытянутую форму. Со всех сторон городище окружают болота; на площади этого городища А. А. Сидоровым обнаружены 10 чудских ям четырехугольной формы, расположенных по окружности городища, и две в центре. В ямах, раскопанных Сидоровым, найдены обожженные камни, кости и обломки глиняной посуды. Имеющийся в ямах инвентарь заставляет считать их жилищами-землянками. Отсутствие датирующего материала не позволяет определить время городища.

В некоторых случаях городища занимали высокие холмы, огражденные со всех сторон оврагами. Подъем на них труден. Примером такого городища может служить Кар-мыльк на реке Вычегде.

Вещественный материал, добытый А. А. Сидоровым на городищах, ограничивается находкой на Гучертском городище круглых шаров из песчаника в 6—7 см в поперечнике, имеющих опоясывающий желобок. А. А. Сидоров склонен считать их шарами от пращей. Вероятней всего описанные камни являлись грузилом от сетей, на что указывает наличие желобка.

Городище Кар-мыльк на Вычегде было исследовано довольно детально. Находится оно близ деревни Карабиз на высоком холме и имеет неправильную четырехугольную форму. С одной стороны на склоне имелась небольшая площадь, укрепленная рвом и валом. Мощность культурного слоя на городище 10—12 см. При исследовании городища на нем был открыт ряд очагов круглой формы, в среднем по 1,70 м в диаметре. Все очаги — временного характера. Никаких следов жилищ на городище не было обнаружено. Но под одним очагом на глубине 1,55 м был найден сруб из обожженных плах, закрепленных на углах вертикальными столбами в стык. Длина сруба — 2,35 м, ширина — 130 м. Другой аналогичный сруб был открыт на глубине 1,30 м. В срубах были найдены обломки глиняных сосудов и кости животных. Бытовые вещи на этом городище немногочисленны: лемех, несколько железных стрел, конские удила, пряслице, обломок льячки, обломки посуды и, из украшений, бусина из горного хрусталя. Городище может быть датировано X—XII в. и является детинцем. К этому типу относятся и другие описанные городища. Характер городищ и открытых могильников не дает основания для утверждения здесь наличия феодальных отношений с X—XI вв.

Подводя итог, можно констатировать, что к XI—XII вв. в Северном Прикамье сложилось два феодальных государства: Удмуртское и Коми-Пермяцкое. В области же Вычегды мы видим в это время лишь процесс развития патриархальной общины; переход к плужному земледелию и расселение по заимкам, связанное с устройством детинцев. Недостаток материала не позволяет более детально осветить исторический процесс в этом районе. Точно так же неясными остаются и отношения между этими районами.

Примечания:

- ¹ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., материалы ГАИМК в. II, Л., 1933, Предисловие, стр. 3.
- ² А. В. Шмидт, Очерки по истории Северо-востока Европы в эпоху родового общества. См. Известия ГАИМК, в. 106, стр. 13-95.
- ³ Там же.
- ⁴ А. В. Шмидт, Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции. Район реки Камы. См. в. I — „Археологич. работы Академии на новостройках в 1932-33 г.“, Л., 1935, стр. 171-172.
- ⁵ А. В. Шмидт, Археологические изыскания Бакширской экспедиции Академии наук, Уфа, 1929, стр. 5.
- ⁶ Там же, стр. 11.
- ⁷ В. В. Гольмстен, Могильник близ город Уфы. См. Отчет о состоянии Московского археологического института за 1912-1913 г.
- ⁸ Л. И. Варакина, Костеносные городища Камско-Волжского края. Известия об-ва археологии, истории, этнографии при Казанском университете, т. XXXIV, в. 3-4, 1929 г., стр. 103.
- ⁹ А. В. Шмидт, Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества, стр. 73.
- ¹⁰ П. Кротов, „О новых поселениях каменного века в Казанской губернии“. См. „Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанск. университете“, т. XXI, в. III, стр. 259.
- ¹¹ См. Очерки Московской антропологич. выставки. Н. Высоцкий, стр. 43.
- ¹² Штукенберг и Н. Высоцкий, Материалы для изучения каменного века. См. труды об-ва естествоиспытателей при Казанском университете, т. XIV, в. V.
- ¹³ Труды об-ва естествоиспытателей при Казанском университете, т. X, в. I.
- ¹⁴ А. В. Шмидт, Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. См. Сборник музея антропологии и этнографии Ак. Наук, т. VII, стр. 295.
- ¹⁵ А. В. Шмидт, Древний восток и русский север. См. журнал „Новый вестник“, № 13-14, стр. 345.
- ¹⁶ См. вып. I. Арх. работы Академии на новостройках в 1932-1933 г., Л., 1935, стр. 171.
- ¹⁷ А. В. Шмидт, Указ. работа, стр. 73.
- ¹⁸ Там же, стр. 74-76.
- ¹⁹ См. Материалы ГАИМК № 2. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г.
- ²⁰ Ф. Д. Нефедов, Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. См. Материалы по Арх. вост. губ. России, в. III, стр. 44. Москва, 1899 г.
- ²¹ Известия и ученые записки Казанского университета, в. 3-4, 1882 г.
- ²² П. А. Пономарев, По следам первобытных звероловов Камско-Волжского края. Приложение к протоколам заседаний об-ва естествоиспытателей при Казанском университете № 290 — 1912 г.
- ²³ А. А. Спицын, Материалы по археологии восточных, губерний России, в. I, М., 1893 г.
- ²⁴ А. С. Лебедев, Пижемское городище, см. Известия Об-ва археол. истор. и этн., в. XXIII, 1907. стр. 448.
- ²⁵ А. В. Збруева, Пижемское городище, см. Известия ГАИМК № 106, Л., 1935, стр. 269-270.
- ²⁶ Там же, стр. 271.
- ²⁷ Там же, стр. 288.
- ²⁸ Там же, стр. 272.
- ²⁹ А. В. Збруева, Пижемское городище, стр. 278.

³⁰ Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыще Пермской губ. на реке Изме Пермского уезда. См. Труды Пермской губ., Уч. Архив Комиссий, в. XI, Пермь, 1914, стр. 73 и след.

³¹ С. Г. Матвеев, Городище Сабанчи-Кар. См. Труды Научного об-ва по изучению Вотского края, т. IV, стр. 15—16.

³² А. В. Шмидт, Очерки по истории северо-востока Европы, в эпоху родового общества.

³³ Там же, стр. 78.

³⁴ Б. Н. Граков, Техника изготовления наконечников стрел. См. сборник „Техника обработки камня и металла“, РАНИОН, 1930, М., стр. 83.

³⁵ P. Dmitriev — Ueber die Gusstechnik auf dem Burgberge Irtjash Uralgebiete. — E. S. A. VI, p. 21 — 255.

³⁶ А. В. Шмидт, Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества, стр. 81-82-83.

³⁷ Там же, стр. 82.

³⁸ Ф. Д. Нефедов, Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. См. Материалы по арх. восточн. губ. России, в. III, стр. 45, М., 1899 г.

³⁹ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., Материалы ГАИМК, в. II, Л., 1933, стр. 17.

⁴⁰ Ф. Д. Нефедов, Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г., стр. 44-45.

⁴¹ Там же, стр. 55.

⁴² А. В. Шмидт, Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества, стр. 76.

⁴³ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., стр. 17.

⁴⁴ А. В. Шмидт, Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества, стр. 91.

⁴⁵ Ф. Д. Нефедов, Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г., стр. 44.

⁴⁶ Там же, стр. 55-56.

⁴⁷ А. В. Шмидт, Указан. работа, стр. 92-93.

⁴⁸ Там же, стр. 983-94.

⁴⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. Партиздат, М., 1937, стр. 89.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., стр. 9.

⁵² Smoline, La pesgorole d'Abachevo, см. E. S. A. т. I—II—1927, p. 86.

⁵³ Например в Зуевском могильнике найден нож, по форме напоминающий ножи абашевской культуры. См. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына, 1898, табл. VII, рис. 39.

⁵⁴ А. В. Збруева, Пижемское городище, стр. 278.

⁵⁵ В. И. Сизов, Дьяково городище близ Москвы, см. Труды IX Археологич. съезда, т. II, стр. 256, М., 1897 г.

⁵⁶ Отчет Археологич. комиссии.

⁵⁷ Aspelin, Antiquités du Nord finno-ougrien.

⁵⁸ П. П. Ефименко, Рязанские могильники.

⁵⁹ А. А. Спицын, Приуральский край, См. Материалы по археологии вост. губ. России, в. I, стр. 61, табл. VIII, рис. 3.

⁶⁰ Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыще Пермской губернии на реке Каме, Пермского у. См. Труды Пермской губ. уч. Ар. Ком., т. XI, таб. III, рис. 6. Пермь, 1914.

⁶¹ А. А. Спицын, Приуральский край, табл. VIII, рис. 9.

⁶² См. Труды Пермской уч. Арх. Ком., т. XI, табл. II, рис. 17, таб. IV, рис. 21, табл. X, рис. 21.

⁶³ А. А. Спицын, Приуральский край, табл. VIII, рис. 7, 10, 11.

⁶⁴ Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыще Пермской губ. на р. Каме, Пермского уезда, стр. 97.

⁶⁵ А. А. Спицын, Гляденовское костыще. См. Известия Русского археологии об-ва, Пгб. 1801, стр. 41.

⁶⁶ В. А. Городцов, Бытовая археология, М., 1910, стр. 437.

⁶⁷ А. В. Шмидт, Жертвенные места Камско-Уральского края, см. Известия ГАИМК, т. XIII, в. I—II, 1932, стр. 37.

⁶⁸ Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыще Пермской губ. на реке Каме, Пермского у. Табл. XII, рис. 2, 3, 8, 9, 30, 34.

- ⁶⁹ Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыще, Пермской губ. на реке Каме, табл. XIII, рис. 19.
- ⁷⁰ С. В. Киселев, Поселение, см. Труды секции теории и методологии, т. II. Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН, М. 1928, стр. 54.
- ⁷¹ Е. И. Горюнова; Мари-Луговской могильник и селище, см. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 9—10, стр. 171.
- ⁷² А. В. Шмидт, Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции, см. сборник „Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 г.“ стр. 171.
- ⁷³ Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыще..., стр. 97.
- ⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1937, стр. 157.
- ⁷⁵ А. V. Schmidt, Ка́шка, см. Е. S. A.—I—H—1927, 18.
- ⁷⁶ Н. Г. Первухин, Опыт археологического исследования Глазовского у. Вятской губ., см. Материалы по Арх. вост. губ. России, в. II, стр. 13 и след.
- ⁷⁷ Отчет Археологич. комиссии за 1894 г.
- ⁷⁸ Отчет Археологич. комиссии за 1894 г.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Аналогии, см. Материалы по Арх. вост. губ. России, в. II, т. X, рис. 27.
- ⁸¹ Ф. Теплоухов, Чудское жертвенное место на реке Колве, см. Труды Пермской ученой архивной комиссии, в. III, стр. 131.
- ⁸² И. И. Лепехин, Дневник, Записки 1781, ч. III, стр. 122.
- ⁸³ Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыще Пермской губернии, Труды учен. архивн. комиссии, т. XI, стр. 20—21, Пермь, 1914 г.
- ⁸⁴ В. Шишонко, Пермская летопись, третий период., стр. 713, Пермь, 1884.
- ⁸⁵ Там же, стр. 715—716.
- ⁸⁶ А. В. Збруева, Пижемское городище, стр. 272.
- ⁸⁷ П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, Известия ГАИМК, т. XIV, вып. I, стр. 28, 1932.
- ⁸⁸ См. Археологич. работы Академии на новостройках в 1932—33 г., стр. 172—173.
- ⁸⁹ Отчет Археологич. комиссии за 1895 г., стр. 38.
- ⁹⁰ Н. Г. Первухин, По следам чуди у верховьев реки Камы, см. Материалы по арх. восточн. губ. России, в. II, стр. 134. и 135, 153.
- ⁹¹ И. Я. Кривошеков, Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники, см. материалы по изучению Пермского края, в. IV, стр. 96.
- ⁹² Там же, стр. 96.
- ⁹³ Там же, стр. 97.
- ⁹⁴ Там же, стр. 101.
- ⁹⁵ Там же, стр. 103.
- ⁹⁶ Там же, стр. 110.
- ⁹⁷ Там же, стр. 115.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же, стр. 133.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же, стр. 175.
- ¹⁰³ Материалы по арх. России, XXVII, табл., XI, рис. 10, 18 и 7. Аналогичные вещи известны в костромских курганах, например см. Материалы по арх. вост. губ. России, в. III, табл. III, рис. 1, 5, 11.
- ¹⁰⁴ Материалы по арх. вост. губ. России, в. III, стр. 44.
- ¹⁰⁵ Там же, табл. III и IV.
- ¹⁰⁶ Материалы арх. вост. губ. России, в. II, табл. XIV, рис. 10, 11, 12, 17, 16.
- ¹⁰⁷ Там же табл. XII, рис. 39.
- ¹⁰⁸ Ф. Энгельс, Марка, Партиздат, 1938 год— К истории древних германцев, стр. 116.
- ¹⁰⁹ А. П. Смирнов, Финские феодальные города, сборник на Удмуртские темы М., 1931.
- ¹¹⁰ А. В. Шмидт, см. Археологич. работы Академии на новостройках в 1931—33 гг. ОГИЗ, 1935 г., стр. 172 и примечание I.
- ¹¹¹ А. В. Арциховский, Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской земле, см. Проблемы ГАИМК, 1934, № 11—12, стр. 50.
- ¹¹² Указ. работа, стр. 61—62, Известия ГАИМК 138, Ленин, 1935.
- ¹¹³ С. М. Шпилевский, Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 316.
- ¹¹⁴ Там же, стр. 316.
- ¹¹⁵ Там же, стр. 318.
- ¹¹⁶ Там же, стр. 320.
- ¹¹⁷ А. В. Арциховский, Миниатюры Кенингсбергской летописи, Л., 1932 г.
- ¹¹⁸ Отчет Археологич. комиссии за 1801 г., стр. 103—106.
- ¹¹⁹ Там же, стр. 87.
- ¹²⁰ Ленин, Государство и революция. Г.-Соц. эк., 1931.
- ¹²¹ Эта граница установлена работами А. В. Шмидта, см. сборник Археологические работы Академии на новостройках в 1931—33 гг., стр. 171.

КАТАНДИНСКИЙ ХАЛАТ

(По материалам реставрационной мастерской ГИМ)

К ИСТОРИИ НАХОДКИ

В 1865г. академиком В. В. Радловым было раскопано богатое, так называемое „княжеское“, погребение в одном из курганов, расположенных в долине рек Верхней и Нижней Катанды в 2 1/4 км от деревни Катанды на Алтае.

Этот курган, диаметром в 30 м, достигал высоты в 2,20 м и был окружен группой из 20 мелких курганов. Площадь раскопа равнялась 15×24 м.

В насыпи были найдены скелеты 6 лошадей, разрозненные человеческие кости, удила, железные и костяные стрелы, ножи, бусы и привески. По мнению Радлова, вещи эти попали в насыпь при ограблении кургана, совершенного еще в древности.

Под насыпью была обнаружена могильная яма в 4×5 м, засыпанная землей и крупными камнями. Почва в этой могиле оказалась мерзлой, и при раскопках пришлось ее прогревать. На глубине 35 см в этой яме был открыт сруб, сложенный из бревен лиственницы. После удаления из ямы каменных глыб были расчищены толстые балки, опиравшиеся на северную и южную стенки сруба.

На западной балке в куске льда Радловым была найдена кожаная одежда, напоминающая по форме фрак, а немного ниже под балкой, в южной части могильной ямы, также в куске льда, было найдено между слоями бересты платье из меха, окрашенного в зеленый и красный цвета. Кроме того, был найден кожаный передник и несколько резных деревянных предметов: чашка, украшенная звериным орнаментом, вырезанные из лиственницы фигурки лошадей, фигурка с туловищем лошади и головой грифона, ряд деревянных бляшек, покрытых золотыми аппликациями.

На дне могилы стояли ориентированные с востока на запад две скамьи. На этих скамьях лежали головой к востоку скелеты двух людей. Вещей при них не было, но около скамей найдены были бляшки и куски шелковой ткани.

Курган этот по стилю вещей, украшенных изображениями животных, датируется временем около начала нашей эры. Подобные большие „княжеские“ курганы известны на Алтае приблизительно с III века до нашей эры. Они характеризуют родовую знать того

времени, возникшую с развитием патриархального рода. В таких курганах нередко находки дорогих золотых художественных изделий и импортных вещей, в частности китайского шелка.

Маленькие курганы, окружающие большой курган, являются погребениями рядовых членов рода. В них при покойниках находят уже совсем другой комплекс вещей в виде набора миниатюрных ножей, клевцов, кинжалов и других предметов, клавшихся с умершим вместо настоящих.

В 1921 г. вещи из раскопок В. В. Радлова поступили в Государственный Исторический Музей из бывш. Румянцевского Музея. Кожаная одежда из Катандинского кургана находилась в таком состоянии, что ее нельзя было ни изучить, ни экспонировать. В 1935—1936 гг. была начата реставрация этого замечательного предмета. После размягчения кожи, произведенного А. Д. Чиварзиным, одежда эта была полностью реставрирована, что дало возможность подробно ее изучить и описать, чему и посвящена помещаемая ниже статья Е. С. Видоной. (А. Смирнов).

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ

В 1865 г. академиком В. В. Радловым были произведены раскопки на Алтае. В долине речек Верхней и Нижней Катанды в большом кургане 2-го Катандинского кладбища были раскрыты погребения с целым рядом интереснейших и разнообразнейших предметов. Наиболее интересными для нас из этих находок в данный момент являются одежды из меха, найденные на большой глубине во льду и благодаря этому сохранившиеся.

Из очень краткой истории халата, с момента его нахождения известно лишь, что халат в числе прочих предметов сибирских древностей был передан в 1921 г. б. Румянцевским Музеем Государственному Историческому Музею.

Осенью 1936 г. этот халат поступил в Реставрационную мастерскую группы тканей ГИМ для реставрации.

Описание халата. Катандинский халат представляет собой меховую одежду на меховой подкладке. Покрой одежды широкий; более узкий в плечах, к подолу он сильно расширяется (размер: ширина подола 241 см, длина спины 123 см). Верхняя часть одежды сшита из небольших кусочков меха волосом вверх. Мех покрашен в зеленоватый и красноватый тона и выложен узором по типу инкрустации. Одежда отделана полосами кожи, деревянными пуговицами, нарезанными из кожи квадратиками более крупного и более мелкого размера и свитым из узких полосок кожи шнурком.

Деревянные пуговицы, так же как и квадратика из кожи, были когда-то покрыты листиками золота.

По стану халата покрашенный мех, сшитый из небольших кусочков, расположен узором чешуек. Чешуйки идут рядами, чередуясь в определенном порядке. Рисунок контура чешуек выложен полосками зеленоватого меха (1½ см шириной). В середине чешуйки красноватого меха. По красноватому меху в середине чешуек проходят ряды зубцов. Зубцы выложены полосками желтоватого меха (7 мм шириной). Полоски эти оконтурены с обеих сторон более узкими полосочками коричневатого меха (4 мм шириной). Полоски коричневатого меха усажены мелко нарезанными квадратиками из кожи. Квадратики, довольно выпуклые, сидят с промежутками количеством приблизительно

по 17—16 штук на внешних контурах зубцов и по 15—14 штук на внутренних контурах.

Линии зубцов немного вогнуты.

По зеленому меху контуров чешуек прикреплены круглые деревянные пуговицы, довольно крупного размера в количестве 10—11 штук. Под зубцами на красноватом мехе были прикреплены три круглых пуговицы по одной в трех углах. Пуговицы довольно крупные. На спине халата сверху нашито оплечье из кожи, переходящее наперед, к полам, широкими полосами. Полосы эти к подолу постепенно суживаются (правая и левая полосы сшиты из двух кусков кожи большого размера и одного куска меньшего размера. В большом куске кожи правой полосы почти в середине вшита заплата из такой же кожи размером в 4×5 см).

Оплечье имеет форму полосы с закругленными ближе к рукавам краями. По центральной линии оплечье вытянуто к низу к середине спины, в виде острого треугольника. На оплечье, так же как и на полосах переда, заметны оттиски четырехугольных пуговиц рядами, когда-то очень плотно сидевшие друг подле друга, и следы прикрепа их в виде обрывков жильных нитей. Помимо деревянных пуговиц, оплечье и полосы у краев были украшены резаными из кожи, грубой и жесткой, треугольничками, покрытыми прежде золотом. По оплечью треугольнички расположены в линию по краям; острия их направлены к центру оплечья. Полосы, как и оплечье, обшиты по краям шнурком, свитым из двух полосочек кожи (3 мм шириною). На расстоянии 17 см от плеча на левой полосе переда прикреплен тесьма из мягкой кожи (длина 31 см, ширина $1\frac{1}{2}$ см), завязанная в петлю.

По подолу халат обшит полосой кожи (полоса сшита из 8 кусков разной величины, длина всей полосы 216 см, ширина 6 см). Сверху и снизу полоса оконтурена шнурком, свитым из двух полосок кожи. На полосе подольника заметны оттиски четырехугольных пуговиц и ряды прикрепа их в виде обрывков жильных ниток.

На спине по стану от вытянутого треугольника оплечья вниз, к подольнику, идет полоса кожи в два см шириной с прикрепленными в два ряда деревянными четырехугольными пирамидообразными пуговицами. Пуговицы сидят попарно и плотно одна подле другой в количестве 82 пар. Полоса кожи с обеих сторон обшита витым кожаным шнурком и маскирует шов посредине спины, соединяющий два полотнища с узором из покрашенного меха. Боковые швы стана также замаскированы полосой кожи. Но на боковых полосах вместо деревянных пуговиц прикреплены квадраты, довольно крупные и плоские, нарезанные из кожи. На прикреплены они в два ряда на расстоянии от подмышки до подольника и сидят попарно в количестве 99 пар. На боковом шве левой полы 74 пары кожанных нарезок добавлены 15-ю парами деревянных пирамидообразных пуговиц.

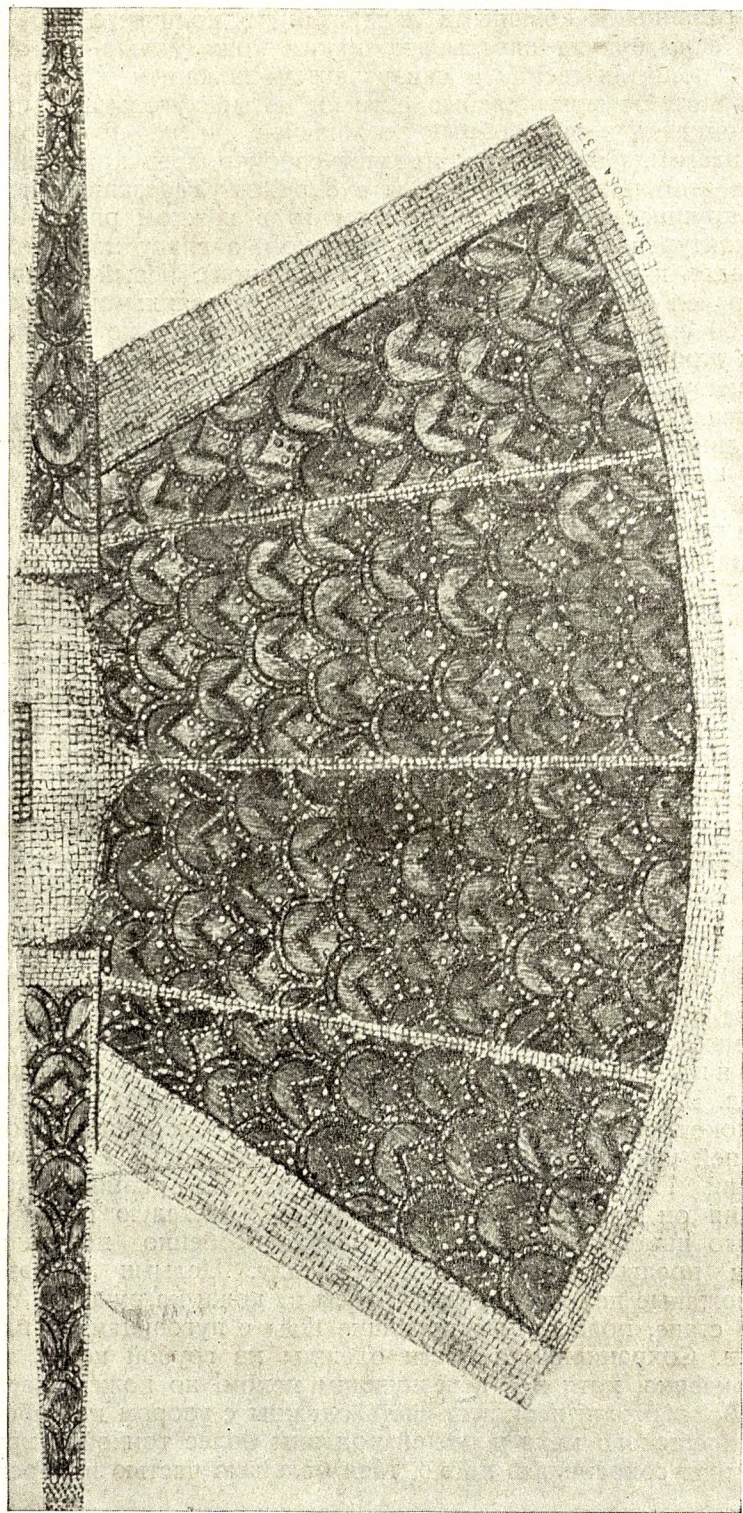
Рукава халата узкие, длинные, прямого покроя, к низу суживаются и спускаются почти до подольника (длина рукава 102 см, пройма 32 см; у обшлага 11 см внутреннего обмера). Имеют чисто декоративное значение. Сшиты рукава из двух узких полотнищ крашеного меха с узором чешуек, как и на стане. По внешнему шву правого рукава проложена полоса кожи с прикрепленными в два ряда четырехугольными пирамидообразными деревянными пуговицами. Пуговицы сидят попарно, плотно одна возле другой, в количестве 78 пар. Ближе к обшлагу деревянные пуговицы заменены квадратами, нарезанными

Табл. 1
Катандинский халат после реставрации
(вид спереди)

Табл. 2
Катандинский халат после реставрации
(вид сзади)

Предполагаемое первоначальное оформление халата

из кожи, в количестве 5 пар. Внутренний шов рукава закрыт полосой кожи с нарезанными кожаными квадратами в количестве 101 пары. У оплечья верх рукава охватывает полоса кожи (длина 29 см, ширина 6 см), обшитая сверху и снизу витым кожаным шнурком. На кожаной полосе заметны слабые отгиски четырехугольных пуговиц и следы прикрепа в виде обрывков жильных ниток. Рукав оканчивается обшлагом. Обшлаг представляет собой полосу кожи шириной в 7 см. На этой полосе прикреплены в 8 рядов нарезанные из кожи довольно крупные квадратики числом 15 в каждом ряду. Сверху обшлаг оконтурен витым кожаным шнурком, а снизу полоской желтого меха, как на подкладке (4 мм шириной). Левый рукав наполовину утрачен (по внешнему шву полоса с деревянными пуговицами длиной в 63 см и пуговицы количеством 53 пары; по внутреннему шву 59 см длиной, 56 пар кожаных квадратиков).

Воротника у халата нет. Лишь на оплечьи сзади между плечевых швов прикреплена обшивка. Обшивка представляет собою полосу кожи в 17 см длиной и в 2 см шириной; в два ряда она усажена квадратами из кожи.

Мех подкладки халата длиннее волосом и желтее цветом. Шкурки подкладки расположены рядами. Рядов пять. Эти ряды шкурок расположены вне определенного порядка; часто швы одного ряда не совпадают со швами предыдущего (размер шкурок 25 × 11 см). Ближе к вороту шкурки короче; среди них попадаются надставки. На полах у проймы рукавов вшит клин (меховой) в виде вытянутого квадрата наподобие ластовицы. Подкладка рукавов такая же, как и на стане. Шкурки расположены также в пять рядов, только они уже. Подол, полы и верхняя часть подкладки у ворота обшиты полоской меха в 5 мм шириной.

Примечание 1. По Радлову, обмеры халата немного не совпадают с нашими. Так, длина спины по материалам Радлова 1,05, у нас 1,23 см. Ширина подола у Радлова 2,25 см, у нас — 2,41 см.

Ниже этот халат у Радлова называется круглым плащом «с длинными, но такими узкими рукавами, что мне кажется, невозможным, чтобы туда можно было пропустить руки. Плащ был подбит собольим мехом. Покрышка была из маленьких горностаевых мехов. Эти горностаевые меха были нарезаны и расположены подковами, составленными из меха, окрашенного в зеленый и красный цвета».

Состояние халата. С момента раскопок халат просуществовал 71 год. В Реставрационный кабинет ГИМ он попал в виде пересохшей, покоробленной ткани, исключаяющей возможность производства над ней каких-либо работ, иглой в особенности. В химической лаборатории ГИМ А. Д. Чиварзиным халат был размягчен. После размягчения он представлял собою влажную тяжелую массу темно-коричневого цвета. Меховая ткань верха особенно пострадала от времени и предыдущих условий хранения. Целыми сохранились: оплечье, кожаные полосы переда, полосы из кожи на рукавах, подольнике и на стане, полосы, маскирующие швы с пуговицами и пластинками кожи. Сохранившиеся части одежды из грубой кожи, так же как и подкладка, хотя и с исчезнувшим мехом, но кожей жесткой и грубоватой, держали верхнюю часть одежды с узором из небольших кусочков крашеного меха и кожей под ним более тонкой и хрупкой. Эта последняя сохранилась плохо. Мех большею частью вытерся, швы

распались, замечено в коже меха много сквозных прорывов и утрат. Оставшиеся куски кожи находились в беспорядке и висели отдельными клочками. Кожа под вылезшим мехом после размягчения утончилась и рвалась при каждом неосторожном прикосновении. Узорная ткань меха на рукавах пострадала от времени особенно. Внизу правого рукава есть большие утраты кожи, а нижняя часть левого рукава не существует вовсе. Остатки кожи с мехом висели лохмотьями. Мех верха волосом и в цвете сохранился главным образом в левой части спины внизу, на остальном пространстве сохранность меха плохая. На левом же полотнище спины лучше сохранились круглые деревянные пуговицы и порядок их прикрепления. Деревянные пуговицы оплечья, передних полос, подольника и полос на рукавах почти не сохранились. Сравнительно лучшей сохранности деревянные пуговицы на полосе, маскирующей шов на спине и внешние швы рукавов. Но и среди них есть утраты. Круглые деревянные пуговицы под зубцами не сохранились. Квадратики из кожи на боковых швах, обшивке у ворота и мелкие на зубцах сохранились не полностью. Треугольнички, украшающие края оплечья, и полосы переда сохранились в количестве 11 штук в первом и трех штук во втором случае.

Золото в виде листиков, которыми были покрыты деревянные пуговицы и квадратики из кожи, не сохранилось; лишь в немногих местах у прикрепа заметны, как блески, крошечные следы его. Мех подкладки вытерся. Сохранилась лишь кожа под ним, в большей части грубая и жестковатая. На шкурках двух последних рядов встречаются большие прорывы на коже и утраты ее. Мелкие прорывы и разрывы швов встречаются почти на всем полотнище подкладки. Попадают шкурки, источенные мелкими прорывами. Местами кожа и на подкладке встречается более тонкая и распадающаяся при прикосновении. Кое-где на кожаных полосах встречаются пятна зелени.

На халате попадают куски кожи, не поддавшиеся размягчению. Они беловато-серого и песочного цвета, коробятся и жестки на ощупь.

Одна уцелевшая завязка из кожаной тесьмы на левой полосе, после того как была развязана, оказалась разорванной посередине.

Реставрация. Общее состояние халата после химической обработки являлось таким образом угрожающим как целостности одежды вообще, так и существованию узорной меховой ткани в особенности. Уникальная вещь теряла свой облик. Требовались срочные меры к сохранению ее. Между тем состояние халата крайне затрудняло работу над ним. После длительных обсуждений между реставраторами о способах восстановления одежды, решено было, в целях сохранения ветхой ткани меха, восстановления узора и покроя халата, подвести дублирующую ткань под весь халат, как в верхней его части, так и под подкладку и укрепить разрыхлившуюся кожу на этой ткани. Для дублирования была взята бумажная, плотная ткань с матовой поверхностью. Ткань была покрашена в тон халата после размягчения, т. е. в темно-коричневый.

Для сохранения рыхлой, легко распадающейся от прикосновения кожи в течение работы, которая, ввиду сложности своей, обещала быть длительной, решено было производить реставрацию каждой части халата отдельно. Для этого необходимо было отделить верх-

ную часть одежды от подкладки, а затем распороть как ту, так и другую.

После фотосъемки, обмеров халата, тщательного обследования и записи его, верх был отделен от подкладки и распорот. При обследовании халата было замечено, что в некоторых местах нарушен первоначальный порядок украшения халата. Так, на сохранившемся рукаве, у обшлага, деревянные пуговицы на кожаной полоске заменены пятью рядами пластинок из кожи, сидящими попарно. На левой поле бокового шва исчезнувшие кожаные квадратики добавлены 15-ю рядами деревянных четырехугольных пуговиц. На правом полотнище спины, на контурах чешуек двух предпоследних рядов, вместо исчезнувших деревянных пуговиц и вперемежку с оставшимися из них прикреплены кружочки из кожи разного масштаба. Около прикрепа сохранились блески золота. Видимо, эти кружочки были покрыты золотом.

Эти данные позволяют предполагать, что халат подвергался правке до момента погребения. После снятия подкладки открывшаяся изнанка верхней части одежды на оплечье, передних полосах, подольнике и полосах рукавов обнаружила хорошо сохранившиеся следы прикрепа пуговиц в виде идущих рядами довольно крупных стежков жильных ниток. Прикреп шел в разных направлениях. Так, на оплечье прикреп продольный в 65 рядов; на передних полосах прикреп продольный у плеч — 26 рядов, у подола — 13; на подольнике прикреп поперечный в 6 рядов, на полосе рукавов поперечный в 6 рядов.

Примечание 2. У Радлова сказано, что «вокруг шеи и на передних сторонах плаща нашиты были на протяжении 0,18 см (вверху) — 0,115 (внизу) ряды четырехугольных пирамидообразных деревянных пуговиц. Число рядов вверху 14, внизу оно уменьшается». У нас показатели совершенно другие. Ширина полосы переда вверху у плеча 28 см, внизу у подола — 13 см. Оплечье шириной 65 см, длиной 15 см. Число рядов наверху у плеч 26, у подола — 13.

«На плечах находились полосы, состоящие из пяти рядов пуговиц».

По нашим данным — рядов шесть.

Благодаря открывшейся изнанке можно было получить более точный материал. Кроме того, после снятия кожаных полос с рукавов найдены под ними пуговицы, сохранившие золотые листики в количестве двух круглых на левом рукаве и одной граненой, одной круглой на правом рукаве.

Для реставрации дублирующая ткань была впялена в пальцы. На ней были разложены отдельно и расправлены в порядке узора все части одежды: рукава, полы, спина. После начато укрепление кожи меха на ткани при помощи тонкой иглы и крученой шелковой нити в цвет кожи, в тех местах, где кожа грубее. Для кожи более тонкой и рыхлой игла бралась тоньше и употреблялся шелк-сырец более тонкий, так же покрашенный в цвет. Укреплены были разорвавшиеся швы, трещины в коже меха и места утрат. Рисунок узора (повсюду) был прошит по контурам. Укреплены были деревянные пуговицы, кожаные квадратики, шнур, местами оторвавшийся.

На кожаных полосах под прорывы также была подведена дублирующая ткань, кожа укреплена. Пятна зелени на кожаных полосах, кое-где проевшие кожу, удалены, под прорывы подложена ткань и кожа

укреплена. Тесьма из кожи, как застежка, оставшаяся на левой полосе переда и разорванная, укреплена. На противоположной полосе кожи пришита новая тесьма из замши, покрашенной в цвет подлинной тесьмы (для удобства показа вещи в экспозиции). В виду того, что левый рукав сохранился лишь наполовину, то дублирующая ткань по покрою сохранившегося правого рукава продлена в нужную длину.

Реставрация подкладки была проведена таким же способом на дублирующей ткани. По окончании укрепления отдельных частей одежды приступлено было к сшиванию всех частей и оформлению халата.

После пришивки подкладки выяснилось, что верхняя часть одежды из более тонкой кожи, бывшая чрезвычайно плохой сохранности, вытянулась и стала длиннее. Подкладка, которая была сшита из более грубой кожи, сохранила свой первоначальный размер. Поэтому к подолу подкладки пришлось пришить недостающую часть из дублирующей ткани.

Золотые пуговицы, сохранившиеся на верху рукавов под полосами, оставлены на месте. С нижнего края полосы оставлены непришитыми для удобства обозрения пуговиц.

Раставрация халата велась в течение 6 месяцев двумя сотрудницами, тт. Рождественской и Видоновой.

* * *

Обследование халата в связи с реставрационной работой дало интереснейший материал для изучения вкусов, технических навыков и технической культуры вообще того отдаленного времени, когда халат создавался впервые.

Первое, что привлекает внимание исследователя, — это материал, его обработка и использование. Верх шит из небольших кусочков меха по типу инкрустации. Мех покрашен в зеленоватый и красноватый тона. Кожа меха тонка, гибка и эластична. Сохранившийся мех волосом сравнительно короток, мягок и блестящ. Кожа на зубцах груба, жестка, нарезана из небольших кусочков, среди которых попадаются мелкие, неровные. Полоски коричневого меха сравнительно мягче. Подкладка волосом длиннее, гуще, грубее. Кожа под мехом более жесткая. Кожа оплечья, передних полос, подольника и верха рукавов грубее, толще. Кожа на квадратиках, украшающих зубцы, не так груба, но плотна.

Золото, покрывавшее когда-то пуговицы и квадратики из кожи, имеет вид тонких листиков (сохранившийся листик на круглой пуговице 11×12 мм размером).

Техника выполнения одежды также представляет большой интерес со всем разнообразием своих приемов. Шита одежда кручеными жильными нитками. Верх шит из четырех полотнищ инкрустированного меха. Швы замаскированы кожаными полосками с рядами деревянных пуговиц или кожаных пластинок. На спине два полотнища, сшитые по середине, не совпали узором и рисунок сбит. По швам халат шит более крупной и менее ровной техникой. Техника сшивания небольших кусочков покрашенного меха по узору не равна: чаще попадает мелкая и ровная, реже более крупная и небрежная. Шкурки подкладки, наоборот, сшиты прекрасной мелкой ровной техникой. Прикрепление деревянных пуговиц с золотыми листиками сделано

наружным прикрепом — стежок прокалывал пуговицу снаружи насквозь вместе с листиком золота в двух противоположных местах.

Кожаные квадратики закреплены внутренним прикрепом, заключавшимся в том, что стежок, захватывая изнутри нижний слой кожи, прикреплял квадратик в двух местах к меху, оставляя верхнюю часть более выпуклой и свободной. Шнур, украшавший кожаные полосы, свит из двух полосок кожи в 2—3 мм шириной. Свит туго и ровно. Полоски кожи узкие, длинные, нарезаны очень ровно.

Деревянные пуговицы двух видов: одни круглые, обточенные, но не всегда ровные по размерам; другие — четырехугольные, пирамидообразные, также неровные размером и разной шлифовки. Есть среди них плоские, есть выпуклые, крупные с резкими гранями.

Сложное оформление халата, замысел узора, окраска и инкрустация меха, разнообразие украшений заставляют предполагать высокую техническую культуру.

Характер украшений также подтверждает это: полосы кожи с пуговицами и пластинками из кожи, покрытые золотом, создающие эффект как бы кованого украшения, тяжелого и блестящего, на самом деле сравнительно легки для носильного платья, благодаря остроумному использованию деревянных пуговиц и удачно придуманной форме их.

Рисунок чешуек, ровно вырезанные контуры их в виде полосок зеленоватого меха, нарезка длинных и ровных полосочек кожи в 2—3 мм шириной для шнура дают возможность предполагать, помимо высоких технических навыков, наличие соответствующих инструментов для такой тонкой и мелкой работы и умение владеть ими.

Оформление халата потребовало, видимо, много рук и самых разнообразных мастеров-техников. Немало труда и времени было истрачено на его создание, что в наше время трудно и учесть. Так, по приблизительному подсчету, одних деревянных пуговиц было закреплено до 8000.

Нарезанных квадратиков из кожи крупного размера — около 1000 и более мелких свыше 2000. Все это делалось для одного лица.

Реставрация сделала халат доступным для изучения.

Уникальность находки Радлова несомненна. Она вдвойне ценна от того, что раскопки, выявляя такой хрупкий, наиболее поддающийся влиянию времени и условиям хранения материал, сохраняют в редких случаях нахождения его лишь фрагментарно, а в данном случае одежда сохранена сравнительно почти целиком, если не считать сорванных украшений с оплечья и кожаных полос.

Эта оригинальная одежда требует к себе должного внимания и всестороннего изучения.

АФИНСКАЯ ДЕКАДРАХМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди афинских монет совершенно особенное место занимают афинские декадрахмы начала V века до н. эры (эпоха греко-персидских войн), как по своей редкости, так и по исключительно художественному исполнению. Редкость этих монет давала даже основание для нумизматов начала XIX века считать, что таких монет не чеканилось, и относить все известные декадрахмы к фальшивым¹. Но все-таки удалось окончательно установить, что афинские декадрахмы V века до н. эры действительно существовали. Однако в конце XIX столетия известно было всего 6 таких монет в мире². До весны прошлого года их известно было 8 экземпляров³.

Общий вида афинской декадрахмы следующий: на лицевой стороне монеты изображена богиня Афина в шлеме вправо. Для лица характерно изображение глаза en face при профильном положении. На шлеме украшения в виде трех листьев и ветви; в ухе богини — серьги.

На оборотной стороне: сова с приподнятыми крыльями в четырехугольном штампе, в верхнем левом углу ветвь оливы, в верхнем правом углу и между крыльями и ногами совы АΘΕ — первые буквы названия города Афин.

Изображения на декадрахмах исполнены с большим искусством и исключительной тщательностью, что несколько выделяет их от изображений часто распространенных тетрадрахм того же времени. Впрочем, сова на тетрадрахмах никогда не дается в таком же положении, как на декадрахмах, она представлена всегда сидящей. Голова же Афины на тетрадрахмах хотя и представляет в общем тот же тип, что и на декадрахмах, далеко уступает декадрахмам по художественности изображения и выделке деталей.

Эти две особенности (редкость и художественное исполнение декадрахм) дали основание Perrot считать их не монетами для обращения, а чем-то в роде медалей, которые были сделаны специально для главных участников Марафонской битвы и были розданы в ее память⁴.

Не останавливаясь на этой гипотезе (которая, несомненно, представляет большой интерес) ввиду невозможности ее доказать в настоящее время, обращаю только внимание читателя на факт исключительно тщательной выделки декадрахм.

¹ Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, т. IX, стр. 188.

² Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, т. IX, стр. 119.

В выделке декадрахм, как отличительная особенность, обращает на себя внимание почти полное отсутствие шаблона (хотя тип до некоторой степени остается общим), отсутствие общего штампа и большая индивидуальность каждой из известных декадрахм.

В самом деле, из 8 известных к весне прошлого года декадрахм ни одна не имеет общего штампа с какой-либо другой, но все они более или менее отличаются друг от друга как по разному изображению Афины, так и по разному изображению совы. Из 8 известных декадрахм 4 находятся в известнейших европейских музеях — в Британском музее в Лондоне, в Национальной библиотеке в Париже, в Берлинском музее и в Брюссельском музее, и 4 — в частных коллекциях. Из всех этих декадрахм по лучшей сохранности наибольшей известностью пользуются: парижская, лондонская и берлинская декадрахмы.

Если рассматривать хотя бы эти три декадрахмы, то резко бросается в глаза полное различие как в трактовке изображения Афины, так и в трактовке изображения совы.

На берлинской декадрахме голова Афины очень невелика и оставляет на монете большое свободное пространство. Благодаря этому хорошо видны некоторые подробности монеты, лицо Афины в профиль невелико, нос со лбом представляет совсем прямую линию, подбородок несколько тупой, глаза имеют типичное для архаики положение *en face* при профильном изображении. На лице типичная архаическая улыбка. Шлем оставляет много волос открытыми как спереди, так и сзади, где волосы богини спускаются на шею большим узлом. Сова на обратной стороне изображена очень полной, низкой, приземистой, с очень короткими ногами¹ (табл. 1, рис. 2).

Лондонская декадрахма сильно отличается от берлинской декадрахмы. К сожалению, на лице Афины имеется след от удара острым орудием, но это не мешает установить общий тип монеты. Голова Афины велика и занимает все пространство монеты. Лоб выпуклый, нос крупный и составляет со лбом не прямую линию, а угол. Шлем сидит более глубоко, украшения на нем отличаются от украшений на берлинском экземпляре. Шлем гораздо длиннее сзади и идет почти до самого конца шеи. Узла прически, спускающейся сзади, нет, а видны отдельные волосы, выбивающиеся из-под шлема. Улыбка видна, но слабее, чем на берлинской декадрахме. На обратной стороне сова несколько удлиненнее, чем на берлинском экземпляре, но пропорции ее тела все еще очень широки². Кончик левого крыла совы с краем штампа на монете не вышли (табл. 1, рис. 1).

Парижская декадрахма характерна изображением большой головы Афины на монете, так что гребень шлема не поместился на монете, а вышел только внизу. Характерна также некоторая приплюснутость головы сзади. На лице линии носа и лба хотя и не составляют прямой линии, но образуют очень маленькое отклонение от нее. Глаза вытянутые, миндалевидные, в положении *en face* при профильном положении головы. Улыбка очень слаба. Ухо крупное и с большим количеством подробностей. Шлем длинный, причем изгиб ветви на нем отличается как от лондонской, так и от берлинской декадрахмы. Из-под шлема спускающегося узла волос не видно, а видны отдельные выбивающиеся волосы. На обороте тело совы значительно удлинен-

¹ Journal international numismatique, т. X, 1899 г.

² Head. Historia numorum, стр. 311; fig. 210.

Таблица 1

Лондонская декадрахма

Берлинская декадрахма

Парижская декадрахма

Декадрахма Гос. Исторического музея

ное, особенно длинны ноги (табл. 1, рис. 3)¹. Описания и изображения берлинской, лондонской и парижской декадрахм лучше всего говорят нам о большом их различии. То же следует сказать и о пяти других известных декадрахмах, останавливаясь на которых невозможно в виду размеров этой статьи. Достаточно сказать, что все они представляют свои индивидуальные особенности, и нет ни одной сходной друг с другом по штампу.

В музеях СССР до весны прошлого года не было известно ни одной декадрахмы этого времени. В музее Изобразительных искусств им. Пушкина имеется лишь очень хорошо сделанная подделка афинской декадрахмы, которая является точной копией парижской декадрахмы не только в изображениях, но даже в малейших деталях монеты. Большая культурность этой подделки вводила в сомнение даже такого мирового нумизмата, как А. В. Орешников, который не мог притти к каким-либо положительным выводам относительно нее и записал ее в Каталоге монет Московского университета в качестве сомнительной².

Что же касается Эрмитажа, то там имеется очень грубая подделка, которая вообще не дает никакого представления об афинских декадрахмах.

В мае 1937 г. Гос. Исторический Музей приобрел подлинную афинскую декадрахму начала V века до н. эры; это еще нигде не опубликованный, 9-й в мире экземпляр афинской декадрахмы. По своему изображению декадрахма Гос. Исторического Музея имеет свои особенности и отличается от штампа 8 прежде известных декадрахм, как каждая из них друг от друга. Сохранность монеты очень хороша и, за исключением некоторых повреждений края монеты, может считаться почти безупречной.

На лицевой стороне монеты голова Афины очень невелика, благодаря чему прекрасно уместилось все изображение и видны его детали. В этом отношении она имеет сходство с берлинской декадрахмой, но по характеру самого изображения резко от нее отличается. Из приведенных декадрахм она более всего похожа на парижскую декадрахму, хотя имеет и свои особенности. Линия головы напоминает парижскую декадрахму, но еще более сплюснута. Глаза менее удлинены и более широки, чем на парижской декадрахме; очень резко обозначены веки. Линии лба и носа представляют почти прямую как на парижской декадрахме, но конец носа очерчен более реалистично. Подбородок мягко закругленный. Улыбка сильнее, чем на парижском и лондонском экземплярах. Ухо очень крупное и с большим количеством подробностей, как на парижской декадрахме. Форма шлема и украшения ближе всего также подходят к парижскому экземпляру. Шлем длинный, из-под него, как в лондонской и в парижской декадрахмах, спускается не узел волос, а отдельные распущенные волосы. Линией обреза, которая резко видна на монете, срезана шея и волосы.

На обороте в четырехугольном резком штампе изображена сова с приподнятыми крыльями. Удлиненная форма тела совы ближе всего напоминает парижский экземпляр. В верхнем левом углу масличная ветвь и полумесяц, в верхнем правом углу и между ногами и крыльями А. Θ. Ε. Что касается особенности нашего экземпляра, то совер-

¹ Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, т. IX, таб. V, № 7, 13.

² Каталог монет Московского ун-та, стр. 179.

шенно необычным для декадрахм является присутствие полумесяца, который не встречается ни в одной из известных декадрахм, но почти постоянно в тетрадрахмах того же времени (табл. 1, рис. 4).

Перед приобретением декадрахмы, ввиду ее исключительной ценности и редкости, а также большого количества подделок, необходимо было проверить ее подлинность. Внешний вид монеты не возбуждал особых сомнений именно благодаря тому, что изображение на монете было совершенно оригинально, как и изображение 8 других известных декадрахм, и не являлось копией какой-нибудь из них. Присутствие полумесяца, которого нет на других декадрахмах и которого, конечно, не рискнул бы изобразить ни один фальсификатор, также говорило за ее подлинность.

Московские нумизматы, а также керченский нумизмат Кивокурцев, сразу определенно высказались за подлинность этой монеты (о чем имеется его письменное заключение).

Однако автор этой статьи решил прибегнуть к консультации виднейших нумизматов Эрмитажа.

Но эта консультация не дала окончательных результатов, так как был высказан лишь ряд сомнений в монете, но не был дан положительный ответ ни относительно подлинности монеты, ни относительно ее подделки. Специалисты Эрмитажа признали ее лишь сомнительной¹.

Поэтому автор этой статьи решил подвергнуть ее ряду объективных исследований.

Мне всегда казалось некоторой близорукостью, если не сказать больше, та оторванность от точных научных дисциплин нашего времени, которой окружают себя вспомогательные исторические дисциплины. Вопрос о подлинности или подделке в области археологии, нумизматики и др. решается только авторитетами. Правильно ли это? Разве самые авторитетные знатоки не могут ошибаться? Например знаменитая подделка тиары скифского царя, которая красовалась в Лувре, была признана многими авторитетами. И наоборот, сколько ценных вещей пропало, потому что благодаря своей оригинальности и необычности они были признаны подделками. А между тем разве химия, электричество, рентген не могут дать вполне точных результатов исследования подлинности той или иной вещи? Приверженцы чисто субъективного метода определения обычно ссылаются на то, что это понизило бы роль и значение авторитетных людей в области вспомогательных исторических дисциплин. Этот довод кажется мне абсолютно неправильным. Подобно тому, как рентген ничуть не снижает роли хирургов, а наоборот каждый хирург прибегает к его данным, так археолог или нумизмат вел бы свои исследования подлинности вещи на основе твердых объективных данных, и это бы не только не снижало, но, наоборот, возвышало значение и роль исследователя вспомогательных исторических дисциплин. Разве мало, например, в наших собраниях монет лежит экземпляров с надписью «сомнительная», надписью, которая так и остается в течение десятков лет без какого-либо положительного результата? А, между тем, достаточно было бы двух, трех дней объективных исследований, чтобы в точности определить, подлинная или нет данная монета.

Ввиду того, что методы объективного исследования монет у нас

¹ Акт Эрмитажа за № 326 от 16/IV 1937 г.

еще не разработаны, на первых порах пришлось столкнуться с большими трудностями, которые, впрочем, были преодолены.

Монета, кроме того что она есть произведение известного искусства, прежде всего есть материальный продукт техники своей эпохи. Поэтому для установления подлинности следует прежде всего установить технику выделки монеты, которая должна соответствовать определенной эпохе, в данном случае началу V века до н. эры в Афинах; фальсификатор, даже самый искусный, не в состоянии воспроизвести точно этих условий. Естественно поэтому, что следовало сравнить технику выделки исследуемой декадрахмы с техникой выделки монет этого времени в Афинах. Такие монеты нашлись в Гос. Историческом Музее, т. е. две афинских тетрадрахмы тоже начала V века до н. эры. Прежде всего был исследован материал монеты, так как проба монеты характерна для античных монет и весьма и весьма различна для разных античных городов¹.

Исследование пробы, произведенное зав. химическим кабинетом Гос. Исторического Музея т. Чиварзиным, дало 0,986, т. е. как раз то число, которое характерно для афинских декадрахм и тетрадрахм начала V века до н. эры². Это послужило доводом, что материал монеты подлинный — афинское серебро из лаврийских рудников V века до н. эры.

Гораздо сложнее было проверить технику обработки металла в монете.

Античные монеты, как известно, чеканились, а не лились (за исключением определенных известных групп монет).

Монетные штампы изготовлялись специальными мастерами-художниками монетного дела. Современные же фальсификаторы делают, по большей части, так: делают очень грубую форму для монеты, где обозначены лишь общие черты монеты, отливают ее, а затем прорабатывают резцом по определенному образцу. Поэтому техника литья с последующей обработкой резцом является той техникой, которая указывала бы на подделку монеты. Согласно этому положению специалисты Эрмитажа в своем заключении о декадрахме высказали предположение, что декадрахма обработана резцом, а именно они утверждали, что:

1) «кончик левого крыла совы пересекает рамку вдавленного квадрата оборотной стороны.

Поскольку штемпель, которым бита оборотная сторона, имел квадратное сечение и фигура совы должна была быть вписана в его квадратное поле, подобные взаимоотношения между кончиком крыла и рамкой *quadrati in cusi* могло получиться лишь в результате обработки крыльев совы грабштихелем, на что указывалось выше³.

2) «На обеих сторонах монеты можно заметить явные следы обработки ее поверхности грабштихелем: особенно отчетливо эти следы видны вдоль края крыльев совы»⁴.

3) «Совершенно непонятна линия, идущая вдоль внешнего контура султана на шлеме»⁵.

Решено было прибегнуть к проверке всех этих положений, а также

¹ Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, I, стр. 188, 189

² Там же, т. I, стр. 187.

³ Акт Эрмитажа за № 326 от 14 апреля 1937 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

сравнить технику выработки декадрахмы с техникой выработки афинских тетрадрахм начала V века до н. эры.

Для этой проверки применен был метод макрофотоснимков. Зав. фотокабинетом Гос. Исторического музея. А. В. Хлебников сделал ряд макрофотоснимков как с самой декадрахмы, так и с тетрадрахм VI века до н. эры, из коллекции Гос. Исторического Музея, причем прежде всего были сняты те места монеты, которые возбуждали сомнения специалистов Эрмитажа¹.

1) Макрофотоснимок левого крыла совы декадрахмы ясно показал, что, вопреки утверждению специалистов Эрмитажа, кончик левого крыла совы вписан в штамп (табл. 2, рис. 2).

Благодаря сильному удару несколько в бок при чеканке кончик крыла слился с краем монеты. Его мягкие окончания и именно отсутствие пространства между ним и краем монеты указывает на технику чекана. В случае работы резцом край крыла был бы старательно обработан и не мог бы слиться с краем монеты. То, что кончик левого крыла совы может быть близок к краю монеты и даже не всегда выходит на ней, ясно видно также на лондонской декадрахме, где конец левого крыла с частью штампа даже и вообще не вышли (табл. 1, рис. 1). Далее нигде на всем крыле не видно следов работы резца (грабштихеля). В некоторое заблуждение могут ввести царапины на краю монеты. Но не надо забывать, что перед нами макрофотоснимок, где работа резца была бы прекрасно видна в виде глубоких линий, а не еле заметных царапин, которые, кстати говоря, находятся на краю монеты, где нет никакого изображения. Какой смысл был бы для фальсификатора прорабатывать резцом край монеты?

Несомненно, что за время своего существования (около 2400 лет) монета, конечно, потерта и поцарапана, как и всякая другая монета такой же давности.

2) Второе утверждение работников Эрмитажа относительно проработки резцом (грабштихелем) всей монеты, а особенно вдоль края крыльев совы, также опровергается макрофотоснимком, где этой проработки даже и при сильном увеличении не видно нигде. Правда, по всей почти поверхности монеты есть царапины, которые ничего общего с работой резцом не имеют, так как идут в самых разных направлениях, не имеют никакой связи с изображением и встречаются главным образом на гладких поверхностях монеты. Было бы несравненно более подозрительным, если бы монета имела новый вид и нигде бы не имела царапин (табл. 2, рис. 2).

3) Вопрос о «непонятной линии, идущей вдоль внешнего контура султана на шлеме», разрешается очень просто. По заключению авторитетного знатока металла, специалиста по его обработке, старшего научного сотрудника Гос. Исторического Музея Ф. Я. Мишукова, который принимал самое живейшее участие в исследовании декадрахмы, эти линии делались нарочно для облегчения снятия штампа с готовой монеты. Там, где монета имела высокий рельеф, в данном случае лицо Афины, с противоположной стороны нужны были уступчатые окончания, в данном случае около шлема, чтобы можно было снять штамп, не портя изображения (табл. 3, рис. 1). Сама техника штампа, его уступчатость совершенно такая же, как и на макрофотоснимке тетрадрахмы V века до н. эры. Гос. Исторического Музея, где видна такая

¹ Эти снимки были выставлены на Всесоюзной выставке фотографии в Музее изобразительных искусств.

Рис. 1. Макрофотоснимок носа Афины

Рис. 2. Макрофотоснимок левого крыла совы

же линия у ног совы (табл. 3, рис. 2). Эта линия, как и линия около самых ног совы тетрадрахмы, имеет также уступчатое строение, как и линия около шлема (табл. 3, рис. 1) и около крыла совы у декадрахмы (табл. 2, рис. 2). Эти линии на тетрадрахме получились не в результате каких-либо дефектов монеты, как например, смещение штампа. Данная тетрадрахма не имеет такого дефекта. И по самому макрофото-снимку видно, что данные линии не результат смещения штампа. Линии смещения должны бы были повторять само изображение. Между тем, нижняя линия у ног совы совершенно не повторяет изображения ног (в изображении ног совы слева вверху виден изгиб, в то время как интересующая нас линия идет совершенно прямо; далее, при сдвоенных и строенных линиях ног, правая выступающая часть ноги имеет только одну линию очертания).

Все эти, как у тетрадрахмы у ног совы, так и у декадрахмы около шлема и у крыла совы, линии, совершенно одинаковые по своему характеру, есть результат выделки самого штампа. Действительно, там, где с противоположной стороны рельеф очень высок (у шлема Афины на декадрахме, где с другой стороны рельеф лица Афины очень высок (табл. 3, рис. 1), и у ног совы на тетрадрахме (табл. 3, рис. 2), где с противоположной стороны голова совы имеет также высокий рельеф), линии спуска делались наиболее уступчатыми и сильно выраженными. Наоборот, там, где с другой стороны рельеф

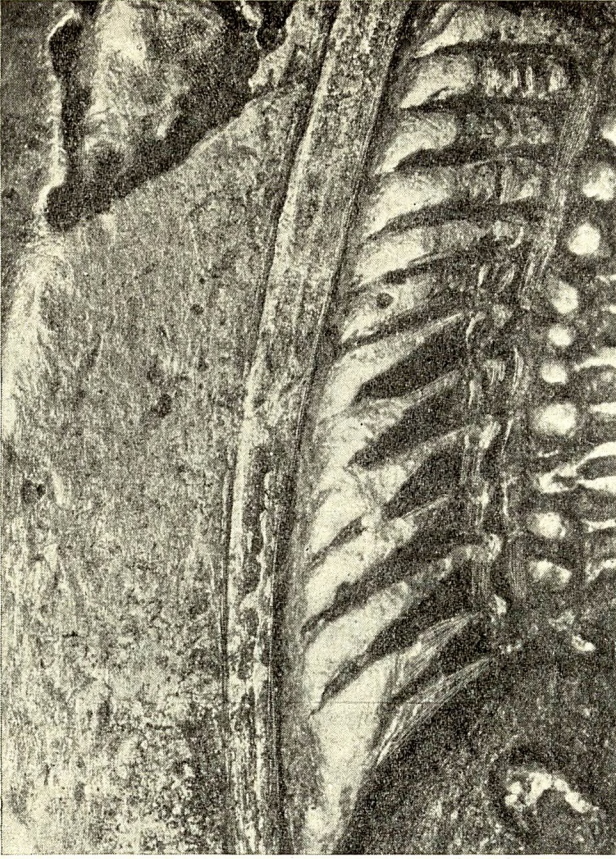

Рис. 1. Макрофотоснимок края шлема Афины.

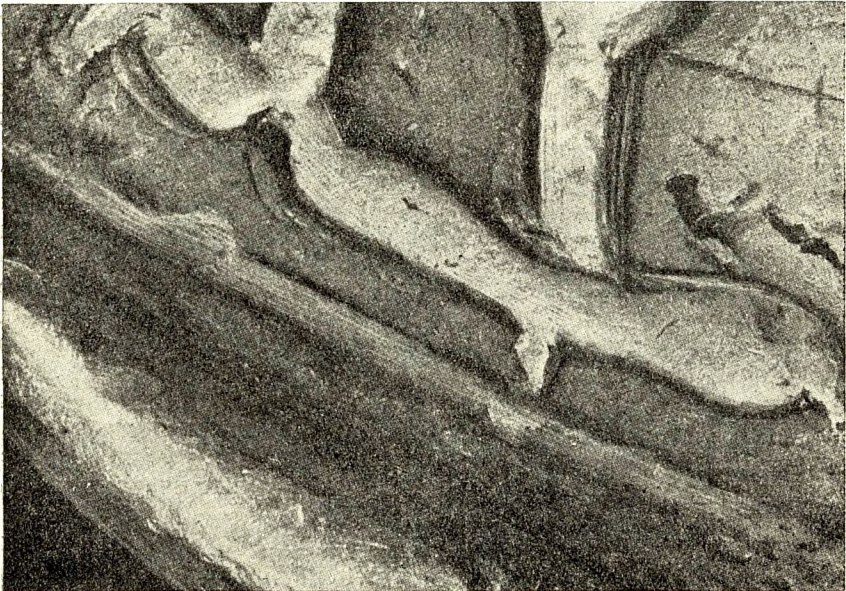

Рис. 2. Макрофотоснимок ног совы афинской тетрадрахмы

этого не требует, линии меньше выражены и имеют малый уступ (крыло совы у декадрахмы) (табл. 2, рис. 2).

4) Нос Афины, который очень много выиграл на макрофотоснимке, показал неподражаемую классическую линию, свойственную лучшим образцам греческого искусства (табл. 2, рис. 1).

Специалист по технике выделки металла, старший научный сотрудник Ф. Я. Мишуков дал следующее истолкование макрофотоснимков в своем заключении: «фотоснимки подтверждают подлинность монеты, ясно устанавливая последовательность фактуры поверхности на монете исследуемой и на монете подлинной из собрания ГИМ. Это — характерная ступенчатость переходов от рельефа к фону, возможная лишь в штампе».

Таким образом, с помощью макрофотоснимков не только было выяснено, что все сомнения в технике монеты, высказанные специалистами Эрмитажа, оказались неосновательными, но было доказано и полное сходство техники штампов исследуемой декадрахмы и афинских тетрадрахм V века до н. эры.

Не довольствуясь, однако, этим, прибегли также к другому методу исследования — к рентгену. В виду того, что рентген для исследования монет у нас еще не применялся, нужно было открыть особый метод для этого.

Такой метод и был открыт и применен впервые в Центральной научно-исследовательской лаборатории цветных металлов и сплавов (ЦНИЛ) научным сотрудником Г. М. Ровенским при консультации известнейшего рентгенолога нашей страны проф. С. Т. Конобеевского и при помощи лаборанта Хаскина. Пользуюсь случаем выразить им глубочайшую благодарность.

В камере Закса были подвергнуты рентгенологическому исследованию четыре монеты: две афинские тетрадрахмы собрания Гос. Исторического Музея, фальшивая декадрахма коллекции Гос. Музея изобразительных искусств, любезно предоставленная для исследования зав. кабинетом нумизматики этого музея Л. П. Харко, и исследуемая декадрахма.

Исследование было произведено одновременно и в отношении обработки монет и в отношении их материала.

Рентгенограммы исследуемой монеты и двух афинских тетрадрахм получились совершенно тождественными, а именно, довольно темные резкие линии одинакового расширения, что говорит об обработке серебра при температуре ниже температуры его рекристаллизации, т. е. ниже 400° . Линии расположены на совершенно одинаковом расстоянии, что говорит о совершенно тождественном материале монет. Снимки производились не только на изображениях монет, но и на совершенно гладких частях монет. И везде рентгенограммы давали одинаковую картину. Это показывает, что как изображения на монетах, так и края монет подвергались совершенно одинаковой обработке при температуре ниже 400° (табл. 4, рис. 1, 2, 3). Такой обработкой мог быть только чекан, так как при литье температура была бы значительно выше. Резец также не мог быть применен, так как при работе резцом края монет дали бы другую картину, чем изображения, где несомненно должно было проявиться напряжение металла при работе резцом.

Совсем другое дали рентгенограммы фальшивой монеты (табл. 4, рис. 4). Там нет резких темных линий, а полная их туманность, что

Таблица 4
Рентгенограммы

Рис. 1. Рентгенограмма тетрадрахмы Гос. Ист. Музея, № 1

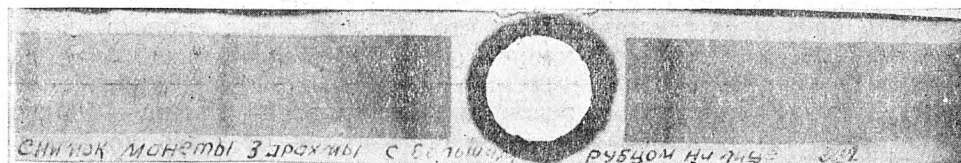

Рис. 2. Рентгенограмма тетрадрахмы Гос. Ист. Музея № 2

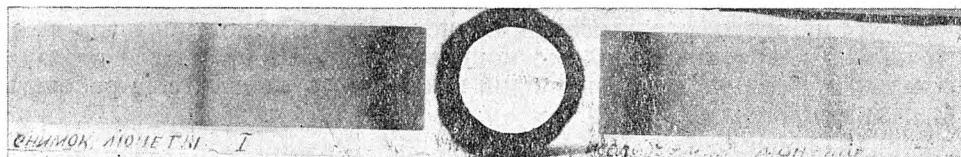

Рис. 3. Рентгенограмма исследуемой монеты (декадрахмы)

Рис. 4. Рентгенограмма подделки

говорит об обработке при высокой температуре, а также о напряжении металла, что могло быть при работе резцом. Кроме того, смещение линий говорит о другом составе металла.

На основании этого о подделке можно сказать, что она была сначала отлита, потом проработана резцом и сделана из другого состава серебра. В самом деле, достаточно на нее взглянуть, чтобы убедиться по темному цвету серебра, что она не выше 84 пробы.

Выводы по рентгенологическому исследованию лучше всего выражены в заключении ЦНИЛ по рентгеновскому исследованию афинских монет:

«Полученные рентгенограммы от всех трех монет (исследуемой декадрахмы и двух афинских тетрадрахм) имеют одну и ту же величину расширения линий как в местах, имеющих сложную поверхность (крылья совы), так и в местах, имеющих гладкую поверхность (лицо и другие гладкие места).

Это указывает на один и тот же способ обработки всех трех монет и одинаковую степень деформации во всех частях монеты, что могло быть достигнуто только чеканкой.

В случае подделки монеты и обработки ее резцом следовало бы ожидать различную деформацию (наклеп) в разных частях монеты.

Положение линий на всех рентгенограммах трех монет одно и то же (линии не смещаются), что указывает на однородность состава сплава, который шел на изготовление этих монет. Рентгенографическое исследование поддельной монеты показало, что величина расширения линий резко отличается от величины расширения линий на рентгенограммах оригинальных монет; кроме того, линии несколько смещены, что указывает на несколько иной состав сплава. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что исследованная монета в 10 драхм является подлинной, кроме этого можно сделать еще один вывод: деформация, вызванная чеканкой монеты, происходит при температуре ниже температуры рекристаллизации этого сплава — 400° , и искажения, вызванные в материале обработкой, остались до наших дней».

Итак, объективные методы исследования лучше всего показали подлинность афинской декадрахмы V века до н. эры, приобретением которой в праве гордиться Государственный Исторический Музей.

Но кроме этого, исследование афинской декадрахмы показало еще, насколько ценно и необходимо привлекать точные науки для вспомогательных исторических дисциплин и как много следует еще работать в этом направлении.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Д. А. КРАЙНОВ. Пещерная стоянка „Замиль-Коба № 1“	7
О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры	33
Е. И. КРУПНОВ. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии	39
О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА. Горкинский могильник	57
М. Е. ФОСС. Погребения на стоянке Кубенино	73
П. А. ДМИТРИЕВ. Вторая Андреевская стоянка	93
Л. А. ЕВТЮХОВА. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее	111
Н. В. ТРУБНИКОВА. К вопросу о Юхновском городище	123
А. П. СМИРНОВ. Прикамье в первом тысячелетии нашей эры	129
Е. С. ВИДОНОВА. Катандинский халат	169
Ю. С. КРУШКОЛ. Афинская декадрахма Государственного Исторического Музея	179

ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
168	3 снизу	Г.-Соц. эк.	Соцэкгиз
168	12 снизу	Ленин, 1935	Ленинград, 1935

Это указывает на один и тот же способ обработки всех трех монет и одинаковую степень деформации во всех частях монеты, что могло быть достигнуто только чеканкой.

В случае подделки монеты и обработки ее резцом следовало бы ожидать различную деформацию (наклеп) в разных частях монеты.

Положение линий на всех рентгенограммах трех монет одно и то же (линии не смещаются), что указывает на однородность состава сплава, который шел на изготовление этих монет. Рентгенографическое исследование поддельной монеты показало, что величина расширения линий резко отличается от величины расширения линий на рентгенограммах оригинальных монет; кроме того, линии несколько смещены, что указывает на несколько иной состав сплава. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что исследованная монета в 10 драхм является подлинной, кроме этого можно сделать еще один вывод: деформация, вызванная чеканкой монеты, происходит при температуре ниже температуры рекристаллизации этого сплава — 400° , и искажения, вызванные в материале обработкой, остались до наших дней».

Итак, объективные методы исследования лучше всего показали подлинность афинской декадрахмы V века до н. эры, приобретением которой в праве гордиться Государственный Исторический Музей.

Но кроме этого, исследование афинской декадрахмы показало еще, насколько ценно и необходимо привлекать точные науки для вспомогательных исторических дисциплин и как много следует еще работать в этом направлении.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Д. А. КРАЙНОВ. Пещерная стоянка „Замиль-Коба № 1“	7
О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры	33
Е. И. КРУПНОВ. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии	39
О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА. Горкинский могильник	57
М. Е. ФОСС. Погребения на стоянке Кубенино	73
П. А. ДМИТРИЕВ. Вторая Андреевская стоянка	93
Л. А. ЕВТЮХОВА. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее	111
Н. В. ТРУБНИКОВА. К вопросу о Юхновском городище	123
А. П. СМИРНОВ. Прикамье в первом тысячелетии нашей эры	129
Е. С. ВИДОНОВА. Катандинский халат	169
Ю. С. КРУШКОЛ. Афинская декадрахма Государственного Исторического Музея	179

Тех. редактор **П. Е. Карпиловский**

Уполн. Главлита А—5844

Сдано в наб. 3/XI 1938 г. Под. в печ. 14/II 1939 г.
12 п. л. 55 120 зн. в 1 п. л. З. 3925. Тир. 1650 экз.

Типогр. изд-ва, „Крестьянская газета“, Москва
Сущевская, 21.